

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научно-практический журнал

ФИНАНСОВЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

№ 3 (11)
2013

Международный редакционный совет

Председатель редсовета — **М. А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, член-корреспондент Российской академии образования

В. А. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Народной Украинской академии — Гуманитарного университета (Харьков, Украина)

Д. Байчунь, доктор философии, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Пекин, Китай)

Т. М. Кальво Мартинес, доктор философии, профессор, директор Парижского международного института философии (Мадрид, Испания)

В. Макбрайд, доктор философии, профессор, Президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Баку, Азербайджан)

А. Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана.

С. Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, проректор по научному и инновационному развитию Финансового университета

В. С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН.

М. А. Федотова, доктор экономических наук, профессор, проректор по научным исследованиям и разработкам Финансового университета

А. В. Шестопалов, доктор философских наук, заведующий кафедрой «Философия» Московского государственного института международных отношений (Университета).

Редакционная коллегия

Главный редактор — **С. Н. Сильвестров**, доктор экономических наук, профессор, Проректор по научному и инновационному развитию Финансового университета.

Заместитель главного редактора — **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета;

А. В. Брега, доктор политических наук, профессор кафедры «Общая политология» Финансового университета;

М. В. Вальяно, кандидат философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета;

Е. В. Ганина, доцент, заведующая кафедрой «Русский язык» Финансового университета;

Е. В. Зорина, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета;

Е. В. Лаптева, доктор исторических наук, профессор кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета;

В. А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор кафедры «Теоретическая социология» Финансового университета;

А. Н. Лебедев, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Прикладная психология» Финансового университета;

И. Л. Масленникова, профессор, заместитель заведующего кафедрой «Русский язык» Финансового университета;

Т. М. Махаматов, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой «Философия» Финансового университета;

Т. Н. Николаева, заместитель заведующего кафедрой «Иностранные языки-1» Финансового университета;

Е. А. Орлова, доктор психологических наук, профессор кафедры «Прикладная психология» Финансового университета;

О. Н. Петрова, кандидат технических наук, заместитель заведующего кафедрой «Иностранные языки-2» Финансового университета;

Я. А. Пляйс, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая политология» Финансового университета;

Г. Г. Силласте, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой «Теоретическая социология» Финансового университета;

И. Н. Шапкин, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета.

Учредитель Финансовый университет

Выпускающий редактор Д. З. Музашвили, к. ф. н.

Дизайн, компьютерная верстка С. М. Ветров

Корректор О. Ф. Федосова

Перевод Г. Г. Пушкина

Подписано в печать 31.10.2013. Формат 60 x 84 1/8.

Объем 10 п. л. Тираж — 165 экз. Заказ № 70

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-т, 51, к. 105

Телефон: 8(499)943-94-82; e-mail: gum-nauki@yandex.ru

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС77-47101 от 24 октября 2011 г.

Мнение редакции и членов редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Рукописи представляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте или на диске). При этом необходимо указать: ФИО, место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, адрес, контактные телефоны, e-mail. Название статьи, сведения об авторе, краткая аннотация (600–800 зн.) и ключевые слова (5–10 сл.) должны быть представлены на русском и, желательнее, на английском языках. Список литературы должен содержать библиографические данные обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок. Список использованной литературы (без повторений) оформляется в конце текста под названием «Литература». В тексте сноски обозначаются постранично. Объем статьи — до 1 п. л.

Редакция оставляет за собой стилистическое редактирование, а при необходимости и сокращение материала, публикуемого в журнале.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- К. А. Зуев, Е. А. Кротков** // Мироззрение, философия, наука:
проблема их соотношения и взаимодействия 4
- Е. И. Замаева** // Концепция государства и государственного управления
в евразийском учении 11

ПОЛИТОЛОГИЯ

- С. Г. Кара-Мурза** // Среднесрочная стратегия развития России: условия успеха 17
- В. А. Кулинченко, А. В. Кулинченко** // Обновление элиты — важная задача
российского общества 29

СОЦИОЛОГИЯ

- Т. И. Заславская** // «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие —
это наука» 36

ИСТОРИЯ

- С. Э. Цветков** // Великий печальник за Отечество — Патриарх Гермоген 58
- Е. А. Агеева** // Московская периодическая печать в 1917-1918 годы: проблема
взаимодействия с новой властью 70
- Е. А. Козлова** // Теоретическое наследие экономиста М. И. Туган-Барановского 83

ПСИХОЛОГИЯ

- Ж. В. Коробанова, Ю. Е. Мужичкова** // Представления о личностных особенностях
российских бизнесменов 87

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Е. А. Федорова, Е. Н. Нестерова** // Инновационное общество и активные процессы
в русскоязычной коммуникации 94

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

- Н. А. Прохорова** // Использование интерактивных технологий в итоговом контроле
при изучении иностранных языков 99

ПУБЛИКАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

- Чжао Янь** // Советская и китайская модели социализма: анализ
на основе исследований китайских ученых 103

ХРОНОГРАФ

- Б. А. Мясоедов** // Издательское дело в моей жизни. Профессия — издатель 113

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- М. М. Скибицкий** // К 80-летию реформ Ф. Д. Рузвельта. Многогранный гений 121
- А. Н. Чумаков, Д. А. Киселев** // Философия в глобальном мире
(к итогам XXIII Всемирного философского конгресса) 123
- Е. И. Замаева** // Проблема национальной идентичности в условиях глобализации 127

ФИЛОСОФИЯ

Мировоззрение, философия, наука: проблема их соотношения и взаимодействия

К. А. Зуев, Е. А. Кротков*

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты соотношения науки, религии и философии, проблема места философии в структуре мировоззрения. Авторы подчеркивают значение философии как метода критического исследования и анализа оснований мировоззрения, а также значение мировоззренческой толерантности в качестве необходимого условия выживания и дальнейшего развития современной цивилизации.

Ключевые слова: мировоззрение; наука; познание; религия; толерантность; философия.

У человечества никогда не иссякнет потребность в мировоззрении — постижении принципиально неопределяемых однозначно предельных оснований существования окружающего нас Мира и непреходящего смысла нашей скоротечной жизни в нем. Хотя это утверждение и не претендует на то, чтобы считать его определением понятия «мировоззрение», оно указывает на некоторые важные его аспекты. Обычно мировоззрение связывают с «картиной Мира в целом», или «обобщенным образом всего существующего», «системой взглядов на Мир» etc. По поводу этих выражений можно с уверенностью сказать только одно: они не могут служить примером определенности в отношении их смысла и предметного значения. К примеру, предполагается, что Мир вмещает в себя все, что существует, включая и то, о чем человечеству еще ничего неизвестно (напомним утверждение Л. Витгенштейна о том, что мир есть синоним всего, что имеет место).

Правомерен вопрос: как можно создать картину, обобщенный образ или самое общее

видение того, о чем нам известна лишь малая толика, и даже составить систему взглядов о нем? Можно, разумеется, зная, что какая-то звезда подобна нашему Солнцу, предположить, что и у нее имеются планеты. Но такой вывод по аналогии имеет своей основой какие-то точно установленные факты из конечной предметной области, в то время как в отношении «всего, что существует» точно установленных фактов нет и быть не может. Под целостностью мира имеют также в виду некое единство его частей (компонентов, элементов, уровней). Чтобы выявить это единство, необходимо иметь какое-то знание о частях. Знание же о частях предполагает известными некоторые из свойств целого.

Но именно такое знание о Мире как целом и является в высшей степени проблематичным. Нередко за «границами» Мира или в нем самом усматривают еще некую внеэмпирическую высшую реальность, которая является первопричиной (Творцом, Движителем, Душой) всего, что существует. Возникает вопрос: на основании чего мы можем заключить,

* Зуев Константин Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета. E-mail: konstanzuev@yandex.ru

Кротков Евгений Алексеевич — доктор философских наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: krotkov_ea@mail.ru

что названная реальность существует, если она, *per definiendum*, недоступна для восприятия органами чувств человека, не может быть обнаружена никакими инструментами и приборами?

О Мире размышляют и астрофизики, используя вместо термина «Мир» слово «Вселенная». Многие из того, что науке известно о доступной нам части Вселенной, вполне заслуживает доверия, опирается на огромный массив наблюдений и их теоретической интерпретации на основе надежно установленных законов физики и иных наук. Вместе с тем остается ряд вопросов, на которые астрофизики и космологи намерены ответить с помощью различных теоретических конструкций, к примеру, тех или иных версий так называемой стандартной космологической модели. Некоторые из этих версий утверждают фактически спонтанное появление Вселенной из ничего. Это можно понимать и так, что фундаментальные физические законы и значения мировых констант существовали до возникновения Вселенной. «Иными словами, законы, похоже, не являются описанием Вселенной, а обладают неким платоновским существованием, помимо самой Вселенной. Мы пока не знаем, как это понимать», — таково заключение А. Виленкина, директора Института космологии в Университете Тафтса (Бостон).¹ Выходит, что и астрофизики в поисках ответа на вопрос о предельных основаниях Мира вынуждены переходить на язык метафизики, в рамках которого даже фундаментальное для научного познания понятие «время» не является обязательным. Не менее сложные проблемы возникают и при описании фундаментальной структуры микромира. Напомним лишь о корпускулярно-волновом дуализме, интерпретация которого в рамках квантовой физики и сегодня не является чем-то тривиальным или имеющим только исторический интерес. Словом, человеческий разум не в состоянии помыслить Мир ни в его актуальной бесконечности, ни как нечто ограниченное

в пространстве и времени, не попадая при этом в сети противоречивых спекулятивных построений. В истории философской мысли об этом весьма убедительно свидетельствуют кантовские антиномии.

Мировоззрение естественным образом увязывается с положением человека в Мире. Что за сущность обозначает термин «человек»? Каково ее происхождение? Как она связана с Миром? Существует три основные версии ответов на эти вопросы. Философский материализм полагает, что человек является продуктом саморазвития материи. Для идеалистической философии определяющим является представление о человеке как продукте некоего всеобщего нематериального начала — духа, разума. В религиозных монотеистических учениях человек предстает вершиной творения мира, призванной расти к Богу-творцу. Ни одна из обозначенных мировоззренческих позиций не имеет абсолютно убедительных логических и содержательных преимуществ перед другими. Дело в том, что на построение / принятие того или иного мировоззрения существенным образом влияют вне-рациональные факторы личности. Эти факторы могут быть различными у оптимистов и пессимистов, меланхоликов и холериков, интровертов и экстравертов, интеллектуалов и прагматиков, пожилых и молодых, в чем и следует усматривать одну из причин впечатляющего многообразия мировоззрений. В. Дильтей отмечал, что мировоззрения «не возникают в результате одной лишь воли познания», и считал «великие жизненные настроения», к которым он относил оптимизм и пессимизм, «подпочвой развивающихся на их основе мировоззрений»². Обращение личности к религиозному мировоззрению при посредстве бессознательных факторов ее психики диагностировалось З. Фрейдом.³ Р. Карнап связывал мировоззрение, которое он приравнивал к мифу, с потребностью выражения «чувства жизни». Но при этом подчеркивал, что искусство является адекватным, а метафизика (философия), напротив, неадекватным

¹ Виленкин А. Одна Вселенная или множество? // Galspace [Электронный ресурс] URL: <http://galspace.spb.ru/indvop.file/49.html> (дата обращения 28. 08. 2013).

² Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах / Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 225, 220.

³ См.: Фрейд З. Будущее одной иллюзии / Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989.

средством для выражения чувства жизни⁴. Известный культуролог и историк западной культуры Р. Тарнас полагает, что в мировоззренческом выборе, помимо усилий интеллектуального характера, участвуют «воля, воображение, вера, надежда и страсть»⁵. «Тревога», «забота», «тошнота», истолковываемые как конститутивные психоэмоциональные состояния человеческой души, сыграли определенную роль в рождении мировоззренческих построений экзистенциальных философов (Ж.-П. Сартра, А. Камю и др.).

И. И. Лапшин, видный деятель русской «университетской» духовной культуры первой половины XX в., ставил весьма примечательный для нашего рассмотрения вопрос: «Почему метафизика Шопенгауэра приняла форму *монистического волюнтаризма*? То есть почему Шопенгауэр признал именно *волю* сокровенной сущностью вещей и почему всякая множественность индивидуальностей (множественность вещей и сознаний) представляется ему лишь видимым отображением *единой* мировой воли?». Ответ он получает из сопоставления экзистенциального опыта Шопенгауэра с его метафизическим принципом: «Дисгармония в волевой деятельности, мучительный разлад между жадой жизни и в то же время полной неудовлетворенностью ее содержанием — вот что было источником личной трагедии Шопенгауэра; этой трагедии он придал характер мировой трагедии».⁶

Научная истина и мировоззрение

Теперь обсудим вопрос об истине применительно к мировоззрению. «Истина мировоззрения» и «научная истина» — существенно различающиеся концепты. Содержание научных теорий, законы и гипотезы, объяснение фактов, прогнозы, как правило, максимально независимы от чувств и настроений исследователей, достаточно уверенно контролируются логикой

и экспериментом (во всяком случае, именно на это нацелена наука), поэтому рано или поздно специалисты приходят к относительному единству в их признании. Мировоззрения тоже могут быть насыщены сведениями из различных областей науки, но для них характерно стремление подвести все многообразие явлений под единое, нередуцируемое к чему-либо другому и вечно пребывающее основание (как бы его ни истолковывали — Абсолют, Материя, Дух и т. п.), а затем «вывести» из него и таким образом объяснить, или «оправдать», пребывание человека в мире. Это означает, что любое мировоззрение коррелирует с решением проблемы смысла человеческой жизни, и, значит, с ценностной ориентацией личности. Выдающийся современный американский философ Р. Рорти неслучайно считает мировоззрение «искупительной истиной». Искупительная истина удовлетворяет человеческую потребность увязать события, людей, идеи в некий единый контекст, который каким-то образом оказался бы естественным, и даже единственно возможным, а также единственно значимым для определения смысла человеческой жизни, потому что только в данном контексте человеческое существование будет представлено в истинном свете⁷.

Вышесказанное подводит нас к вопросу о статусе «смысложизненной» проблематики в философии. Л. Витгенштейн, исходя из соображений антиметафизического характера, настаивал в «Логико-философском трактате» на бессмысленности «большинства предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем»⁸. Что касается непосредственно проблемы смысла жизни, то его мнение таково: «Решение проблемы жизни состоит в исчезновении этой проблемы. (Не это ли причина того, что люди, которым после долгих сомнений стал ясным смысл жизни, все же не могут сказать, в чем этот смысл состоит)»⁹. Однако смысложизненная проблематика, вопреки

⁴ См.: Карнас Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 6. 1993.

⁵ Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. С. 345.

⁶ Лапшин И. Шопенгауэр / Энциклопедический словарь. Издание Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXIXA. С. 79.

⁷ См.: Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003, №3.

⁸ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2010. П. 4.003

⁹ Там же. П. 6.521.

строжайшим запретам антиметафизиков, никогда не утрачивала и, надо полагать, не утратит своей актуальности. На уровне сознания личности она фокусируется в вопросе «Зачем я живу?». Этот вопрос, справедливо полагал русский религиозный философ С. Франк, волнует и мучает в глубине души каждого (хотя, конечно, значение этого вопроса для конкретного человека во многом зависит от его образования, жизненного опыта, темперамента, формы и степени религиозности, типа деятельности и т. д.).

Хотя человек может на время, и даже на очень долгое время, совсем забыть о нем, погрузиться с головой или в будничные интересы, в заботы о материальной стороне жизни, в творческую самореализацию или социальную активность, но совсем и навсегда отмахнуться от этого вопроса не может и духовно неразвитый человек. Поэтому о том, что представляется столь важным для каждого человека, лучше все же говорить, чем молчать, даже если не удастся говорить столь же ясно и доказательно, как это делает во многих случаях наука.

С. Франк (как и другие религиозные мыслители) считал, что вопрос о смысле жизни категорически неразрешим вне контекста религиозного мировоззрения и конкретного постулата о вечной жизни души. Но разве это единственно возможное решение? В безрелигиозном мировоззрении решение проблемы смысла жизни совсем не обязательно должно быть пессимистичным и нигилистичным. Например, таким: человек — при желании и наличии воли — может обрести смысл своей жизни в том, что он дает людям (своим созидательным трудом, творчеством), что он берет от мира (радость общения в кругу семьи и с друзьями, с природой и искусством); наконец, в личном примере мужества и человеческого достоинства, с которыми он переносит тяготы бытия и удары судьбы. Для многих людей такая мировоззренческая установка не обязательно предполагает надежду на вечную жизнь (которая для верующего неотрывна от исправного молитвенного служения), хотя и их жизнь

преисполнена достоинства и благородства, сознания выполненного долга и т. д.

Кант в своей «Критике чистого разума» пришел к выводу, что любые попытки рационально обосновать метафизическую «истину» приводят к логическим тупикам (противоречиям) и теоретическим парадоксам¹⁰. Однако в своем учении о нравственности («Критика практического разума») Кант признает необходимость веры человека в существование Бога как духовной опоры личности в ее усилиях следовать своему нравственному долгу, и «эту веру ничто не может поколебать»¹¹. В этой амбивалентности Кант отразил фундаментальный факт европейской культуры: истина и вера, наука и религия могут взаимодополнять друг друга как единство противоположностей, составляющее своеобразную пружину, двигательную силу саморазвития европейской культуры.

Неслучайным следует считать тот факт, что многие выдающиеся ученые сочетали в своем мировоззрении представление о Боге как мудром и благом устройтеле Вселенной с убежденностью в неограниченных возможностях строго научного метода получать истинное знание о природе (Б. Паскаль, И. Ньютон, М. В. Ломоносов, К. Линней, М. Фарадей, Л. Пастер, М. Планк и др.).

Мировоззрений много, но важно понять, что среди них нет и не может быть «единственно верного». При этом проблема не в том, что одна мировоззренческая позиция доказывается неправильно, а другая — правильно (или наоборот), но в том, что у полемизирующих сторон не существует единого поля аргументации: те положения, которые в качестве аргументов являются несомненно истинными для одних, не признаются в качестве таковых другими, и любая дискуссия оказывается неконструктивной. Поэтому человек волен идти по жизни с понятной ему и родственной его душевной организации «искупительной истиной» (если он вообще нуждается в ней), и никто не должен понуждать его ни с помощью прозелитизма или системы воспитания/образования к принятию какого бы то ни было «аутентичного» мировоззрения.

¹⁰ См.: Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 2008.

¹¹ См.: Кант И. Критика практического разума. М.: Наука, 2007.

И это — нормально: кто-то надеется получить «искупление» верой в единого Бога (Христа, Аллаха, Яхве); для других представление о подобном существе (как и о его способности творить чудеса, а также о его стремлении поощрять и наказывать людей за их поступки, за веру в него или отсутствие таковой) несовместимо как с результатами, так и проблемами, методами, языком, вообще всем духом современной науки, технологическим прогрессом, в которых не нашлось места ни Богу (во всяком случае, такому его пониманию, которое присуще любой из известных религий), ни чудесам; третьи тяготеют к многокрасочному миру языческого многобожия и т. д. Все же притязания на наличие интерперсонального, «пригодного» для всех мировоззрения (научного, философского либо религиозного) являются плодом либо невежества, либо лукавства: в доступной человеку части Мироздания и в нем самом нет ничего такого, что с необходимостью побуждало бы его ум и сердце занять именно эту, а не какую-то иную мировоззренческую позицию.

Религиозность и поиски духовности

В России противостояние тех, кто «горой стоит» за церковную веру, и тех, кто с тем же энтузиазмом ее отвергает, не завершилось фактом поражения политических сил, насаждавших безверие не только с помощью идеологического террора, но и физического насилия: с уходом в небытие государственного «воинствующего» материализма и атеизма нарождается феномен «воинствующей» церковной веры. Сегодня достаточно распространенной стала мысль о том, что обращение народа в эту веру необходимо для спасения России от нравственного нигилизма и вестернизации, а тот гражданин, который скептически относится к ней, непатриотичен, бездуховен и потенциально опасен для общества.

Само понятие «духовность» при этом безоговорочно отождествляется с церковной религиозностью, а нравственное просвещение и воспитание молодежи считается возможным осуществлять лишь в рамках приобщения к религиозным ценностям и церковной догматике. Об этом свидетельствуют стремление встроить

религиозную идеологию в школьное образование (под предлогом ознакомления молодых людей с основами религиозной культуры), передача церкви хранящихся в музеях произведений искусства и символов религиозного содержания, регулярное присутствие церковных иерархов на каналах СМИ в роли блюстителей общественной нравственности, и т. п. Конечно, нынешнюю ситуацию можно понять как восстановление исторической справедливости после многих лет гонений со стороны официально государственного атеизма, которые церковь испытала в советский период. Не следует недооценивать и ту огромную роль, которую церковь сыграла в развитии культуры (особенно европейской): многие гениальные произведения литературы, музыки, живописи не только были вдохновлены религиозными сюжетами, персонажами, чувствами, но их невозможно в полной мере понять, абстрагируясь от этой основы. Все это справедливо. И все же в современном мире, опирающемся на быстро растущие научные знания, создаваемые на их основе высокие технологии, при условии жизни в светском государстве вряд ли правомерно делать столь сильный акцент на значении религиозных ценностей (забывая при этом, что значительная часть населения или продолжает оставаться безразличной к религиозной проблематике или формируется на нерелигиозной и даже антирелигиозной мировоззренческой основе). Забывается при этом и то, что противостояние религиозному мировоззрению является столь же древним и часто не менее плодотворным для развития мировой культуры, чем сама религия.

При сегодняшнем уровне развития науки по меньшей мере странным можно считать отношение к священным текстам любых религий как источнику серьезных знаний о природе и самом человеке. Это часто оборачивается ретрансляцией самых примитивных и архаичных представлений об окружающем мире, способствует росту недоверия и скепсиса по отношению к сложному и кропотливому труду ученых (которые сами никогда не претендуют на обладание окончательной истиной), снижению авторитета науки в общественном сознании и, в том числе (что особенно опасно), в молодежной среде.

Следует, наверное, напомнить и о том, что интерпретируют подобного рода явления как неизбежное столкновение божественных и сатанинских сил, а такая интерпретация потенциально опасна тем, что на ее основе можно без особого труда оправдать фанатизм, и каждая из конфессий, следуя завету ее основателя, провозглашает свою веру единственно верной, а принадлежность к иной вере едва ли не большим грехом, чем просто безверие. Религии, особенно монотеистические, по своей сути непримиримы к иным религиям и вообще к иным мировоззрениям. Они претендуют на то, что именно в них и через них человеку открывается Божественная Истина. Если Бог истин, если истинны Его имя, облик, атрибуты, священная история, святые, то это должна быть истина для всех людей, — отмечает Н. С. Розов¹². А ведь И. Кант предупреждал нас: «<...> религиозные распри, которые столь часто потрясают мир и заливают его кровью, никогда не представляли собой ничего другого, кроме разногласий из-за церковной веры»¹³. Идеологи религиозных организаций нередко проповедают жестокость (которая всегда присутствовала во всех религиях наряду с милосердием и состраданием).

Впрочем, и другие формы мировоззрения, «обращенные» в идеологию, с наименьшим «успехом» использовались для антигуманных целей (метафизика воли к власти — в идеологии третьего Рейха; социальная метафизика классовой борьбы — в идеологии большевизма etc.) В этом смысле теизм и атеизм, равно как идеализм и материализм (в их идеологизированном формате), с присущей им интенцией «победить», «искоренить», «вытеснить», не вписываются в модель консонансного социального бытия. Поэтому желательной является такая ситуация в обществе, когда над политическим, юридическим и социально-экономическим дискурсами не довлела бы мировоззренческая идеология, а мировоззренческий выбор личности не находился бы под прессом государства и церкви.

Проблема толерантности

Особенно важной проблемой для современного мира, на наш взгляд, представляется укрепление традиции толерантности в мировоззренческой сфере. Европа выстрадала эту традицию на собственном историческом опыте кровопролитных религиозных войн. В других регионах мира, религиозных конфессиях есть свои истоки и опыт толерантности (например, в буддизме). Однако толерантность не является пока доминирующей тенденцией в современном мире. Ее антиподом является мировоззренческая нетерпимость, т.е. не просто критическое либо скептическое, но именно агрессивное отношение к людям с иным мировоззрением на основе убеждения в том, что только мое (наше) мировоззрение правильно и допустимо. Примеры проявления этой нетерпимости (на этнической, религиозной, социальной основе) хорошо известны в том числе из истории последнего столетия. Безальтернативный способ коммуникации между субъектами несовместимых мировоззрений нам представляется таким, когда ее участники оказываются способными к соблюдению мировоззренческого нейтралитета: «Слышать друг друга, и при этом обойтись «без драк на меже» <...> можно лишь при обоюдном допущении, что может быть, я прав, или, может быть, ты прав, или никто из нас, или, неизвестным для нас способом, мы оба правы вместе»¹⁴.

Часто упускают из виду, что толерантность может иметь место лишь при наличии единства в сфере базовых ценностей консонансного социального бытия. Ныне человечество уже познало горечь мировоззренческой нетерпимости, расового, национального, социально-классового эгоизма. Оно поставлено перед необходимостью решения острейших экологических проблем, предотвращения либо преодоления последствий катастроф природного характера, вплотную приблизилось к прозрению (философскому осмыслению) координат единого аксиологического пространства

¹² См.: Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 1998.

¹³ Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 178.

¹⁴ Панич А. О пользе и вреде скептицизма для философии //Fornit [Электронный ресурс] <http://www.scorcher.ru/art/theory/scepticism/scepticism2.php> (дата обращения 28. 08. 2013).

международного сообщества, принципов его глобальной жизненной идентичности, «кодекса человечности». Номинально они представлены в международно-правовых документах и актах, а также в национальных конституциях демократических стран. Разумеется, это единство не есть априорное, раз и навсегда предзаданное условие всепланетного человеческого бытия.

Это, скорее, задача, которую каждое новое поколение обречено переосмысливать и решать заново, сознавая при этом, что осуществление этого единства всегда является временным и исторически обусловленным. И так ли уж важно (в практическом плане), в чем усматривать его основание — в антропологическом единстве человечества, в адаптационных закономерностях эволюции социального бытия, в априорной теоретической интуиции, или в Слове, которое было у Бога? Важно признать другое: добровольное и осознанное (по

Канту — основанное на понимании и самообязывании) следование кодексу человечности составляет одно из важнейших условий выживания планетарной цивилизации. Разработка и обоснование возможных сценариев развития в эпоху глобализации, прогнозирование ценностного универсума человеческой цивилизации — таково одно из важнейших предназначений современной гуманистической философии и основание ее существования в качестве важнейшего компонента культуры. Такая философия невозможна без опоры на принципы современного рационализма (включающего, безусловно, понимание значимости все более совершенных наблюдательных и экспериментальных средств), без осмысления постоянно расширяющегося объема научных знаний о мире и человеке, без всестороннего критического анализа противоречивого (и нередко трагического) тысячелетнего опыта.

Литература

1. Виленкин А. Одна Вселенная или множество? // Galspace [Электронный ресурс] URL: <http://galspace.spb.ru/indvop.file/49.html> (дата обращения 28. 08. 2013).
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М.: АСТ, 2010. — 177 с.
3. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах / Культурология. XX век: Антология. — М.: Юрист, 1995. — 703 с.
4. Кант И. Критика практического разума. — М.: Наука, 2007. — 528 с.
5. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Наука, 2008. — 662 с.
6. Кант И. Трактаты и письма. — М.: Наука, 1980. С. 178. — 712 с.
7. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник Московского университета. — Серия 7. — Философия. — 1993. — № 6.
8. Лапшин И. Шопенгауэр // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — СПб., 1903. Т. XXXIXA. — С. 79.
9. Панич А. О пользе и вреде скептицизма для философии // Fornit [Электронный ресурс] <http://www.scorcher.ru/art/theory/scepticism/scepticism2.php> (дата обращения 28. 08. 2013).
10. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 1998. — 292 с.
11. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. — 2003. — № 3.
12. Тарнас Р. История западного мышления. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. — 448 с.
13. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. — М.: Политиздат, 1989. — С. 94–143.
14. Чукин С. Г. Ю. Хабермас versus А. Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования / Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий: Сборник к 75-летию профессора М. Я. Корнеева. Серия «Мыслители». Вып. 11. — СПб., 2002.

Концепция государства и государственного управления в евразийском учении

*Е. И. Замараева**

Аннотация. В статье рассматривается концепция государства и государственного управления в учении евразийства, одного из философских и общественно-политических движений первой волны русской эмиграции. Анализируются ключевые идеи евразийской концепции государственного устройства, в том числе понятия «идеократия», «идея-правительница», «правлящий отбор».

Ключевые слова: государственное управление; евразийство; Евразия; идеократия; идея-правительница; правящий отбор.

В переломные периоды развития страны интерес к институтам государственного строительства и государственного управления возникает особенно часто. С этой точки зрения евразийское учение представляет особый интерес, так как является одним из интереснейших явлений в истории Русского Зарубежья начала XX в. В свете соотнесения с реалиями сегодняшнего дня евразийство представляется одной из оригинальных философских попыток осмысления исторического пути развития нашей страны и освещает многие проблемы современности. Вопросы, поставленные евразийцами, особенно актуально звучат в нынешнюю эпоху обострения межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

Евразийские идеи сегодня востребованы различными политическими и общественными движениями России, и существуют попытки использования их в практической деятельности. Евразийская доктрина не только была взята на вооружение оппозицией, но

и в некоторой степени нашла свое воплощение в действующих правительственных структурах. Особенно интересна в этом смысле идея Евразийского союза, крупного интеграционного геополитического и геоэкономического наднационального объединения, которое может стать одним из центров современного глобального мира и при этом выполнять задачу эффективной «связки» между Европой и динамично развивающимся Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Основополагающим тезисом евразийской доктрины является положение об особенностях России как уникальном самобытном и самодостаточном мире, который основатели движения удивительно точно называли Евразией, подчеркивая этим связь нашей страны и с Западом, и с Востоком.

Важной частью евразийского учения является концепция государства и государственного управления, которая тесно связана с проблемами экономики, политики, геополитики, культуры и религии. Н. С. Трубецкой,

* *Замараева Елена Ивановна* — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Финансового университета.
E-mail: zamaraeva_e@mail.ru

основоположник, организатор и идейный лидер евразийского движения, трактует государство следующим образом: «Социологически государство есть территория, все жители которого подчиняются определенным законам и повелениям, исходящим из одного волевого центра, то есть правительства. Подчинение это у одних сознательно-добровольное, у других вынужденное или бессознательно-механическое. Во всяком случае, государство есть, так сказать, категория «географически-волевая». Понятие государства предполагает обращенность воли на устройство земной, материальной жизни на определенном клочке земли. Кроме того, понятие государства непременно и существенно связано с понятием волевого насилия. ... Таким образом, сущность государства определяется суммированием и механической комбинацией определенных волевых стремлений, действующих на данной географической территории»¹. Важно заметить, что понятия «государство» и «народ» не являются для Трубецкого синонимами. Государство, по мнению ученого, это исключительно земное, социальное явление, которое ограничивается географическим положением и сущностью власти. «Государство не есть личность и не есть творение Божие, а есть земное благо, созданное руками человеческими... Только с народами, а не с царствами у Бога есть личные отношения»².

Евразийская государственная концепция базируется на основополагающих идеях, которые содержатся в евразийском учении. Прежде всего, это положение о России-Евразии как уникальном этнокультурном мире со своей собственной историей и особым путем развития. Следует отметить, что евразийцы рассматривают культуру как особую «симфоническую личность», в которой компонентом общественного бытия является не

индивидуум, а «многочеловеческая» соборная личность, части которой органично соединены и раскрываются исключительно во взаимодействии, образуя единство. В этой ситуации народ выступает как организованная согласованная целостность социальных групп, а культура народа как симфоническое единство «многонародной» личности. Таким образом, культура одновременно является объективацией симфонической личности и осуществляется через индивидуумов³.

Кроме этого, в евразийской концепции государства заложена идея «месторазвития», предполагающая создание на территории России-Евразии единого государства⁴.

В наиболее полной форме концепция евразийского государства представлена в трудах Н. Н. Алексеева, который дает ей название «гарантийное государство». Рассматривая понятие государства, он выделяет четыре основных компонента, из которых оно состоит: 1) территория; 2) население, или народ; 3) власть; 4) организованный порядок⁵.

Вопрос об отношении государства к территории анализировался и западными исследователями, которые тоже подтверждают влияние территории на государственное строительство. Но, как утверждает Н. Н. Алексеев, только евразийское понятие «месторазвития» особо подчеркивает органический характер процессов исторической жизни человеческих обществ на определенной земле⁶. Евразийцы преследовали практические цели построения идеального государства в пространстве России-Евразии, поэтому невозможно было обойтись без рассмотрения территориальных особенностей этого пространства.

Народ, или население, следующий компонент государства, евразийцы рассматривают как особую культурную личность: «Культурная личность есть соборное единство всех

¹ Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К. Б. Ермишиной. М., 2008. С. 150–151.

² Там же. С. 150.

³ Карсавин Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 176–177.

⁴ Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 322.

⁵ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 403.

⁶ Там же. С. 407.

входящих в культуру наций»⁷, — а нация, в свою очередь, «есть соборное единство всех индивидуумов, своеобразно отображающих в своих состояниях особенности национальной жизни»⁸. В трактовке понятия «народ», по мнению евразийцев, необходимо учитывать культурную компоненту. Для понимания культурных форм надо принимать во внимание не только расовую, национальную, конфессиональную компоненту, но и причастность к тому или иному культурному миру. Поэтому для характеристики народов, населяющих пространство России–Евразии, важнейшим является фактор принадлежности их всех к единой евразийской культуре.

Евразийская доктрина определяет примат культуры над государством. В программных документах евразийцев указывается, что государство является вторичной формой бытия культуры: «Принципиально государство есть сама культура в ее единстве и в качестве единства многообразия, т. е. принципиально государство охватывает все сферы жизни»⁹. Совершенное государство в трактовке евразийцев может быть только идеократией.

Впервые о власти идеи как основной характеристике государственного строя написал П. Н. Савицкий в своей работе «Подданство идеи» (1923)¹⁰, затем эта концепция получила свое развитие в трудах Н. С. Трубецкого.

Новый тип отбора общественного устройства Н. С. Трубецкой называет «идеократией», подчеркивая тем самым верховенство идеи. При этом главным признаком отбора правящего слоя является общность мировоззрения. «Под идеократией же понимается строй, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице»¹¹. Идеократия характеризуется господством определенной идеи, которая отражает социокультурную миссию данного государства и особый механизм отбора ведущего слоя.

Наличие ведущего, иначе говоря, правящего, слоя необходимо любому государству. По мнению евразийцев, появление правящего класса вызвано естественной потребностью общества в организации.

Как же трактует Трубецкой категорию «правлящий слой»? «Взгляд на государственно организованное человеческое общество как на живое организованное единство предполагает существование в этом обществе особого *правлящего слоя*, то есть совокупности людей, фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого»¹². И «правлящий слой», и «государственный актив» выбирается из общей массы данной общественно-государственной среды по определенному признаку, который и является самым существенным для характеристики какого-либо государства.

Правящий, или ведущий, слой государства характеризуется общностью мировоззрения и готовностью к социальному служению на основе этого мировоззрения. Идеократия, по мнению евразийцев, является наиболее естественным для России типом правления, потому что исторически только высшая идея придавала смысл существованию российского государства и являлась необходимым условием его бытия на огромной территории. В соответствии с евразийской концепцией народа — симфонической личности, идея должна органично вырастать из культурного, национального и географического своеобразия конкретного региона. Иными словами, она должна выражать устремления сообщества людей, объединенных одним месторазвитием и разделяющих одну историческую судьбу.

В идеократическом государстве не может быть замкнутого правящего слоя, препятствующего выдвижению талантливых людей; при идеократии доступ в высшие эшелоны власти

⁷ Там же. С. 442.

⁸ Там же.

⁹ Евразийство. Опыт систематического изложения // Мир России — Евразия: Антология / Сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Высш. шк., 1995. С. 263.

¹⁰ См.: Савицкий П. Н. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

¹¹ Н. С. Трубецкой. История. Культура. Язык / Сост. В. М. Живова. М.: Прогресс, 1995. С. 438.

¹² Там же. С. 407.

должен быть открыт любому человеку, кроме того, использование профессионалов, даже если они не входят в государственно-идеологическую организацию, является важнейшим признаком. Если при аристократии несоответствие между правами и обязанностями правящего слоя превращает его в привилегированное сословие, то при идеократии права функционально связаны с обязанностями: чем больше прав, тем больше обязанностей и ответственности.

Идеократия как наиболее подходящий для России государственный строй, по мнению евразийцев, сочетает в себе лучшие свойства монархии, то есть власть и силу, которые не перерождаются в тоталитаризм, и демократии — реальное участие народных масс в строительстве государства. При идеократии правящий слой отбирается по признаку преданности основной идее государства — «идее-правительнице». Ведущим признаком является общность мировоззрения и готовность принести себя в жертву «идее-правительнице». Государство оптимально функционирует, если ведущий слой находится на службе у «идеи-правительницы». Когда же служба является самоцелью, неизбежны бюрократизм и коррупция, возникает конфликт между правящим слоем и отбором, возрастает закрытость этого слоя и усиливаются групповые интересы.

Обосновывая евразийскую концепцию государства, Н. С. Трубецкой отмечал: «Идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою идею-правительницу (носителем которой является объединенный в одну-единственную государственно-идеологическую организацию правящий слой) и в силу этого непременно должно само активно организовывать все стороны жизни и руководить ими. Оно не может допустить вмешательства каких-либо не подчиненных ему, неподконтрольных и безответственных факторов — прежде всего частного капитала — в свою политическую, хозяйственную и культурную

жизнь и потому неизбежно является до известной степени социалистическим»¹³.

Функции ведущего слоя в евразийской концепции не совпадали с функциями управления. Управленческая роль отводилась бюрократическому аппарату, а деятельность правящего слоя должна была быть сосредоточена на подготовке людей, которые должны руководить. Следовательно, именно правящий слой должен контролировать формирование государственного идеала.

Евразийцы считали, что новому государству нужна единая государственная идеология, которая будет связана с конкретной жизнью тесной связью, которая будет универсальной, симфоничной и соборной. Поэтому монолитному государству необходима моноидеология, то есть государственная идеология с идеей-правительницей и ее материальным носителем, которым и является правящий слой. «Жизнь рождает идеологию, что не умаляет идеологии, ибо жизнь и есть конкретность идеи»¹⁴, — утверждали евразийцы в программном документе «Евразийство. Опыт систематического изложения». Основой такого государства, его путеводной нитью должна стать «идея-правительница». Не всякая идея, по мнению евразийцев, может стать «идеей-правительницей», она должна быть такова, что ей стоит служить и ради нее стоит жертвовать, и эта жертва воспринималась бы гражданами как морально оправданный и ценный поступок. Поэтому в основе «идеи-правительницы» не может лежать эгоизм ни биологический, ни социальный.

«Идея-правительница» становится сущностью новой власти, ее структурирующим элементом, ей же принадлежит роль архетипа данной культуры, который определяет ее развитие, соединяя этнические, географические, исторические и психологические компоненты. «Идея-правительница» — это не рациональная идея, она не может быть осознана разумом до конца, она переживается, но не всегда осознается. Это источник культурной деятельности,

¹³ Н. С. Трубецкой. История. Культура. Язык. / Сост. В. М. Живова. М.: Прогресс, 1995. С. 438.

¹⁴ Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост. Исаев И. А. М.: Русская книга, 1992. С. 354.

в основе которого лежит духовное самосознание нации и реальная деятельность правящего слоя. Таким образом, «идея-правительница» — это суть новой власти, ее направляющая основа, а правящий слой — социальная почва. Такой «идеей-правительницей», по мысли Н. С. Трубецкого, может стать общеевразийский национализм, который трактуется как единый наднациональный интерес народов России–Евразии, способствовавший созданию нашего государства, определявший и направлявший в течение веков его внешнюю и внутреннюю политику, экономику, идеологию, культуру. «Идеей-правительницей подлинно идеократического государства может быть только благо совокупности народов, населяющих данный автаркический мир»¹⁵.

Однако евразийское государство опирается не только на государственную идею и ведущий слой, но и на волю народа. Для того чтобы различить подлинный народный суверенитет и западную демократию, евразийцы ввели термин «демотия». Это понятие в евразийской литературе впервые встречается в работе Я. Д. Садовского «Оппонентам евразийства» (1923). Евразийцы этот термин вводят для обозначения такого строя, в котором преодолен формальный характер европейской демократии. Концепцию демотии затем разрабатывали в своих трудах Л. П. Карсавин и Н. Н. Алексеев. Анализируя взаимодействие управляемых и управляющих в государстве, евразийцы стремились выработать такую форму государственной организации, которая позволит руководящему слою органично вырасти из народа. «Мы будем называть в последующем все те государственные формы, где официальные органы власти не совпадают с правящей группой и образуются путем отбора из народных масс, формами демотическими»¹⁶. Евразийцы имели в виду «народный» характер государства, а понятие «демократия» отождествляли с идеей народного самоуправления.

Гарантийное государство, или демотия, отличается от демократии тем, что народный

суверенитет здесь органичен и организован, а народ трактуется как совокупность исторических поколений, образующих оформленное государством единство культуры, и выражает свою волю не путем голосования за ту или иную партию, а через организованную систему советов. Для евразийцев необходимо было сохранить Советы, отвергнув при этом коммунизм.

Н. Н. Алексеев, в частности, предлагал следующий механизм: в органах представительства государственная идея находит свое конкретное воплощение в соответствии с текущими государственными задачами, а ведущий слой является тем элементом, который стабилизирует общественное мнение с помощью государственной идеи.

В евразийском учении о государстве и государственном управлении важна идея сильной власти и сильного государства, представляющего интересы народа и сохраняющего с этим народом живую тесную связь. Новое государство должно сочетать в себе право и закон с нормами нравственности и совести. Роль государства в общественной жизни идеализируется и абсолютизируется, государство охватывает все сферы жизни, и даже частную. «Мы, русские, должны, прежде всего, отказаться от европейских форм политического мышления, перестать преклоняться идолу (к тому же чужому) «формы правления», перестать верить в возможность идеального законодательства, механически и автоматически гарантирующего всеобщее благополучие, словом, должны оставить взгляд на человеческое общество как на бездушный механизм, — взгляд, на котором основаны все современные социально-политические идеологии. Не в совершенном законодательстве, а в духе, созидаемом и укрепляющем государство через быт и устойчивую идеологию, следует искать грядущий идеал. Задача современности — не в юридической спекуляции, а в создании устойчивой духовной базы и в бытовом ее воплощении»¹⁷.

¹⁵ Н. С. Трубецкой. История. Культура. Язык / Сост. В. М. Живова. М.: Прогресс, 1995. С. 441.

¹⁶ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 549.

¹⁷ Н. С. Трубецкой. История. Культура. Язык. / Сост. В. М. Живова. М.: Прогресс, 1995. С. 325–326.

Идеократическое государство должно быть непременно сильным, так как только сильное государство — показатель его жизнеспособности. Удивительно актуально звучали написанные почти сто лет тому назад слова Л. П. Карсавина: «Государство в таком большом и многонациональном культурном целом, как Евразия–Россия, может быть или только сильным, или совсем не быть»¹⁸.

Евразийцев часто обвиняют в верховенстве коллективного, соборного начала над индивидуальным, так как для западного мышления коллективизм является синонимом тоталитаризма, уничтожающего человеческую личность. Однако, по мнению современного исследователя евразийства Г. И. Кургана, дилемма между индивидуализмом или тоталитаризмом — это ложный выбор. «Евразийцы, отвергая оба полюса этой мнимой антитезы, выбирают третье — подлинную коллективность, при которой личность не только не подавляется, но обретает средства и возможности для своего раскрытия. Такая коллективность получила в русской философии наименование соборности и была концептуально осмыслена еще славянофилами. Совсем не случайно, что западная

философия подобной категории не знает! Индивиды в западном обществе вступают в общение как индивидуумы — самодостаточные в моральном отношении сущности, монады. Коллектив (не путать с иными формами объединения!) здесь попросту невозможен. Каждый человек выступает как абсолютный в нравственном смысле самозаконодатель, находящий основание своих императивов в себе. Так индивидуализм оказывается логически связанным и смыкается с «человекобожием», вступающим в прямое противоречие с сущностью не только православия, но и ислама»¹⁹.

Подводя итог, отметим, что евразийская концепция государства и государственного управления, разработанная еще в начале прошлого века, не только не потеряла своей значимости и актуальности, но безусловно востребована современными учеными и политиками в качестве основы для разработки новых схем государственного устройства в условиях постсоветской действительности. В этой ситуации евразийское наследие представляет несомненную ценность и требует самого внимательного изучения, осмысления и раскрытия.

Литература

1. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. — М.: Аграф, 1998. — 640 с.
2. Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост. *И. А. Исаев* — М.: Русская книга, 1992.
3. Карсавин Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. — М.: Наука, 1993. — С. 174–216.
4. *Курган Г. И.* Основы евразийства. — М., 2007.
5. *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997. — 464 с.
6. *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык / Сост. В. М. Живова. — М.: Прогресс, 1995. — 800 с.
7. *Трубецкой Н. С.* Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928 / Сост. *К. Б. Ермишиной*. — М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008. — 384 с.
8. *Савицкий П. Н.* Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 776 с.

¹⁸ Карсавин Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология / Сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. С. 38.

¹⁹ Курган Г. И. Основы евразийства. М. 2007. С. 127.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Публикуя в прошлом номере журнала статью Г. Х. Попова «Пятый сценарий будущего России», редакция начала обсуждение самой актуальной среди ученых-экспертов и политических аналитиков темы — выбор вектора развития страны на длительную перспективу.

Тема исторического выбора является важной и злободневной не только с точки зрения тех серьезных и острых проблем, которые стоят сегодня на повестке дня, но и с точки зрения выбора оптимально выверенной и новаторской стратегии развития страны, движение по которой позволит ей вернуться в число ведущих мировых лидеров.

Свою позицию по этой проблеме в этом номере высказывает известный политолог профессор С. Г. Кара-Мурза.

Среднесрочная стратегия развития России: условия успеха

С. Г. Кара-Мурза*

Официальной стратегической доктрины пока нет, наметки ее даны в пяти предвыборных статьях В. В. Путина. В них обозначены реперные точки, вот некоторые из них.

За десять лет Россия должна в полтора раза увеличить ВВП на душу населения — до 35 тыс. долл. на человека. Выйти на экономический рост до 6–7% в год. Через пять лет должна войти в пятерку крупнейших экономик мира и на треть повысить производительность труда. Локомотивом роста должны стать новая индустриализация и модернизация страны. За ближайшие 20 лет намечено создать 25 млн новых, высокотехнологичных, хорошо оплачиваемых рабочих мест для людей с высоким уровнем образования. На модернизацию ВПК за десятилетие будет выделено порядка 23 трлн руб.

В принципе, ресурсы для достижения этих показателей в России есть. Но вопрос в том, в какую систему встроены эти ресурсы, какими связями они соединены в «машину» развития. Если эти связи образуют порочные круги, ресурсы будут исчезать в «черных дырах» разного рода. Если сами порочные круги соединятся в систему, то разорвать их один за другим не удастся — это называется «историческая ловушка». Вырваться из нее можно только посредством радикальной системной трансформации — революции какого-то типа, адекватно современному состоянию.

На мой взгляд, в нынешней системе сложились и воспроизводятся мощные барьеры для развития — при благоприятных условиях для деградации. Борьба с нею поглощает все больше ресурсов. Если так, реализация Стратегии в среднесрочной перспективе проблематична.

Тезисы доклада, сделанного на семинаре «Основания для пессимистического прогноза движения России по маршруту, заданному в 1990-е годы. Основные угрозы на этом пути» (Москва, Центр проблемного анализа, 28. 03. 2013 г.) URL: <http://problemanalysis.ru/conf/seminari/>.

* *Кара-Мурза Сергей Георгиевич* — доктор химических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, E-mail: frpc@cea.ru.

Каковы основания для сомнений в успехе реализации этой Стратегии? Рассмотрим три «среза» России, определяющие успех или неудачу: «личный состав» страны (общество и народ); государство; народное хозяйство. Тезисно изложу мои представления об их состоянии.

1. В ходе перестройки и реформы население получило тяжелую культурную травму. Это была операция, произведенная посредством войны (экономической и информационно-психологической), результатом которой стали ликвидация СССР и соцлагеря, советского строя. Ради этого были демонтированы две системы, в которые было «упаковано» население России, — народ (нация) и общество. Эти системы устроены по-разному, люди в них соединены разными типами связей. Они хорошо изучены в западной антропологии и социологии, средства разрыва связей этих систем и разрушения механизма их воспроизводства известны. Эти средства и были применены, как видно сегодня, с избыточной мощностью.

Бывший советский народ демонтирован, множество атомизированных индивидов лишились связующих систем: мировоззрения, народного хозяйства, коллективной памяти, информационной системы, образа будущего, комплекса нравственных норм. Государство в 1990-е годы выступило на стороне противника этого народа, и в результате произошло глубокое отчуждение населения от государства.

Сильнее всего пострадало русское ядро, так как в силу его статуса этническое самосознание русских ослаблено; нерусские народы ушли в этноцентризм, как в бомбоубежище. Кроме того, реформа лишила русских их культурной ниши — промышленности и научно-технической деятельности, а также современного сельского хозяйства. Было демонтировано и созданное в СССР межэтническое общежитие.

2. Кризис конца XX в. загнал Россию в историческую ловушку, выбраться из которой можно только вновь «собрать» ее народ (нацию) как субъект истории, обладающий политической волей. Возникла труднейшая задача

нациестроительства. Подойти к ней смогли только спустя 20 лет после краха СССР. Принятая недавно доктрина — важный шаг вперед, но и она неадекватна структуре и масштабам проблемы. Власть не может остановить процессы, разрушающие народ как систему, она даже не может огласить причины распада, уже вошедшего в режим самоускорения, — для этого надо было бы отмежеваться от ельцинизма и кардинально сменить всю доктрину реформ. Поэтому стратегия нациестроительства свелась к благим пожеланиям. Даже преувеличенное в ней упование на роль русского языка не имеет силы — достаточно прочесть беспрецедентное для всей истории России заявление Ученого совета филологического факультета МГУ от 28 ноября 2012 г¹.

Деградация продолжается, и порождаемые ею угрозы, слегка успокоенные нефтедолларами, будут потрясать Россию.

3. Дезинтеграция общества («исчезновение социальных акторов», «смерть субъекта») — кошмарная антиутопия западных социологов. А в России это произошло в реальности. Но все граждане старше 30 лет так контужены 1990-ми годами, что этого даже не осознают. Можно утверждать, что дезинтеграция общества — одна из главных причин продолжительности и глубины нашего кризиса. Это совершенно новое состояние социального бытия, мы к этому не готовы ни интеллектуально, ни политически, а осваивать эту новую реальность надо срочно. Однако это явление вообще не обозначено в языке государства, и нет никаких признаков адаптации к этой аномалии, поисков метода «пересборки» общностей и всего общества как целостной системы.

Важный фактор, усугубляющий ситуацию, — невежество нашей интеллигенции и чиновников в отношении как нации, так и общества. Оно унаследовано от советского обществоведения, и никаких сдвигов после 1991 г. не произошло. Если слепой ведет слепого — оба упадут в яму. Прежде всего демонстражу были подвергнуты профессиональные

¹ О реформе образования, ее итогах и перспективах // Заявление Ученого совета филологического факультета МГУ [Электронный ресурс] URL: http://www.philol.msu.ru/pdfs/o-reforme-obrazovaniya_philol2012.pdf (дата обращения 06. 09. 2013).

общности, игравшие ключевую роль в поддержании политического порядка СССР. Такими являлись, например, промышленные рабочие («рабочий класс»), интеллигенция, офицерство. Были повреждены инструменты системной памяти общностей — необходимого средства для их сплочения. Разрушению самосознания общностей послужило и резкое обеднение населения, оно вызвало культурный шок и сужение сознания людей.

Мощный удар нанесли СМИ. Их контент-анализ (2010 г.) привел к такому выводу: «Советское общество и советские люди описывались в терминах социальной патологии — парадигмы социального уродства... Происходила массированная дискредитация профессиональных сообществ, обесмысливание деятельности профессионалов».

Произошел раскол и между поколениями. В ходе углубления дезинтеграции общества раскол лишь углублялся, становился «системным» — шло расхождение социальных и ценностных установок, структур потребностей и пр. Общим фоном нашего российского бытия стала аномия (буквально — беззаконие, безнормность). Это — состояние, при котором значительная часть общества сознательно нарушает известные нормы этики и права; это социальная и духовная патология, распад человеческих связей и дезорганизация общественных институтов, массовое девиантное и преступное поведение.

4. Особенно сильно сказалась аномия на более или менее организованной общности чиновников и на новой, еще не устоявшейся общности предпринимателей. Обе они во многом определяют ход событий в России.

Коррупция чиновников вызрела 20 лет и вышла на плато, превратившись в системообразующий фактор государства и экономики. С уголовными делами связаны министры и ректоры вузов, руководители строительства, спорта и космических НИОКР, председатель ВАК и солисты Большого театра.

Это — невысказанное состояние, болезнь элиты и общества в целом.

Коррупция создала лазейки для проникновения в госаппарат — особенно в региональный — организованной преступности. Это резко снизило уровень управляемости страны: издержки в этой сфере резко возросли, и кардинальное постепенное оздоровление потребует много времени и больших затрат. Альтернатива — революционные методы, к которым не готовы ни государство, ни население.

Аномия в России не ослабевает, и «беловоротничковая» преступность пока что лишь нарастает. Точечные наказания не оказывают системного воздействия, реальная идеология реформы легитимирует коррупцию, интеллектуальная элита реформаторов лоббирует выведение этой преступности из уголовного права. Власть вряд ли удастся найти эффективные средства оздоровления госаппарата за 3–5 лет. Значит, это препятствие продолжит мешать развитию.

5. Сословие предпринимателей появилось у нас с родовой травмой. Оно получило собственность через приватизацию, которую 75% граждан назвали грабительской. Приватизация не только привела к тяжелому кризису и массовой бедности, но и оскорбила население, лишив собственность на средства производства легитимности. Это привело к ненадежности статуса предпринимателей, их отчуждению от населения и страны с тяжелой деформацией экономического поведения (вывоз капитала, безумное потребление²). В этих условиях возникло массовое рейдерство, сама защита от которого сопряжена с нарушением закона. Это усиливает криминализацию предпринимательства.

Это состояние не «рассосется» само собой. Неожиданно для социологов, крайне отрицательное отношение к приватизации не «забывается», а передается из поколения в поколение. Требуется программа по «реабилитации» сословия предпринимателей и их воспитанию.

² Вот сообщение из Нью-Йорка: «Гигантская яхта Eclipse Романа Абрамовича шокировала американцев. Размеры яхты поразили местных жителей. ... Длина яхты Абрамовича составляет почти 170 метров. Судно снабжено небольшой подводной лодкой и системой противоракетной обороны... Ранее Eclipse видели на Лазурном берегу, тогда яхта не поместилась в самой большой гавани Европы» / Абрамович шокировал американцев // Рамблер. Новости. [Электронный ресурс] URL: <http://news.rambler.ru/17667249> (дата обращения 06. 09. 2013).

Ни в одной стране, которая проводила индустриализацию, не допускали возникновения частного предпринимательства, не связанного какой-либо этической системой. В Западной Европе и США предприятия создавали пуритане с жесткой протестантской этикой — прибыль вкладывалась в производство и науку. В Японии, а потом и в Юго-Восточной Азии сложился «конфуцианский капитализм», организованный государством на основе межсословного договора, корнями уходящего в XI в. Русский капитализм был многим обязан общинам старообрядцев, которые вручали сбережения общины для создания фабрик молодым образованным выходцам из общины. Но в России 1990-х годов готовую промышленность вручили стяжателям, лишенным всяких нравственных ограничений, не знающим и не любящим производство. Редкие исключения не изменили общей картины.

Здесь не избежать трудного общественно-го диалога, к которому власть и элита пока не готовы.

6. При такой дезинтеграции общества Россия утратила ту надклассовую и надэтническую абстрактную общность, которую Н. Я. Данилевский назвал «культурно-исторический тип». Он видел в этом типе очень устойчивую сущность — народ, воплощенный в обобщенном индивиде. Этот новый культурный тип должен был в ходе реформы заменить «советского человека».

Антисоветский проект сделал ставку на активизацию мещанства как самой массовой социокультурной общности, которая в советский период была оттеснена на обочину. В отличие от тончайшего богатого меньшинства дореволюционной России (аристократов, помещиков, купцов и фабрикантов), она пронизывала всю толщу городского населения и жила одной с ним жизнью. Подняв к власти и собственности мещанство, в том числе криминализованное, государство в 1990-е годы подорвало (если не пресекло) воспроизводство интеллигенции. Мещанство — ее антипод, экзистенциальный враг.

Эта смена культурно-исторического типа предопределила эрозию России как цивилизации. Та культурная общность, которая стала господствовать в России, не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, необходимых для того, чтобы «держат» страну, а тем более сплотить общество для модернизации и развития. Упование на «креативный» класс, видимо, несостоятельно — он пока не стал социальной реальностью, и нет признаков, что будет таковым в обозримом будущем.

Вот вывод из большого исследования (2010 г.): «И в самосознании населения, и в реальности в современной России имеются социальные группы, способные выступать субъектами модернизации, но весьма отличающиеся друг от друга. Принимая в расчет оценки массового сознания, можно сделать вывод, что основными силами, способными обеспечить прогрессивное развитие России, выступают рабочие и крестьяне (83% и 73% опрошенных соответственно). И это позиция, консенсусная для всех социально-профессиональных, возрастных и т. д. групп...

Если говорить о степени социальной близости и наличии конфликтных отношений между отдельными группами, то один социальный полюс российского общества образован сегодня рабочими и крестьянами, тогда как второй — предпринимателями и руководителями. ... Можно констатировать, что «модернисты» на две трети — представители так называемого среднего класса, в то время как традиционалисты — это в основном «социальные низы», состоящие почти полностью из рабочих и пенсионеров. В то же время, как это ни парадоксально, именно последние в восприятии населения являются одновременно главной движущей силой прогрессивного развития нашей страны»³.

Понятие «культурно-исторический тип» обозначает мировоззренческую и культурную матрицу, которая соединяет людей не только в народ (нацию) и в общество граждан, но и в систему высшего порядка — цивилизацию. Если цивилизация не развивается,

³ Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // СОЦИС, 2010, № 12.

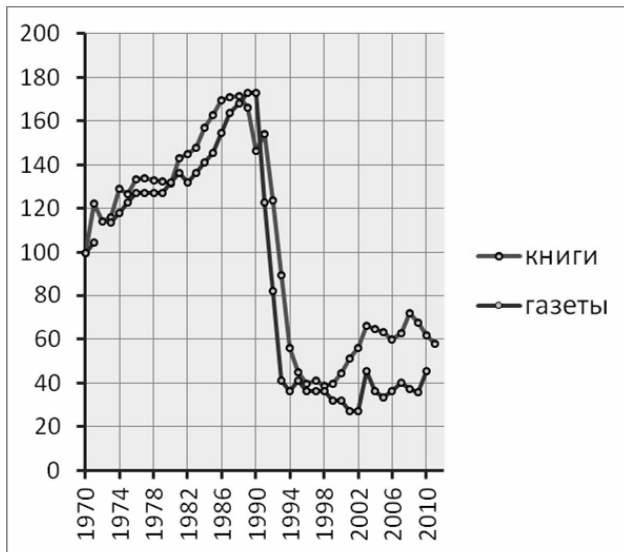

Рис. 1. Индексы тиражей книг и газет в России (1970 г. = 100)

а деградирует, трудно ожидать консолидации населения вокруг стратегического проекта и, тем более, его успешной реализации.

7. Дезинтеграция общества и обширная аноμία привели государство к хроническому кризису легитимности. Отягчающим обстоятельством стала утрата интеллигенции, поскольку в современном городском обществе именно интеллигенция является главным социальным субъектом, который производит и воспроизводит культурную гегемонию политического порядка. Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса — главный смысл существования интеллигенции в современном обществе.

Легитимность — это убежденность большинства общества в том, что данная власть действует во благо народу и обеспечивает спасение страны, что эта власть сохраняет главные ее ценности. Интеллигенция наполняет информационное пространство страны сообщениями, которые убеждают граждан оказать активную доброжелательную поддержку государству: это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая

необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве» (А. Грамши).

Государство не может обеспечить и поток печатной информации, который должна была бы генерировать интеллигенция, готовая укрепить легитимность власти, — информационное пространство разрушено (рис. 1).

8. В 1990-е годы постсоветское государство России переживало острый кризис легитимности. Тогда государство выступило на стороне «новых русских», что к середине 1990-х годов стало абсолютно всем очевидным. Это выразилось в беспрецедентном падении доверия к президенту (рейтинг 2%) и в столь же беспрецедентной попытке парламента объявить ему импичмент с обвинением в «геноциде народа собственной страны».

РФ — государство постсоветское. Приставка «пост» означает, что мы пребываем в переходном периоде и действуем в рамках ограничений, заданных катастрофой краха СССР. В этих условиях легитимизация есть чрезвычайная и актуальная задача государства. После 2000 г. новая властная верхушка РФ «приподняла» страну в рамках коридора, заданного реформой. То есть, не входя в серьезный конфликт ни со слоем «новых собственников», ни с Западом. Произошло некоторое перераспределение национального богатства и увеличение потока ресурсов в экономику России и на потребление граждан. Величины это не слишком большие, но улучшение ряда показателей было очевидно.

Это успокоило людей, сказалось на здоровье, пробудило оптимизм. Однако улучшения в «потоке» не были сопряжены с улучшениями в «базе». Более того, улучшения во многом были достигнуты через проедание «базы» — проблемы перекладывались на плечи следующего поколения. В результате преодолеть кризис легитимности не удалось — даже при высоком рейтинге самого В. В. Путина.

От ельцинизма главные системы жизнеобеспечения страны остались в изношенном и даже полуразрушенном состоянии. В 1990-е годы их эксплуатировали на износ, а пороговый момент этого износа наступил уже после ухода Ельцина. Процесс этот приобрел

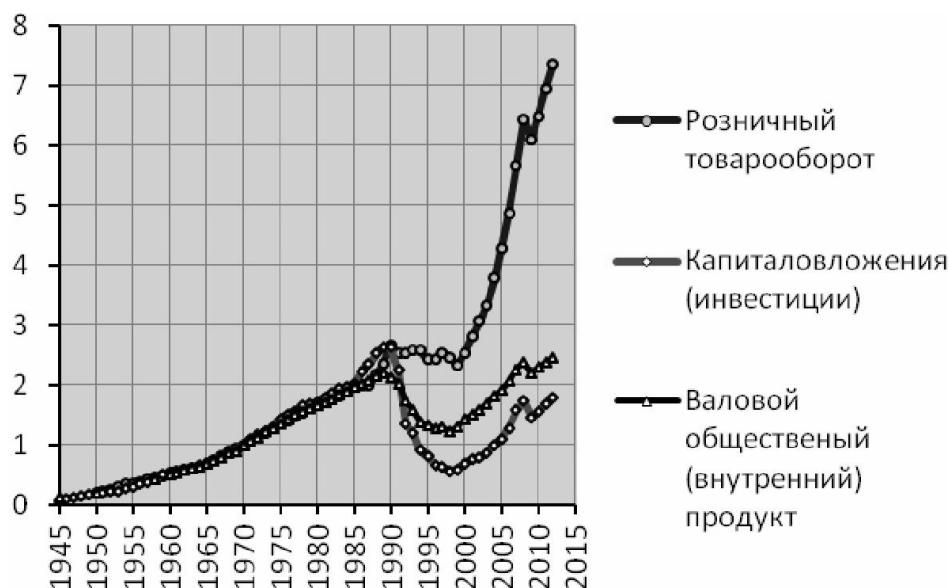

Рис. 2. Индексы экономики России (1970 г. = 1)

массивный, неумолимый характер. Масштабы потерь и дыр, которые надо затыкать в чрезвычайном режиме, несравнимы с теми средствами, которые может мобилизовать государство при нынешней хозяйственной системе.

С 2000 г. государство осуществляло интенсивную программу по созданию в России варианта «общества потребления» — при углублении социального расслоения (рис. 2).

Заметим, что в экономике, настроенной на непрерывное развитие, рост потребления в норме несколько отстает от роста инвестиций и от роста производства (ВВП) (рис. 3).

Политика быстрого роста потребления благополучной половины населения при спаде

производства и резком сокращении инвестиций породила тревогу среди населения, хотя СМИ старались ее рассеять.

Еще одна проблема заключается в том, что структура «улучшений» и распределения ресурсов соответствовала доктрине «анклавного» развития России — был взят курс на создание островков «модерна и постмодерна» в море архаизации; регионы расходятся по разным цивилизационным нишам. Ход событий не ведет к жизнеустройству, которое обеспечивает развитие народа и страны как целостностей. Не удалось разорвать пуповину с ельцинизмом; «режим Путина» остался заложником этой зависимости, и преодоление кризиса легитимности затруднено. А когда обществу стали представлять «стратегические программы» развития, написанные то ИНСО-Ром, то ГУ ВШЭ, с их антисоциальными установками, легитимность власти пошла вниз.

В большом Докладе об итогах 20 лет реформ так сказано о самом распространенном по частоте его переживания чувстве несправедливости всего происходящего вокруг: «Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г., хотя бы иногда, подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто»⁴.

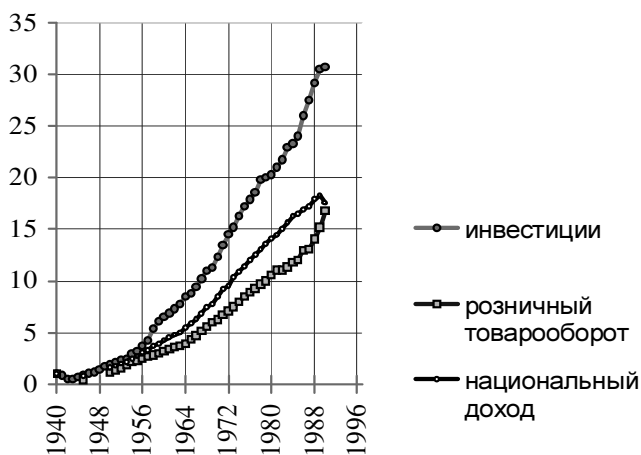

Рис. 3. Индексы инвестиций, национального дохода и розничного товарооборота в СССР (1940 г. = 1)

⁴ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) // Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Таблица

Результаты партии «Единая Россия» на думских выборах

	2007 г.	2011 г.
Доля голосов (%)	64,30	49,32
Думские мандаты	385 (85,5%)	238 (52,3%)

9. На фоне общего культурного спада возник пессимизм, вызванный несбывшимися надеждами, которые породил «проект Путина». Это выразилось во многих «жестах» населения, в том числе на выборах. Сложившуюся после 2005 г. политическую систему электорат поддержал без энтузиазма, а как меньшее зло — как систему, которая постарается сохранить стабильность.

В 2011 г. «Единая Россия» не только потеряла конституционное большинство в Госдуме, но и не получила поддержки даже половины российских избирателей. Базовые подпорки, на которых держалась «Единая Россия», — личная популярность В. В. Путина и административный ресурс, — износились. У большей части населения сложилось мнение, что эта партия не играет заметной роли в представительстве общественных интересов, что она не влияет на выработку политической стратегии и не имеет внятной идеологии (табл.).

Итоги выборов свидетельствовали, что поддержка режима слабеет, а его возможности контролировать электорат тают. За «Единую Россию» в русских областях проголосовало 32–45%, а в республиках — более 70% (на Чукотке, в Башкортостане и Татарстане), более 80% — в Кабардино-Балкарии, Туве и Карачаево-Черкесии, более 90% — в Чечне, Дагестане и Мордовии. Потери «Единой России» пришлось в основном на этнически русские территории. Это еще более ограничивает возможности партии как механизма консолидации общества.

Надо обновлять политическую конструкцию, но не видно, что могло бы стать альтернативой нынешней системе. Интеллектуальный и кадровый ресурс ее скуден. Тот факт,

что он скуден и у оппозиции, лишь ухудшает дело. Та элита, которую государство вырастило за 25 лет реформ, своей функции выполнить не может. Современная элита — с ее демонстративным стяжательством и потребительством — не субъект конструктивной политики.

Вот как характеризует ситуацию один из политологов: «Отсутствие собственного исторического проекта, через осуществление которого могла бы реализовываться политическая субъективность, компенсируется за счет паразитирования на прошлом. В этом смысле активизация исторической политики есть симптом исчезновения политического, когда вопрос о политической идентичности переформулируется как вопрос о принадлежности к исторической традиции».

С каким героическим прошлым идентифицирует себя нынешняя элита? Она «переселяется в помещичьи усадьбы и подмосковные замки, развешивая по стенам картины Никаса Сафронова, изображающие их владельцев в виде мифических или реальных исторических персонажей и имитирующие знаменитые полотна прошлого».

Это — глубокая культурная деградация.

10. Смена поколений госслужащих сопровождается снижением их квалификации, и остановить этот процесс власть не смогла. Многие ключевые функции выполняются плохо. Прежде всего надо отметить функции целеполагания и контроля. Едва ли не важнейшая обязанность государства — проектировать будущее, осуществляя целеполагание. Это требует постановки и осмысления фундаментальных вопросов бытия. Власть должна формулировать их в форме

национальной повестки дня, как череду актуальных исторических выборов, давая обоснование своего выбора той или иной альтернативы. Снижение качества управления во время реформы выразилось в уходе от постановки и осмысления фундаментальных вопросов. Высказывания власти стали не средством объяснения, а средством сокрытия целей и принижения ранга проблем и угроз, возникших в России.

Так, важным предметом деклараций стали программы развития. Это понятие представляет собой векторную величину — направление процесса созидания новых структур. Но каждый раз преамбула программы противоречит реальности, ибо вслед за ней речь идет о деградации или разрушении той сферы или отрасли, которой посвящена программа. Иными словами, реальность определена векторной величиной, направленной противоположно развитию. Если так, то и цели программы должны соответствовать совсем иному процессу, нежели развитие. Какой смысл в программе развития, если действует механизм разрушения — прежде надо выполнить программу по остановке и демонтажу этого механизма.

Принципиальный дефект целеполагания реформ — этический нигилизм, игнорирование тех ограничений, которые «записаны» на языке нравственных ценностей. Отсутствие этой компоненты в программах выхолащивает их смысл, лишает легитимности. Гражданам должно быть сказано, «что есть добро» в программе и что есть вынужденное зло, меньшее по сравнению с альтернативными программами. Сами по себе политические или экономические инструменты (демократия, рынок и пр.) не могут оправдывать действия, направленные на слом жизнеустройства и приносящие массовые страдания людям.

Так власть реформаторов не просто не задала чего-то похожего на протестантскую этику, она сформировала ее антипод — этику социального хищника и расхитителя средств производства и жизнеобеспечения страны. Этот провал надо закрывать, но такой

программы не выдвигается. Целеполагание — процесс динамический, надо корректировать курс и исправлять ошибки.

Пока что неопределенность целей, средств, ограничений, индикаторов и критериев продолжает быть присущей всем изменениям, которые государство пытается внести в хозяйственную или социальную сферу.

Как обстоят дела с контролем, исчерпывающе показала авария на Саяно-Шушенской ГЭС. Кстати, она даже не стала предметом гласного анализа, которого так ждали.

11. Быстро снижается качество управления из-за деградации меры. Даже важнейшие стратегические решения излагаются с использованием количественных аргументов, несоизмеримых с реальностью.

Так, до сих пор не пересмотрена доктрина развития сельского хозяйства на базе фермерства. Были ликвидированы или резко ослаблены крупные предприятия (колхозы и совхозы). При этом не учитывалось, что ведение фермерского хозяйства требует значительных финансовых затрат. Если колхозам для обработки 1000 га пашни достаточно было 11 тракторов, то фермерам ЕС, например, для обработки таких же площадей необходимо в среднем 120 тракторов. Заменить колхозы фермерскими хозяйствами можно было лишь в том случае, если бы кто-то смог профинансировать покупку 16 млн тракторов (для обработки тех 134 млн га пашни, которые имелись в сельскохозяйственном использовании в России). В ценах 2008 г. это стоило бы 1,3 трлн долл., а для СНГ — 2,5 трлн долл.⁵. Вот цена «входного билета». И ведь трактор — это лишь часть всей материально-технической базы фермы!

А вот недавние решения в сфере ЖКХ. Новый Жилищный кодекс возложил полную ответственность за содержание жилых домов, включая капитальный ремонт, на собственников. В. В. Путин заметил, что «эта нагрузка для подавляющего большинства граждан оказалась абсолютно неподъемной». Да, из 3 млрд кв. м жилищного фонда России около половины нуждается в капитальном ремонте.

⁵ В 2008 г. средняя цена приобретения трактора в России составляла 2018,0 тыс. руб., или 84 тыс. долл.

У местных властей и у населения денег на это нет, а средства, выделяемые государством, ничтожны. Как будет решаться эта проблема? Зачем принимали Жилищный кодекс, которому население не может следовать?

Социальные страхи, порождаемые подобными решениями государства, подрывают его легитимность и усугубляют системный кризис. Тем более, они блокируют способность людей к интенсивному творческому труду.

В социальных показателях дезориентирует установка Правительства на использование среднеарифметических величин, например, в отношении дохода или зарплаты граждан. Эти величины могут применяться лишь в том случае, если нет больших различий в распределении населения по показателям. Но в России социальное расслоение очень велико, и для адекватной оценки надо применять медиану — величину, которая делит все множество пополам (половина имеет доходы ниже медианы, а половина — выше). В РФ медиана сильно сдвинута от среднеарифметической в сторону бедной части: 70% населения имеют доходы ниже средних. Полезно указывать и самую распространенную на сегодняшний день величину доходов. Тогда будет видно, что больше всего в России работников с доходом в интервале 4–6 тыс. руб. — при среднем доходе 16–18 тыс. руб. в месяц (в 2010 г.)⁶.

Эти правила хорошо известны, нарушать их неразумно. Стратегические программы не выполняются, если и руководящий состав, и рядовые граждане дезинформированы.

12. Теперь о хозяйстве. Доктрина реформ ставила главной целью слом советской хозяйственной системы. Академик Ю. В. Яременко писал, что «необратимость реформ здесь оплачивается необратимостью потерь производственно-технологического потенциала». В Послании Президента РФ 2004 г. о реформе говорится так: «Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы... Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения «старого здания»... Напомню, за время

длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

В любом государстве уничтожение «половины экономического потенциала» страны было бы квалифицировано как диверсия в беспрецедентно крупном размере. Нельзя власти обойтись без внятного объяснения с обществом. Надо дать оценку этой доктрине с точки зрения канонов государственной безопасности. Ельцинизм — гиря, которая не даст двигаться вперед.

Что же с «половиной потенциала»? Правительство утверждает, что кризис преодолен. Из этого постулата и выводят Стратегию. Но этот пункт требует разъяснения. Какие индикаторы и критерии использует Правительство? Когда же был закрыт этот провал? Судя по данным Росстата, до этого еще очень далеко.

Потенциал определяется величиной и качеством основных фондов и квалификацией работников. Здесь дела плохи. Ведь была выполнена программа деиндустриализации России (западные авторы говорят даже о демодернизации). В 2012 г. В. В. Путин писал: «Фактически мы пережили масштабную деиндустриализацию. Потерю качества и тотальное упрощение структуры производства... Мы прошли через деиндустриализацию, структура экономики сильно деформирована».

Да, структура экономики сильно деформирована — недавно еще индустриальная держава стала наполнять свой госбюджет не за счет производства, а за счет добычи и продажи природного сырья. В 2012 г. Россия продала за рубеж товаров на 530,7 млрд долл., из которых сырой нефти, газа и нефтепродуктов было экспортировано на 347 млрд долл. В самой РФ остается нефти в три раза меньше, чем было в РСФСР, — чем же обеспечить новую индустриализацию?

Это и есть демодернизация. Но как предполагается эту деформацию выправить? Это требует глубокого преобразования всей экономической и социальной системы и «сборки»

⁶ Аганбегян А. О преодолении финансово-экономического кризиса // Экономическая политика. 2011, № 2.

целого ряда профессиональных общностей. В. В. Путин писал в 2012 г.: «В России надо воссоздать рабочую аристократию. К 2020 г. она должна составить не меньше трети квалифицированных работников — около десяти миллионов человек». Да, это абсолютно необходимая для развития программа. Но как она будет выполняться? Ведь совсем недавно была завершена программа ликвидации рабочей аристократии СССР (общности «кадровые рабочие»). Она была инструментом деклассирования промышленных рабочих и нанесла им тяжелейшую травму. Как теперь ее залечить?

13. Состояние основных фондов можно оценить по динамике инвестиций. За 1991–1998 гг. их объем в России сократился в 4,7 раза (в сопоставимых ценах) (рис. 4).

Объемы производства сократились гораздо меньше, но зато возможности восстановления и развития уже ограничены созданной в прошлом и на сегодняшний день во многом устаревшей базой, которая к тому же сокращается (рис. 5)

Считается, что в норме 70% инвестиций расходуется на содержание и ремонт фондов, 20% — на развитие, 10% — на демонтаж и утилизацию изношенных фондов. Если бы в 1990 г. рост инвестиций прекратился и был заморожен на уровне этого года, то теоретически можно было бы сохранить основную массу фондов в состоянии медленного старения. Однако произошел обвал, и основные фонды надолго остались без средств для их нормального содержания. Масштаб «изъятых» средств колоссален — за 1991–2011 гг. около 6,8 трлн долл. (рис. 6).

Большая часть основных фондов (и сооружений, и машин) утрачена: например, целый ряд отраслей промышленности, морской и речной флоты, ирригационные системы, с аэропортов, 2/3 машинного парка и поголовья скота в сельском хозяйстве. Другая часть предельно изношена — это жилищный фонд и инженерные сети, электростанции, транспорт, трубопроводы.

В программных документах Стратегии не сказано, на какие средства будут восстанавливаться абсолютно необходимые системы и какова доктрина «новой

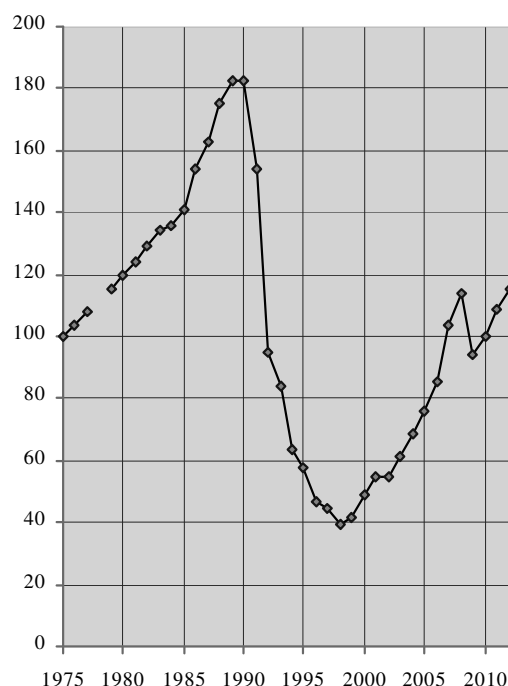

Рис. 4. Индексы инвестиций в основной капитал в России (1975 г. = 100)

индустриализации» — какими системами Россия пожертвует и привыкнет обходиться без них.

14. Уход государства из экономики и отсутствие жесткой этической платформы у новых собственников капитала ввергли хозяйство в тотальную спекуляцию, привели к опусканию в долговую яму. Только что Россия выбралась из финансового кризиса 2008–2010 гг., истратив на спасение банков и олигархов почти все накопления (и, видимо,

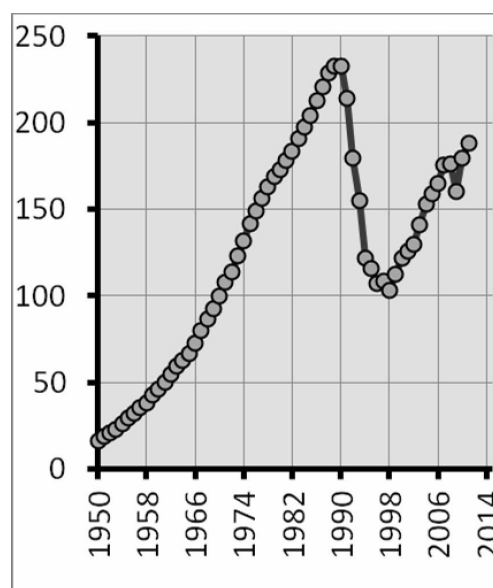

Рис. 5. Индексы промышленного производства России (1970 г. = 100)

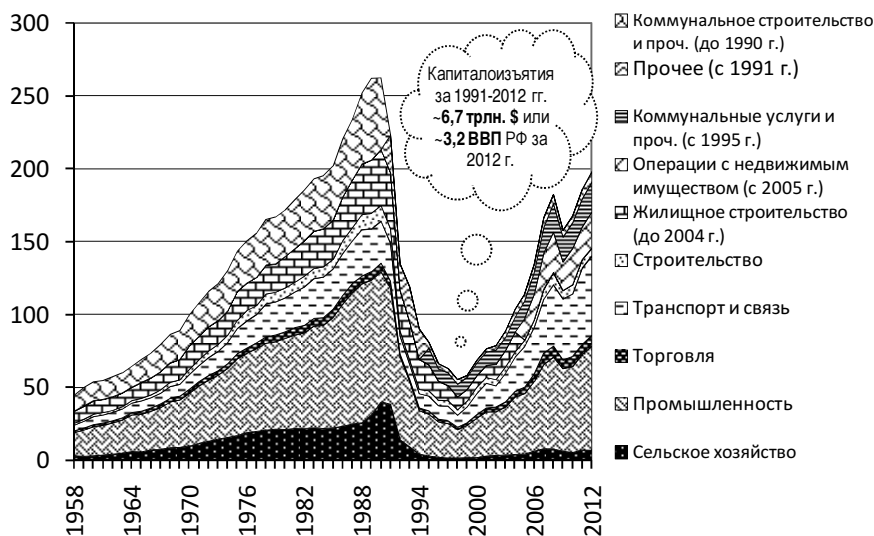

Рис. 6. Индексы капитальных вложений в народное хозяйство РСФСР и инвестиций в основной капитал в РФ (в сопоставимых ценах, 1970 г. = 100)

утратив часть активов) — и опять банки и предприятия набрали за границей долгов.

По данным ЦБ, внешний долг России в 2012 г. вырос на 83,4 млрд долл., достигнув 624 млрд долл. В то время как еще на 1 января 2012 г. задолженность составляла 540,5 млрд долл.

Более того, за последние 10 лет в «среднем классе» России укоренилась культура жизни в кредит (рис. 7). Одно это подрезает основание национальной программы, предполагаемой в Стратегии, — ведь она может быть

выполнена только при мобилизации всех ресурсов, что возможно лишь при «отложенном вознаграждении». А это есть не что иное, как антипод жизни в кредит.

При разгуле заимствований даже у таких крупных корпораций, как «Русал», резко снижается запас прочности. Колебание цен на алюминий и небольшой убыток в 2012 г. (55 млн долл.) привели владельцев и управляющих «Русала» к решению о сокращении производства и закрытии четырех заводов. Долг «Русала» составляет уже 10,7 млрд долл.

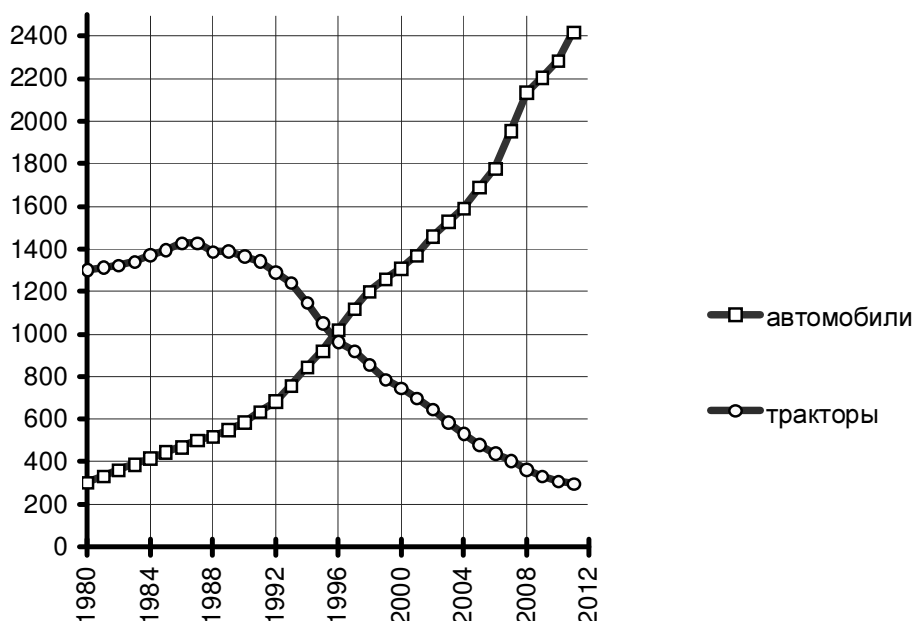

Рис. 7. Число легковых автомобилей (на 10000 чел.) и парк тракторов (тыс.) в России

Чтобы получить на Западе кредит для рефинансирования долга, «Русал» должен отправить принадлежащие ему 25% акций «Норникеля» на депозит на Кипре⁷.

При такой зависимости от колебаний мирового рынка очень трудно совершить стратегический рывок в развитии, который декларировался в ходе предвыборной кампании. Слишком много неопределенностей и рисков, под которые приходится держать резервы, омертвляя средства, а их у нас в обрез. И вступление в ВТО лишь увеличивает эти риски.

* * *

Объективно в России достаточно ресурсов, чтобы выполнить задачи, поставленные в Стратегии. Но этому препятствуют мощные

субъективные факторы, которые не дают запустить «пусковой мотор» программы. Если бы она была реально начата, это сразу оздоровило бы социальный и культурный фон, и вектор всего хода событий изменился бы.

На мой взгляд, первым шагом к этому изменению должно было бы стать создание научно-аналитического коллектива, собранного на новой методологической основе и способного к беспристрастному («инженерному») анализу реальности. В любом случае неизбежной предпосылкой к успеху Стратегии будет успешное восстановление связности профессиональных сообществ и общества в целом. Существующие сейчас политологические и обществоведческие учреждения разработать эту служебную программу, на мой взгляд, не смогут.

Литература

1. Абрамович шокировал американцев // Рамблер. Новости. [Электронный ресурс] URL: <http://news.rambler.ru/17667249> (дата обращения 06. 09. 2013).
2. Аганбегян А. О преодолении финансово-экономического кризиса // Экономическая политика. — 2011. — № 2.
3. Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // СОЦИС. — 2010. — № 12.
4. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) // Аналитический доклад. — М.: Институт социологии РАН, 2011.
5. О реформе образования, ее итогах и перспективах // Заявление Ученого совета филологического факультета МГУ [Электронный ресурс]. URL: http://www.philol.msu.ru/pdfs/o-reforme-obrazovaniya_philol2012.pdf (дата обращения 06. 09. 2013).

⁷ «Русал» отправит «Норникель» на Кипр, чтобы взять кредит у западных банков // Коммерсантъ, № 37/П (5068), 04.03.2013 [Электронный ресурс] URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2139587> (дата обращения 06. 09. 2013).

Обновление элиты — важная задача российского общества

*В. А. Кулинченко, А. В. Кулинченко**

Аннотация. Состояние и результаты деятельности российской элиты вызывают недовольство общества. Острота нерешенных общественных проблем порождает требование смены элиты. Однако решение этой задачи «революционным путем» или «подбором и расстановкой кадров» в условиях серьезной деградации самого общества и государства представляются неприемлемыми. Необходимо духовно-нравственное обновление всего общества, которое предполагает личное усилие каждого его члена. Особую роль должны сыграть общественно-политические лидеры, глубоко понимающие исторические традиции народа и свою ответственность за его судьбу.

Ключевые слова: власть; государство; гражданское общество; духовно-нравственное обновление; лидер; политика; современная российская элита; элита.

Элитологические исследования в нашей стране занимают значительное, если не центральное, место в изучении политической жизни России, вносят заметный вклад в развитие политической науки в целом. По данной проблематике выходит большое количество монографий, диссертаций, научных и публицистических работ.

С одной стороны, это свидетельствует о важности научного исследования российских элит, обусловленной огромным воздействием, которое они оказывают на развитие общества и государства. Поскольку в обществе существуют власть и влияние, имеются субъекты, обладающие данными ресурсами в большем объеме, чем другие члены общества, естественным образом формируется объект научных исследований. Изучаются структура и функции российских элит, различные элитные группы, их взаимодействие друг с другом и обществом, результаты их

воздействия на российское общество и государство.

Однако эти результаты оцениваются весьма неоднозначно. Нередко оспаривается сама правомерность считать группы людей, обладающих рядом характеристик, присущих элите, собственно элитой. Поэтому, с другой стороны, перед исследователями российских элит не могут не вставать весьма острые вопросы. А существует ли в действительности объект изучения, не принимается ли за него нечто другое, искаженное и деформированное до такой степени, что именовать его элитой, лишь можно выдавая желаемое за действительное или игнорируя отсутствие важнейших существенных черт элиты? С подобными вопросами отечественные ученые имели дело в период существования такой научной и учебной дисциплины, как «научный коммунизм». И этот опыт свидетельствует, что силы исследователей могут быть потрачены напрасно,

* *Кулинченко Виктор Андреевич* — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: ku107@rambler.ru

Кулинченко Александр Викторович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Общая политология» Финансового университета. E-mail: ku107@rambler.ru

если предмет их исследований формируется применительно к объекту, который не только существует лишь идеально, в понятии, но сама российская действительность не обнаруживает никаких тенденций движения к этому идеалу (подобно запутавшемуся в противоречиях и разложившемуся обществу «развитого социализма» в СССР).

Иными словами, ученые не могут игнорировать вопрос о том, что происходит с объектом их научных исследований. Речь идет и о качествах элиты (ее отдельных представителей и элитного слоя в целом), и об ее способности выполнять присущие элите функции властвования и управления обществом, и самое главное — о практических результатах такого властвования и управления, в том числе о цене, которую платит общество за властвование и управление псевдоэлиты. Исследователям российской элиты хорошо известно, что отечественные ученые и публицисты по-разному относятся к необходимости поиска ответов на эти вопросы. Одни удовлетворяются описанием и систематизацией существующих реалий («что есть, то есть»), другие занимаются откровенной или скрытой лакировкой действительности, третьи дают аргументированные нелицеприятные оценки состояния и деятельности (или бездействия) российской элиты, нередко приходя к весьма неутешительным и даже радикальным выводам. Так весьма примечательной была оценка российской элиты 90-х годов прошлого века, которую красноречиво выражает название посмертно изданного сборника избранных работ известного философа и политолога А. С. Панарина: «Народ без элиты»¹.

Двухтысячные годы, судя по всему, не принесли тех кардинальных изменений, которые могли бы поколебать основания для подобной оценки российской элиты. Речь идет, разумеется, об элите в целом, а не ее отдельных представителях. Всегда и везде есть лучшие и худшие. Если Россия еще не стерта с политической карты мира, то вполне очевидно, что

это следствие поистине героических усилий лучших представителей российского общества. Но если судить по другим результатам деятельности отечественной элиты, напрашивается вывод, что ее здоровая часть отнюдь не преобладает, не способна переломить негативные тенденции в обществе и государстве, а напротив, сама подвергается мощнейшему давлению сложившейся порочной системы отношений. Наибольшую ответственность за сложившееся положение всегда несет та часть элиты, которая непосредственно осуществляет власть и управление общественными делами — элита политическая, включая высших государственных должностных лиц, ведущих политиков, высший слой государственных служащих.

Каково же положение России сегодня? Судить об этом, разумеется, можно по-разному. Однако имеются и объективные критерии и показатели. Один из них — показатель социального расслоения. В этом вопросе мы чемпионы, мировые лидеры по неравенству в распределении богатства. Е. Гонтмахер приводит в своей статье следующие данные. На долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех активов домохозяйств в России. В следующих за Россией (среди крупных стран) по этому показателю Индии и Индонезии этот показатель равен 49% и 46%. В среднем в мире этот показатель равен 46%, в Африке — 44%, в США — 37%, в Китае и Европе — 32%, в Японии — 17%. Россия лидирует в мире и по доле самых обеспеченных 5% населения (это 82,5% всего богатства домохозяйств страны), а также самых обеспеченных 10% населения (87,6%)². И это в годы благоприятной сырьевой конъюнктуры, когда высокие доходы государственного бюджета от продажи сырьевых ресурсов при проведении соответствующей политики могли бы способствовать решению многих проблем в развитии экономики и социальной сферы. Но, напротив, в эти годы расслоение только усилилось. «Ответственное государство, — справедливо полагает

¹ См.: Панарин А. С. Народ без элиты. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2006.

² Гонтмахер Е. Российского государства не существует // Московский комсомолец. 19 авг. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2013/08/18/901103-rossiyskogo-gosudarstva-ne-suschestvuet.html> (дата обращения 10.09.2013).

Е. Гонтмахер, — такой ситуации допустить никак не могло». Вывод автора — в названии статьи: «Российского государства не существует». «Вместо государства как института, реализующего курс на развитие страны, мы имеем гигантскую и бесконтрольную частную структуру, успешно извлекающую прибыль в свою пользу»³.

Предельно жесткая оценка. Настолько, что сразу прозвучал призыв «надавать по шапке» автору статьи и за его выводы, и за его либеральную позицию, поскольку именно либеральный курс правительства привел к негативным последствиям для страны⁴.

Однако возвращаясь к теме, следует признать, что в России государство как институт, как система органов, как государственный аппарат, как государственная служба не отвечают уровню стоящих перед обществом задач. Это касается и развития экономики, прежде всего, преодоления сырьевой зависимости и развития высокотехнологичных отраслей промышленности, и образования, и науки, и социальной сферы в целом. Не преодолена и даже не введена в какие-то приемлемые рамки тотальная коррупция, которая превращает любой крупномасштабный проект в очередную кормушку для нечистых на руку чиновников. Вялые попытки контролировать доходы чиновников, возбуждение уголовных дел на отдельных коррупционеров, расследования которых делятся годами, — все это становится питательной почвой для недовольства граждан существующей властью и способностью государства своевременно решать возникающие задачи. Особенно остро люди реагируют на проявления коррупции и преступности в правоохранительной системе. Реформа полиции, по оценке экспертов, ожидаемых результатов не принесла. Этот перечень наболевших проблем можно продолжать еще долго. Проще обратиться к поисковым системам Интернета, который наполнен негативными оценками, даваемыми рядовыми

гражданами деятельности государственных должностных лиц и государству в целом.

Однако сами чиновники собой довольны. Среднемесячная зарплата сотрудников Администрации Президента России в первом полугодии 2013 г. выросла на 166,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, сообщает Росстат. Зарплата сотрудников Аппарата Правительства выросла за год на 150,8%⁵.

Элитолог мог бы сказать, что в этом нет ничего необычного: воздвигается и укрепляется стена / граница / преграда между элитой и массой, управляющими и управляемыми. И это соответствовало бы действительности, если бы не одно важное обстоятельство: граница пролегает не в поле ответственности за судьбу страны, не по признаку возможности и способности управлять делами общества, а по способности жить за счет общества, ничего не давая ему взамен. Последнее превращает отечественную элиту из политического класса в класс паразитический.

На это можно возразить, что помимо государственных должностных лиц и деятелей «партии власти» существуют еще оппозиционные политики, которые также входят в политическую элиту страны. Необходима смена элит или «круговорот элит», которые выправят ситуацию. Иногда при этом намекают на грядущую революцию или откровенно говорят о ней. Не имея возможности развивать здесь эту сложную тему, заметим: опыт предыдущих революций показал, что разрушения и страдания, которые они принесли народу, не искупаются, а зачастую несопоставимы с теми созидательными усилиями, которые были ими иницированы. Более того, в результате революционного хаоса к власти нередко приходят не лучшие, а худшие представители общества, за что последнему приходится долго и дорого платить.

Оставляя вопрос о гипотетической революции, вернемся к вопросу об оппозиции как части политической элиты страны. Ряд

³ Там же.

⁴ Ответ Гонтмахеру // Русский обозреватель. 20 авг. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/25987> (дата обращения 10. 09. 2013).

⁵ В Кремле и Белом доме за год стали зарабатывать на 150% больше // Forbes.ru [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.ru/news/243892-v-kremle-i-belom-dome-za-god-stali-zarabatyvat-na-150-bolshe> (дата обращения 10. 09. 2013).

последних выборов, опросов общественного мнения, низкий уровень общественно-политической активности населения свидетельствуют о том, что политические силы, именующие себя российской политической оппозицией, таковой на деле не являются. Это проявляется в их идейной, организационной, кадровой, финансовой обеспеченности, но более всего — в отсутствии воли и решимости вступить в реальную, а не ритуальную борьбу, взять на себя ответственность и риск, пожертвовать многим ради обретения доверия народа и достижения власти, чтобы проводить политику, направленную на достижения общего блага. Некоторые «оппозиционеры» вполне уютно себя чувствуют на задних скамейках Государственной Думы, другие то «входят» в политику, то «выходят» из нее, принимая ее за разновидность коммерческого предприятия, третьи способны за твердую валюту пуститься в любую авантюру. Но проблемы страны, государства, общества, граждан остаются нерешенными.

Получается, у нас есть элита (хотя бы в силу обладания властными позициями, должностями, а также праведно или неправедно нажитым богатством), но нет ее деятельности, ее поприща, на котором способные люди могли бы послужить обществу и государству. Ибо у нас сегодня нет такого государства, которое духовно, нравственно, идейно и организационно объединяло бы всех граждан и реализовывало бы их общие интересы в процессе осуществления властно-управленческих функций. Ибо у нас нет политики, если не принимать за политику безнравственную возню около власти сильных и богатых, которая имеет своей целью захватить большую долю при дележе общественного пирога за счет бедных и слабых. Трудно не согласиться с А. А. Гусейновым, который писал: «Самым безнравственным в современной российской политике я считаю то, что в ней отсутствует политика. Есть борьба за власть, интриги, авантюры, администрирование, пожарные действия, лоббирование — всё что угодно. Нет политики

как общероссийского дела, как совместных солидарных усилий ради лучшей жизни, как арены героизма, подвига, служения общему благу. Это социальные джунгли, а не политика. <...> Деградация политики — не индивидуальная особенность нашей страны, хотя она у нас достигла крайних пределов»⁶.

Отсутствие поприща для деятельности, направленной на благо общества, ведет к тому, что элита осуществляет деятельность разрушительную, уничтожает всякую возможность найти такое поприще для чистых сердцем людей, для последующих поколений. Неправедное богатство расплывается в безудержном потреблении, обескровливая экономику, науку, образование, социальную сферу; имитация управления общественными делами загоняет нерешенные проблемы в тупик; агрессивно-потребительский образ жизни, алчность, безразличие к согражданам, безнравственность и бездуховность внедряют в общественную жизнь, в сознание молодого поколения ценности, которые губительны для общества и каждого человека. В результате такой «деятельности» страну наводняют зависть одних и страхи других, люди пропитываются ненавистью друг к другу. Элитные заборы все выше, охранники все многочисленнее, банковские счета все дальше, а воспитанная элитой и пропитанная ее тлетворным духом «контр-элита» все смелее, опытнее, агрессивней, что объективно подталкивает к революционным эксцессам. Как писал А. С. Панарин: «Опыт России показывает — ни один противник не может принести столько вреда собственной стране, как ее властные элиты, испытывающие к ней страх и ненависть»⁷. О какой очистительной революции, смене элит можно вести речь в условиях духовно-нравственной деградации элиты и подражающей ей значительной части общества? В условиях кризиса подобного масштаба полагаться на политические технологии не приходится. Необходимо обратиться к смыслу и цели. Нужно не подкрашивать забор, разделяющий элиту и неэлиту, а понять, что он выстроен у пропасти,

⁶ Гусейнов А. А. *Философия, мораль, политика*. М.: Академкнига, 2002. С. 191.

⁷ Панарин А. С. *Народ без элиты*. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2006. С. 253.

разделившей и противопоставившей «управляющее меньшинство» и ненавидящее его подавляющее большинство. Следует искать путь к восстановлению утраченного единства общества, легитимизации элиты в глазах населения. Для начала сторонам необходимо вновь научиться слушать и понимать друг друга, чтобы проложить непростую дорогу к взаимному доверию. Полагаем, что создание в России Народного фронта и активизация его деятельности могут способствовать преодолению создавшегося положения (в том случае, если это не очередной «проект» по манипуляции сознанием и деятельностью еще сохранившихся в стране общественно активных наших сограждан).

Элита, по определению, это меньшинство, которое выделяется из общества для выполнения важных общественных функций — отчасти за щедрую оплату, богатство, высокое положение; отчасти как служение обществу и государству; отчасти как творческая самореализация способных людей. Важно, однако, что это меньшинство использует важнейший общественный ресурс — власть, с которой не намерено расставаться. Обладание властью и богатством делают элиту относительно сплоченным, организованным меньшинством, которое бдительно охраняет свои границы и степень их проницаемости для способных людей извне. Для общества небезразлично, какая тенденция возобладает в поведении элиты — служение обществу или сохранение собственных властных позиций, — особенно в кризисных ситуациях, когда эти тенденции могут противоречить друг другу. Зачастую сама элита, будучи неоднородной, объединяющей людей различной направленности, не в состоянии дать однозначный ответ на этот вопрос. Необходим направляющий импульс из недр самого общества. И это не вздох косной, лишенной творческого потенциала «массы». Это обращение к корням, основам, опыту народной жизни с целью выработать адекватный ответ на новые вызовы, который находился бы в русле духовно-нравственных традиций, был бы близок, понятен народу, активно поддерживался им. Такой прорыв, соединение в настоящем прошлого и будущего, по силам только подлинному лидеру.

Лидер (а лучше — лидеры) необходим и народу, и элите. Он может протянуть руки им обоим, соединяя образовавшиеся пропасти. В лидерах народ обретает свое самосознание, цель, способность оценивать поведение элиты и властных институтов в целом. Общение с лидером выводит народ из спячки, позволяет пробудить его общественно-политическую активность. Элита тоже часть народа, но особая его часть, поэтому она получает от лидера то, что ей недостает в «смутные времена», а именно, поприще для общественного служения, ясную общественную цель, пример самоотверженного отношения к своим обязанностям.

Чтобы такие лидеры появились, необходимо знать и глубоко понимать свой народ, свою страну, свое государство. Это срывает покров с подлинных источников общественно-политической активности людей, тех основополагающих ценностей, которыми люди руководствуются в реальной жизни, подчас не осознавая этого в полной мере. Западному обществу давно известна проблема *разрыва* между провозглашаемыми гуманистическими и демократическими ценностями и целями и реальными мотивами поведения людей, зачастую имеющими утилитарный, прагматический характер. Известны и последствия такого разрыва — безудержный рост бездуховности и крайнего индивидуализма, культ потребления и развлечений, способные подорвать не только основы демократии, но и человеческого общежития в целом.

В этой связи особое значение приобретают отечественные традиции *ценностного* отношения к миру, способность жить *социально значимой идеей, соборность* народного сознания. По силе воздействия на политическую жизнь они значительно превосходят гражданскую самоорганизацию, основанную исключительно на частных (индивидуальных или групповых) интересах. Более того, традиции отечественной политической культуры способны оказать решающее воздействие на развитие *этикоцентристской модели* гражданского общества как «совокупности людей, связанных общими ценностями и базирующимися на них отношениями кооперации,

сотрудничества и солидарности»⁸. Это могло бы поставить надежную преграду на пути превращения гражданского общества в раздираемое противоречиями временное объединение индивидуалистов, которые время от времени приходят к неустойчивому компромиссу друг с другом, что позволяет им вести торг с государством как чем-то внешним и чуждым их жизни.

Неустойчивый компромисс — крайне ненадежная основа для развития общества и человека. Поэтому, как отмечал И. А. Ильин, «[человечество] научается тому, что жизнь имеет не только измерение личной корысти, но и измерение *духовного достоинства*, творящего верховный суд над всяким «интересом»; оно научается тому, что государство есть нечто не только «полезное», но и *духовно-правовое и духовно необходимое*, что нельзя быть человеком <...> и не участвовать личными силами в жизни и деятельности политически организованного союза. И только убедившись в этом, человек получает достаточное и в то же время принудительное основание *признать* государство и *добровольно* принять его законы в порядке самовменения и повиновения»⁹.

Без этого невозможна жизнь любого государства. Еще более справедливо это для государства демократического. «Демократия есть самоуправление народа, но для того, чтобы это самоуправление не было пустой фикцией ... это должен быть народ, созревший для управления самим собою, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению»¹⁰. И это вновь свидетельствует о необходимости и важности развития самой человеческой личности, так как народ состоит из людей. Но, как писал П. И. Новгородцев, «... личность, душевная жизнь личности шире и глубже политики и общественности, и потому спасение и удовлетворение человек должен искать не только в обществе, но прежде всего в себе, в своих собственных силах

и средствах. <...> [общественные учреждения] являются ... необходимым и незаменимым *средством* для того, чтобы идти вперед, по пути нравственного прогресса. <...> исходным пунктом и конечной опорой является человек и его нравственное призвание. <...> Личность, непреклонная в своем нравственном стремлении, неизменно сохраняющая свой идеал при всех поворотах истории, — вот что берется здесь за основу и для общественного созидания»¹¹.

Возвращаясь к этикоцентристской модели гражданского общества, следует отметить, что она характеризует не столько его особую форму, сколько *организацию взаимодействия* между человеком и обществом, гражданами и государством, управляющим меньшинством и управляемым большинством — на основе неуклонного следования *соборно* выработанному общественно-политическому и нравственному идеалу. Гражданское общество выступает в качестве *важного механизма его реализации*, связывающего повседневную жизнь людей, их потребности и интересы с их общими потребностями и интересами, что позволяет им вбирать в себя полноту других человеческих индивидуальностей и восходить к пониманию их общих ценностей и идеалов, чтобы стремиться к их воплощению в жизнь.

Этикоцентристская модель взаимодействия между людьми (отдельными представителями народа — лидерами — элитой) создает целостность народной жизни. В ней каждому находят место и призвание, собственная задача и воздаяние за ее решение. Внешние различия и социальные перегородки уходят на второй план при решении общих задач. Управляющие и управляемые пользуются общественным благом как общим достоянием в соответствии с принципами, которые всеми признаны справедливыми. Реализовать этот путь — чрезвычайно трудная задача, которая предъявляет высокие требования ко всем членам общества: и элите, и рядовым его членам, и обществу в целом, включая

⁸ Василенко И. А. Политическая философия. М., 2004. С. 154–159.

⁹ Ильин И. А. Собр. соч., Т. IV. М., 1994. С. 264.

¹⁰ Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 388–404

¹¹ См.: Новгородцев П. И. Общественный идеал в свете современных исканий. // Вопросы философии. 1910. № 103. С. 331–339.

важнейшие общественные и политические институты. Сложность и длительность этого пути может вызвать у нетерпеливых людей отношение к нему как очередной утопии. Но это дело веры, а иногда — вкуса. Мы полагаем, что повернуть элиту лицом к обществу, побудить ее действовать в его интересах, вернуть элите доверие и поддержку народа «подбором

и расстановкой кадров» в нынешних условиях невозможно.

Нашей стране нужны не косметический ремонт фасада скомпрометировавшей себя элиты, не революционные смены элит, а их преобразование совместными действиями всех здоровых общественно-политических сил, всех общественно активных граждан страны.

Литература

1. В Кремле и Белом доме за год стали зарабатывать на 150% больше // Forbes.ru [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.ru/news/243892-v-kremle-i-belom-dome-za-god-stali-zarabatyvat-na-150-bolshe> (дата обращения 10. 09. 2013).
2. Василенко И. А. Политическая философия. — М., 2004. — С. 154–159.
3. Гонтмахер Е. Российского государства не существует // Московский комсомолец. 19 авг. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2013/08/18/901103-rossiyskogo-gosudarstva-ne-suschestvuet.html> (дата обращения 10. 09. 2013).
4. Гусейнов А. А. Философия, мораль, политика. — М.: Академкнига, 2002. — 304 с.
5. Ильин И. А. Собр. соч., Т. IV. — М., 1994.
6. Новгородцев П. И. Общественный идеал в свете современных исканий. // Вопросы философии. — 1910. — № 103. — С. 331–339.
7. Новгородцев П. И. Соч. — М., 1995. С. 388–404.
8. Ответ Гонтмахеру // Русский обозреватель. 20 авг. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/25987> (дата обращения 10. 09. 2013).
9. Панарин А. С. Народ без элиты. — М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2006. — 352 с.

СОЦИОЛОГИЯ

*Этот номер готовился к печати, когда пришло известие о кончине **Татьяны Ивановны Заславской** — выдающего социолога, создателя авторитетной новосибирской экономическо-социологической школы, основателя ВЦИОМа, почетного президента Левада-центра, декана факультета Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН), академика РАН, доктора экономических наук.*

Сделанное ею в исследовании социально-экономических проблем СССР, а позже — России относится к высшим достижениям современной российской социологии. Благодаря ее деятельности на посту президента Советской социологической ассоциации социология после долгих лет развития была признана самостоятельной наукой. Т. И. Заславская заслуженно относится к небольшой группе интеллектуалов и политиков, которые вошли в историю страны как «прорабы перестройки».

Жизнь Татьяны Ивановны вовсе не являлась величавым шествием к научной славе. В своих воспоминаниях она писала, как много горя, мук и даже отчаяния было у нее и в личной и в общественной жизни.

В 2005–2007 гг. Татьяна Ивановна дала большое интервью известному российскому социологу Б. Докторову, которое было опубликовано в издании «Социологический журнал» в 2007 г.

Публикуя это интервью мы надеемся, что наш читатель оценит масштаб личности Заславской как крупнейшего российского ученого-социолога, сделавшего так много для социологической науки в России.

«Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука»¹

Более двух лет продолжалась работа над интервью с Татьяной Ивановной Заславской. Я читал фрагменты ее воспоминаний, мы обменивались множеством электронных писем, в которых я задавал вопросы, а Татьяна Ивановна терпеливо и обстоятельно отвечала, было множество телефонных разговоров, несколько встреч у нее дома, наконец, обстоятельное интервью в ее небольшом домике в академическом поселке Мозжинке недалеко от Звенигорода. Когда работа окончилась, я долго испытывал двойственное чувство. С одной стороны, радость завершения дела, с другой, — чувство грусти. Ибо уже нет того общения, в котором центром интереса, разговоров, размышлений были жизнь и творчество Татьяны Ивановны. Держа в па-

мяти обстоятельства, в которых протекали разные периоды ее жизни, масштаб событий, в которых ей пришлось участвовать, во многом определяя ход их развития, имена людей, сыгравших значимую роль в ее становлении как личности, гражданина и ученого или просто встречавшихся на ее жизненном пути, я сказал Татьяне Ивановне: «Ваша жизнь — основа для романа». Она согласилась и после некоторой паузы добавила: «Социально-психологической драмы»

Татьяна Ивановна, сейчас готовятся к публикации Ваши мемуары...

Довольно давно, лет 7–8 назад, если не раньше, у меня возникла внутренняя потребность критически осмыслить свою жизнь. Если Богу

¹ Социологический журнал. 2007. № 3. С. 124–136.

было угодно сделать ее достаточно долгой, то, наверное, не для того, чтобы я до последней минуты сидела за компьютером и сочиняла научные статьи. Когда-то надо остановиться и спросить себя: а как я прожила свою жизнь? Какие главные решения принимала, какие поступки совершала, какие серьезные ошибки делала? Каким людям обязана своими успехами, перед кем сильнее всего виновата? Эту потребность я чувствую и сейчас, но в последние годы я была занята подведением итогов своей научной деятельности, поэтому анализировать свою жизнь удавалось только урывками. А начинать естественно с начала, с детства.

Сейчас я продумываю подходы к выделению поколений в нашей социологии, и мне кажется, что одним из таких критериев могут быть их доминирующие идеалы. Ваше поколение называется шестидесятниками... Но это — поколение в целом, а что бы Вы сказали о себе? Что наиболее сильно повлияло на формирование Ваших идеалов?

Думаю, гуманистическое воспитание, которое мама старалась дать нам с сестрой...

Я родилась в Киеве в 1927 г., но мое киевское детство под крылом бабушек и няни длилось всего пять лет. Способности и стремление учиться проявились рано: в 4 года я знала таблицу умножения, а в 5 освоила все действия арифметики на многозначных цифрах. В школу меня приняли шести лет, училась я без труда, не выделяя особо любимых предметов, менее же всего любила французский язык, потому что мне не давалось произношение.

Когда мне было пять лет, мы переехали в Москву, и мама начала вечерами читать нам с сестрой книги, выбиравшиеся, видимо, очень тщательно. Это были самые разные книги: русские и иностранные, грустные и веселые, драмы и романы, повести и рассказы, и про животных, и про людей, про все что угодно. Но все они носили очень гуманный, гуманистический характер. Это было спокойное, без нажима и дидактики, естественное, но повседневное воспитание. Таким образом, первая группа идеалов — это идеалы добра,

взаимопонимания, сочувствия и помощи людям. Гуманное отношение и к животным.

Затем — война, когда формировались патристические идеалы. И вот, скорее всего во время войны, я стала относить к своим важнейшим ценностям, даже сверхценностям, каких у меня не больше пяти и которые определяют всю жизнь, такую странную и необычную ценность, которую я называю — Россия. Россия как ценность — она многогранна, одно из ее проявлений — то, что я не представляю своей жизни вне России. Мне всегда было не очень уютно за границей, я стремилась домой и свободно вздыхала только здесь. С одной стороны, это — мое окружение, моя среда, я здесь родилась, я здесь хочу жить. Но одновременно это и Россия в истории, Россия как таковая. Я хочу, чтобы ей было хорошо, чтобы она развивалась. Мне больно, когда я вижу, что она чуть ли не первая в мире по коррупции, по преступности. Это как родной человек, если он падает... Очень тяжело в личном плане.

И наконец, еще одна группа ценностей возникла во время учебы на экономическом факультете. Там осуществлялась очень мощная идеологическая накачка, под влиянием которой в мое сознание крепко врезался идеал свободного, я бы сказала, социалистического общества, в котором людям жилось бы хорошо и достойно. Кроме того, к первому ряду ценностей я отношу «нравственное равновесие с миром» (моя формула для «спокойной совести»), а также личную честь и достоинство.

В моем понимании судьба включает пред-биографию, биографию и пост-биографию. Из всего прочитанного о Вашей жизни у меня сложилось впечатление, что судьбой Вам было уготовлено заниматься наукой. Я не говорю о выборе профессии, но об обращении к науке...

Да, конечно. Вопрос о том, что может быть что-либо другое, никогда не стоял. Нам с раннего детства было дано понять, что наука — это самое почтенное занятие. Следовало из того уважения, которым был окружен наш дедушка. Когда он шел работать в свой

кабинет, нам не разрешалось ни играть, ни шуметь... дедушка — работает, он профессор, он готовится к лекции. Кроме того, у бабушки был большой альбом о крупнейших физиках мира, на каждого отводилась страница, фотография и краткий рассказ о жизни. И там был портрет дедушки. Он крупных открытий в физике не сделал, теперь я знаю многое о его работе, но около 15 лет был редактором и издателем всероссийского журнала «Физическое обозрение». Кроме того, он был инициатором, организатором и одним из руководителей Украинского научно-технического общества, так что был в курсе всех важнейших открытий и пользовался большой известностью. Да и мой отец ведь тоже был ученым.

К тому же мои способности, раннее развитие да еще высокий лоб у всех знакомых вызвали одну реакцию: «У-у, какая серьезная! Наверное, будет профессором!» Так что я с детства понимала: другого пути у меня нет.

Когда я физический факультет выбирала, здесь, безусловно, была идея продолжить линию дедушки. Зато экономический факультет уже явно был шагом в сторону. Отец сделал все, чтобы меня отговорить, но не смог этого сделать.

В нашей беседе уже присутствуют Ваши родные. Может быть, о них можно рассказать подробнее?

Мой дед с материнской стороны, Георгий Георгиевич де Метц (сын бельгийского подданного и русской дворянки) был профессором по кафедре физики в Киевском университете Св. Владимира. В 1889 г. он женился на дочери высокопоставленного офицера Сарре Карловне Крафт, и они счастливо прожили вместе всю оставшуюся жизнь. В соответствии со ступенями академической карьеры дед в 1906 г. получил личное, а в 1913 г. — потомственное дворянство. Таким образом, сам он был дворянином 12 лет, а члены его семьи — всего 4 года. Тем не менее, это негативно отразилось на их последующей жизни.

Мама — Татьяна Георгиевна, родилась в 1895 г. в Киеве. В 1919 г., учась на филологическом факультете Киевского университета,

она вышла замуж за Ивана Васильевича Карпова, моего отца. Мама владела рядом европейских языков, знала греческий и латынь, успешно училась музыке. Но реализовать свой творческий и квалификационный потенциал в силу своего происхождения и семейных обстоятельств не смогла. Мама погибла 21 июля 1941 г. во время первой бомбежки Москвы.

Папа — Иван Васильевич Карпов, родился в 1893 г. в крестьянской семье, и свое образование он начал с церковно-приходской школы. В августе 1914 г. он был призван в армию, сражался на фронтах Империалистической войны, был ранен и награжден «Георгием» 4-й степени. В дальнейшем папа окончил философско-педагогический факультет Киевского университета, а в 1941 г. стал профессором Московского педагогического института иностранных языков.

Моя сестра, с которой мы очень близки всю жизнь, Майя Ивановна Черемисина (1924 г. р.), — крупнейший специалист по русистике и языкам Сибири, доктор филологических наук, профессор; она свыше сорока лет работает в Институте филологии СО РАН.

Читая Ваши воспоминания, я обратил внимание на фразу из заметок 1942–1950 гг.: «Высокая интенсивность информационного поля. Обнаруживающаяся пропасть между жизнью и пропагандой. Социальное взросление».

Действительно, фраза об «интенсивности информационного поля» очень значима. Дело в том, что во время войны наша московская квартира на Пятницкой стала одной из редких надежных точек, через которые родные и близкие могли находить друг друга. Поэтому все, кто ехал через Москву (обычно на фронт или с фронта), останавливались на пару дней у нас и рассказывали, рассказывали, рассказывали... То, что я слышала от этих людей, было до бесконечности не похоже на то, о чем писалось в газетах. Да мы и сами были непосредственно включены в московскую жизнь военного времени, когда из-за трудных условий многие казалось бы хорошие люди раскрывались совсем с другой стороны.

Примечательны и Ваши записки о посещении студии молодых поэтов и ночных посиделках, на которых Павел Топер и Ярополк Семенов читали стихи поэтов серебряного века. В студии Вы слушали Гудзенко, Межирова, Солоухина, Коржавина, Тушнову, Некрасову, Друнину... поэтов, позже передавших в своих стихах войну и дух «оттепели»... Социологи Вашего поколения отмечают, что стихи поэтов-фронтовиков многое определили в их мировоззрении. Вы разделяете их точку зрения?

Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жестко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили ее ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружавшем мире, а тут — такие прекрасные люди и такие замечательные стихи! Мы с Майей воспринимали это как настоящий «пир души».

Как Вы осознавали, переживали смерть Сталина?

Мое сознание в этом отношении было совершенно четко разделено как бы на правую и левую половины. Когда на одной полочке находится твердое знание о том, что такое Сталин, а на другой, тем не менее, — скорбь и слезы. Ужас! Настоящее раздвоение личности, которое было тогда у большинства. Не так много было людей, которые не испытывали никакого горя и тревоги. Вот, например, наш дядя Степан — он был коммунистом, прошел войну на «катюше», работал трактористом в колхозе; когда умер Сталин и женщины стали плакать, говорил: «О чем вы ревете, радоваться надо, что изверг подох...»

Что роднит Вас с другими шестидесятниками?

Прежде всего — высочайшая ценность Свободы и Правды. Когда я говорю о демократическом и справедливом обществе, то имею в виду,

прежде всего, свободное общество. А одна из важнейших свобод — это Свобода утверждать Правду.

Экономист-аграрник

Татьяна Ивановна, почему в центре Ваших научных интересов оказалось сельское хозяйство, экономика села? Странно, городская девушка из профессорской семьи пошла учиться на физфак, потом — на экономический факультет и затем вдруг — сельское хозяйство.

Думаю, что здесь сыграли роль и гены. Все-таки отец родился в деревне, и, хотя он лет в 13 или 14 переехал в Боровск, учился в городском училище и стал истинным горожанином, но ведь он происходил из крестьян, и линия его крестьянских дедов и прадедов известна до 6-го колена. В 1940 г. мои родители впервые не смогли вывезти нас с сестрой в какие-то новые места, чтобы расширить наш горизонт, как обычно они это делали летом. Вместо этого нас отправили в деревню к папиной двоюродной сестре Нюше. И мы с Майей неожиданно почувствовали себя в совершенно родной среде, хотя были настоящими горожанками. Мне было 13 лет, но я была рослой и казалась старше, а сестре было 16 — самый цвет. Мы были простыми в общении, ничего из себя не строили и поэтому всем нравились. Мальчишки катали нас на велосипедах, приносили к нам патефон с пластинками Клавдии Шульженко, приглашали на деревенские гулянья... На чердаке у Нюши мы нашли книжку про Тарзана, которая нам страшно понравилась. Мы учили деревенские песни и частушки и в целом были совершенно счастливы... Вообще, мы стали там в доску своими. Это был, я думаю, важный момент в моей жизни, я почувствовала деревню, впустила ее в свою душу, проще говоря — полюбила. Мы долго там жили, все лето. Я думаю, что мое глубокое сопереживание деревне пошло именно оттуда.

Довоенное Земнево, в силу близости к Москве, было богатым. Там были хорошие личные подсобные хозяйства, коровы, огороды, все росло и множилось. Ну, одевались очень просто и все такое, но жили достаточно

хорошо, зажиточно. А в 1947–1949 гг., уже студенткой, я ездила на уборочные работы и увидела разоренную, послевоенную деревню. Нищета поражала. Хотя, конечно, и Москва, и вся Россия после войны жили тяжело, но деревенская нищета была на порядок сильнее городской. И ощущение социальной несправедливости по отношению к достаточно большой и близкой мне части общества не могло оставить меня равнодушной. Кроме того, тетя Нюша регулярно приезжала в Москву продавать картошку на рынке и рассказывала, как их притесняли — беспощадно, неразумно. Не плоды снимали с дерева, а просто подрезали ветки и ствол. И вот как-то зацепило.

А когда я диплом писала по оплате труда в колхозах, меня увлекла история коллективизации. Я изучала историю рождения «трудодня»: тогда утверждалось, что это чуть ли не экономическая категория. Много было живого материала, и мне было интересно, хотелось разобраться до конца, чтобы не оставалось вопросов.

Вы несколько лет успешно учились на физическом факультете МГУ. Как случилось, что Вы стали экономистом?

На третьем курсе мы изучали политэкономии капитализма, которую преподавала доцент Александра Васильевна Санина. Однажды она поручила мне подготовить доклад по проблеме товарного фетишизма. После доклада она воскликнула: «Послушайте, что она у вас здесь делает? По-моему, ее место не на физическом, а на экономическом факультете!» Я же как раз в это время отчетливо поняла, что физика мне не интересна и сказанное Саниной в шутку восприняла как момент истины.

Сдав экзамен по политэкономии и обретя независимость, я рассказала Саниной о своем намерении сменить факультет и попросила совета — как это организовать. Она пыталась меня отговорить, но решение было принято. С большим трудом, но все же я получила разрешение перейти с четвертого курса физического факультета на второй курс экономического, обязавшись в течение года сдать все экзамены за два курса.

Похоже, и не встретив Санину, Вы все равно оставили бы физфак.

Безусловно. Я все равно ушла бы с физфака, потому что уже со второго курса активно искала предмет своего настоящего интереса. Присматривалась к филологии, ходила с Майей на семинары проф. Белкина по Чехову... если бы не ушла, то была бы глубоко несчастна.

Физический факультет дал Вам не только прекрасное знание математики, которое впоследствии могло пригодиться, но он определенным образом настроил Вас по отношению к идеологии. Физики, математики всегда старались держаться в стороне от идеологии... то, что вы начали там учиться, по-видимому, определило Вашу позицию во многих вопросах...

Никакого сомнения. Действительно, в течение трех лет мне ставилось естественно научное мышление, согласно которому, например, законы природы потому и законы, что они всегда исполняются, в этом их смысл. Поэтому, слушая лекцию о «законе планомерного и пропорционального развития социалистической экономики», который, к сожалению, действует не всегда, я мысленно пожимала плечами: «Тогда какой же он закон?» Но самым замечательным был «закон непрерывного роста производительности труда». Представляете себе: можно ничего не делать, лежать себе на печи, а закон, как сила тяжести, будет сам собою повышать производительность вашего труда. Мне это казалось диким. В таких случаях я обычно задавала вопросы преподавателям: «Ну как же это может быть?» Вопросы эти были им более чем неприятны, так как ответов на них не было и быть не могло. Поэтому у преподавателей и сокурсников создавалось впечатление, что я какая-то не такая, «не как все». По окончании университета меня, несмотря на отличный диплом, не рекомендовали в аспирантуру. Но гораздо сильнее поразили меня слова одной из близких подруг, что сделано это было правильно, потому что во мне «есть что-то не то, чуждость какая-то». Наверное, этим «не тем» я во многом была обязана трем годам физфака, студенты и вы-

пускники которого были совершенно другими людьми. Математические методы я применяла и в экономике, и в социологии, но это было второстепенным. Главным же достоянием, вынесенным мною с физфака, была математическая логика. Мой тип мышления был сформирован физфаком, и это оправдывает «потерю времени».

С чего начинался Ваш путь исследователя?

Университет я закончила в 1950 г., получила диплом с отличием. Руководитель дипломной работы профессор Соколов сказал, что половина кандидатской готова. Но мои выступления против парторга факультета лишили меня даже направления на работу в вуз. Замячило распределение экономистом на провинциальный стекольный завод, в сущности, это была «вечная ссылка», так как я потеряла бы московскую прописку. Благодаря ультиматуму профессора Соколова — или меня направляют в вуз, или он увольняется и «кладет партбилет» — меня направили преподавателем политэкономии в Симферопольский сельскохозяйственный институт. Но вскоре выяснилось, что там все вакансии заполнены, и мне дали свободный диплом. С помощью Саниной и ее мужа Владимира Григорьевича Венжера я получила работу в секторе аграрных проблем Института экономики АН СССР. Я стала младшим научным сотрудником, помощницей Григория Григорьевича Котова.

Венжер был экономистом с очень широким взглядом на вещи, никогда в жизни он не упирался носом в какую-нибудь «структуру себестоимости» (мне именно эта тема представляется «эталонном» асоциальной экономики, где нет человека). Да что говорить, если его последняя книжка, написанная, когда ему было за 80, называлась «Что было, что стало, что должно было стать, что станет дальше». Венжер был высокообразованным, самостоятельно мыслящим экономистом-аграрником, он отваживался дискутировать со Сталиным и Хрущевым, за что был неоднократно наказан. Находясь в постоянном противостоянии с официальной идеологией и той частью ученых, которые «колебались вместе с линией партии», он создал мощную научную школу,

акцентировавшую необходимость сочетания централизованного планирования важнейших социально-экономических пропорций с расширением хозяйственной свободы колхозов, развитием сельскохозяйственного рынка.

Котов (1901–1979) был одним из людей, оказавших на меня исключительно сильное влияние. Сейчас, когда его уже давно нет, могу признаться, что мы чуть ли не с первой встречи влюбились друг в друга. Григорий Григорьевич восхищал меня своим умом, мужеством, прямоотой, справедливостью и вместе с тем юмором, озорством и массой других прекрасных качеств. Но главное, он был «настоящим», без капли фальши, приспособленчества и прочее, а ведь время-то было еще сталинское — 1950–1952 гг.

Котов родился в среднерусской деревне, окончил педагогическое училище, а потом экономико-статистический институт, и работал сперва в статистических органах, а с начала 1930-х — в науке. Он великолепно знал деревню и с любым сельским жителем говорил так, что его сразу признавали своим. Скорее всего, в 1920-х годах он участвовал в конкретных социальных исследованиях деревни. Иначе откуда бы у него взялась убежденность, что без долгих и откровенных разговоров (по сути, углубленных интервью) с представителями всех сельских социальных ролей — от простых мужиков до партийных руководителей — невозможно понять суть исследуемых нами проблем. Ходить или ездить с ним по колхозным бригадам, записывать его беседы, а потом расспрашивать о том, что оставалось неясным, было мне страшно интересно. И когда я начала собственное исследование, то, конечно, воспроизвела этот метод. Сохранилось много общих тетрадей с записями моих бесед с колхозниками.

Особенно запомнился один случай. Я приехала в один из знаменитых льноводных колхозов Калининской области, председатель которого Петров (И.О. его, к сожалению, не помню) был Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета СССР, членом обкома и райкома партии, и потому — крайне занятым человеком. Он с трудом согласился выделить мне полчаса — с пяти

вечера до половины шестого, потому что в 6 часов должен был быть на каком-то совещании. Но когда подошло время уезжать, он только махнул рукой: «А, чтоб оно провалилось! Без меня обойдутся...» За окном темнело, давно ушли конторские служащие, а он все рассказывал и рассказывал. Оказалось, в частности, что в 1937 г. Петров был арестован по 58-й статье (как враг народа) и полтора года провел в тюрьме, а весной 1939-го, после решения партийного Пленума о перегибах, его освободили и даже реабилитировали. Обвинялся же он в том, что на колхозном партсобрании проголосовал против исключения из партии (и неизбежно в таком случае ареста) своего друга, лучшего бригадира. Тот в юности в Петрограде какое-то время ходил в троцкистский кружок. Жизнь и Петрова, и его колхоза была настолько драматичной, а его рассказ — настолько захватывающим, что я даже не решилась писать, чтобы не нарушить атмосферу доверия. Разошлись мы около 11 вечера, оба довольные, и дома я еще пару часов по свежим впечатлениям записывала нашу беседу. Я помню ее и через 50 лет.

В какие годы Вы писали кандидатскую диссертацию?

Я начала работу осенью 1953 г., моим руководителем был Венжер. Суть диссертационного исследования «Трудовой и принцип материальной заинтересованности в колхозах» заключалась не в том, чтобы изобрести еще один способ распределения крохотных фондов оплаты труда, которыми располагали колхозы, а в анализе отношений колхозов с государством, определении экономических механизмов формирования колхозных доходов. Но чтобы подойти к этой проблеме, следовало основательно разобраться в практике оплаты труда в колхозах. Тема моей диссертации относилась к самым закрытым, секретным областям экономики. Официальной статистики об оплате труда в колхозах не было, работать приходилось с данными первичного учета хозяйств, а для этого — ездить в колхозы, приобщаться к сельскому быту.

В середине 1950-х, через десять лет после окончания войны, в деревнях Нечерноземья, побывавших «под немцем», люди все еще жили в землянках и зимовали вместе с телятами, овцами и свиньями. Летом 1955 г. мне потребовалось собрать некоторую информацию для диссертации в Бежецком районе Калининской области. Пришлось на месяц поехать в колхоз вместе с полугодовой дочкой и ее 17-летней няней. Везли мы с собой абсолютно все: продукты, лекарства, примус, керосин, утюг, корыто, хозяйственное мыло, консервы — потому что в деревне не было НИЧЕГО. Запасаясь свиной тушенкой, я забыла взять с собою консервный нож. В результате банки пришлось рубить топором. Наши хозяева и их соседи даже не знали о существовании таких ножей.

Диссертацию я защитила в 1956 г., а через два года вышла моя первая книга — «Оплата труда и принцип материальной заинтересованности в колхозах». С этим мне очень повезло, создавалось новое издательство, и их «портфель» был пуст.

Чем Вы потом занимались?

1959–1961 гг. в моей научной жизни оказались попросту «стертыми», их словно бы не было. Нам с Маргаритой Сидоровой, таким же молодым кандидатом, как я, было поручено разработать методику сопоставления производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США. Исследование показало, что в конце 1950-х гг. производительность сельскохозяйственного труда в США была выше, чем в СССР, в среднем в 4–5 раз (от 2 раз по зерну до 8–10 раз по мясу и молоку). Между тем незадолго до окончания нашей работы Н. С. Хрущев с трибуны партийного съезда заявил, что разница составляет «в среднем в 3 раза». Понятно, что наши выводы власть приняла в штыки. Отдел науки ЦК КПСС дал команду немедленно вернуть в институт, поместить в сейф и опечатать уже разосланные экземпляры доклада. Отобрали у нас и все расчетные материалы. О публикации почти готовой монографии и думать не приходилось. Но, по тем временам, нам все-таки повезло: нас оставили в институте, не понизили

в должности, не дали ни партийных, ни административных выговоров. Наши учителя нас защитили.

И вскоре Вы переехали в Новосибирский академгородок...

Да, в начале 1963 г. А. Г. Аганбегян, тогда молодой кандидат наук, а теперь академик, пригласил меня переехать в Новосибирск хотя бы на три года для работы в лаборатории экономико-математических исследований, которую он создавал в Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) Сибирского отделения Академии наук. Но вышло так, что эта «командировка» затянулась до 1988 г. Я приехала в Сибирь скромным специалистом по оплате труда в колхозах, а вернулась в Москву весьма известным экономистом и социологом. В 1965 г. я защитила докторскую диссертацию «Экономические проблемы распределения по труду в колхозах», после чего стала заниматься проблемами села, лежавшими на стыке экономики и социологии.

Опыт экспедиций Вы стали осваивать еще в первой половине 1950-х годов, в 1970–1980-х продолжили эту практику: экспедиции по районам Новосибирской области, Алтая, а затем в Прибалтику. В чем Вы видите смысл экспедиции как метода исследования социально-экономических проблем? Можно ли сказать, что экспедиция — это синтез различных форм наблюдения и опросов?

Попробую ответить Вам на примере экспедиции 1980 г. в прибалтийские республики. Ее целью было раскрыть секрет, каким образом местному населению удается вести высокоинтенсивное и эффективное сельское хозяйство при том же самом хозяйственном механизме. Этот вопрос мы задавали «каждому встречному и поперечному», и всякий раз получали один и тот же ответ: «У нас другие люди», «У нас не воруют», «Наши люди привыкли много работать», «В России одни пьяницы, работают кое-как» и т. д. Это производило ужасное впечатление. Мы постоянно ощущали, что оборотной стороной их законной гор-

дости своими успехами служит нескрываемое презрение к нам, русским. Хозяйственный механизм один, а реализующие его люди — разные. Главный вывод заключался в том, что «качество человека» не менее важно, чем качество хозмеханизма. Именно в результате этой экспедиции у меня возникла идея социального механизма развития экономики, одну часть которого составляет хозяйственный механизм (иными словами, система институтов), а другую — действия социальных субъектов (или акторов), зависящие от их социальных качеств.

Вообще же для крупных исследований села экспедиция, пожалуй, единственная форма проведения социологического опроса. Мы только однажды доверили опрос в отдаленных поселках представителям местной интеллигенции. Все заполненные с их участием анкеты пришлось забраковать, и в дальнейшем роль интервьюеров выполняли только наши сотрудники, выезжавшие для этого в экспедиции. Например, миграцию сельского населения в города мы изучали в 34 сельсоветах Новосибирской области, площадь которой соответствует пяти областям Центральной России. Чтобы обеспечить репрезентативность исследования, пришлось организовать восемь экспедиционных отрядов, каждый из которых проехал около тысячи километров.

Те сравнительно немногие экспедиции, в которых я участвовала, давали очень много впечатлений. Ведь информативность личного контакта с человеком, находящимся в своей родной среде, несравнима с заочным ознакомлением с ответами на анкету. В экспедициях мы каждый вечер проводили небольшой семинар, делились тем новым и интересным, с чем столкнулись в процессе опроса. По возвращении в институт выступали на заседании научного совета отдела с итоговым докладом, в котором задолго до появления первых таблиц обобщались наши впечатления и предварительные выводы. Словом, для сельских социологов экспедиции — это необходимая, высокоэффективная и замечательная форма работы. Тот самый синтез, о котором Вы говорите.

На рубеже 1970–1980-х годов с Вашим участием и под Вашей редакцией вышел ряд книг: «Развитие сельских поселений: лингвистический метод типологического анализа» (1977), «Методология и методика системного изучения сибирской деревни» (1977), «Социально-демографическое развитие села. Региональный анализ» (1980) и «Методология системного изучения советской деревни» (1980). Вскоре одна из Ваших публикаций (об этом — ниже) вызвала большой интерес властей и КГБ. Как проходила подготовка этих книг, были ли к ним претензии? Приходилось ли «цензурировать» себя, снимать какие-либо главы, искать возможность писать «между строк»?

Это непростой вопрос, и однозначно ответить на него я не могу. В первые годы моей работы в Сибири печатать наши труды было невероятно трудно. Главный цензор (начальник областного ЛИТО) лично вычитывал наши книжки — сверху вниз, снизу вверх, справа налево — словом, насквозь. И знаете, когда из твоей книги выдирают целые куски, то на следующем этапе ты невольно контролируешь текст на предмет «проходимости» через цензуру.

Но все-таки мы испытывали меньший гнет цензуры, чем москвичи и ленинградцы. Это было связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, председатель Сибирского отделения АН СССР академик М. Л. Лаврентьев и член ЦК КПСС, первый секретарь Новосибирского обкома партии Ф. И. Горячев при создании Академгородка заключили негласное соглашение о невмешательстве в дела друг друга. Поэтому в идеологическом плане Академгородок довольно долго оставался островом свободы, где можно было говорить и писать то, что не допускалось в других местах. Конечно, обществоведы были защищены слабее, чем представители естественных наук, но все же какая-то защита со стороны Лаврентьева была и у нас, так что новосибирские партийные руководители неохотно вступали с нами в полемику. Правда, когда они получали команду «Фас!» из Москвы (как в 1968 и 1983 гг.), то старались отплатить нам за всё. Вторая причина нашей относительной свободы была

связана с моим академическим статусом. Оспаривать научные построения и выводы члена Академии наук наши цензоры побаивались и делали это редко.

С другой стороны, у нас был дополнительный «коллективный цензор», читавший наши работы после их публикации, — руководители и сотрудники сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС. На меня они выходили редко, так что я, как правило, не знала, какая «каша варится» за моей спиной. Но иногда сотрудники отдела рассказывали мне о дискуссиях по нашим книгам... Они не только внимательно прочитывались, но за ними выстраивалась очередь, и затем решался вопрос, пора ли уже ударить по этому «осиному гнезду» или можно еще потерпеть. Но лично меня в этом отделе принимали любезно и претензии высказывали в мягкой форме.

Исследования социально-экономических процессов

Середину 1970-х годов, то есть свое пятидесятилетие, Вы встретили, обладая значительным исследовательским опытом и большим числом публикаций. С 1968 г. Вы были членом-корреспондентом АН СССР. Кажется, можно было бы «тормознуть», но этого не произошло. Что заставляло Вас расширить область теоретико-эмпирических поисков и перейти к анализу крайне беспокойной социально-политической тематики, включавшей исследование механизмов управления агропромышленным комплексом, а по сути, — деятельности власти?

Это очень серьезный вопрос, касающийся моих базовых ценностей, или того, зачем я вообще пошла в науку, почему из всех наук выбрала экономическую и из каких побуждений со временем перешла в социологию. Как я уже сказала, посвящение жизни науке легко объяснимо: дед и отец были профессорами, и я с детства знала, что наука — самое интересное и достойное занятие. А так как учиться мне было легко, то альтернативы просто не было.

Далее — сложнее. На экономический факультет я поступила потому, что политическая

экономика представлялась мне единственной наукой, изучающей внутреннее устройство и механизмы функционирования человеческого общества, законы, действующие в сфере человеческих отношений. Какие задачи я ставила перед собой в то время? Прежде всего — усвоить уже наработанную теорию об устройстве советского общества. Но оказалось, что усваивать было практически нечего. Концепция «реального социализма» не отвечала элементарным требованиям, предъявляемым к теории, она «кишела» противоречиями, и внутренними — между отдельными положениями, и внешними — между теорией и реальностью.

Отсюда возникла вторая задача: понять, как на самом деле устроено наше общество. В советское время это означало, во-первых, опровержение общепринятых экономических и социальных «истин» и, во-вторых, развитие науки, вначале фиксирующей, а затем объясняющей процессы, действительно происходящие в нашем обществе. Это и был мой генеральный путь в науке, его самая общая характеристика.

Экономическими отношениями государства с колхозами я заинтересовалась прежде всего потому, что это было едва ли не самое большое место теории развитого социализма. Его несоответствие практике было вопиющим. Государство изымало у колхозов весь прибавочный и порядочную часть необходимого продукта, большинство крестьян жили на нищенском уровне и до конца 1950-х годов, по сути, оставались крепостными: у них не было паспортов и они не могли по своему желанию изменить место работы и жительства — для этого требовалось согласие общего собрания членов колхоза, добиться которого было нелегко.

В кандидатской, а затем докторской диссертации («Экономические проблемы распределения по труду в колхозах») я дотошно описала действовавший в то время экономический механизм ограбления крестьян государством, как на уровне страны, так и в ее регионах. Если бы я закончила докторскую на пару лет раньше, думаю, что меня растерзали бы, как и в 1960 г., а работа никогда не увидела

бы печати. Но я защищала ее в мае 1965 г., через полгода после прихода к власти Брежнева, списывавшего все недостатки в сельском хозяйстве на Хрущева. Потому моя остро критическая диссертация неожиданно прилась «ко двору».

Таким образом, конечную цель своей работы я, за исключением последних 12–15 лет, видела не в развитии научной теории как таковой, а прежде всего в создании научной базы для совершенствования экономической, социальной и аграрной политики государства. Иными словами, для выработки такой политики, которая способствовала бы как росту эффективности экономики, так и повышению социальной справедливости общества. Внутренним стимулом моей научной работы было не только развитие соответствующей области знания, но и возможность влиять на реальную жизнь общества, содействовать улучшению системы его институтов и социальной структуры. А без выхода на проблемы управления и политической власти это невозможно.

В 1981 г. Вы были избраны действительным членом АН СССР по Отделению экономики и Сибирскому отделению. Тогда в Ленинграде многими социологами этот факт был воспринят как знак поддержки социологии властью. Как все обстояло в действительности?

В системе выборов в Академию действуют, как минимум, два механизма. Первый, направленный «сверху вниз», — это стратегия Президиума Академии, вырабатывающего план распределения вакансий членов-корреспондентов и академиков между отделениями и конкретными специальностями. Этот план согласовывается как с властными органами (в то время — с отделом науки ЦК КПСС), так и с конкурирующими за вакансии отделениями. Влияние властных органов формально доходит лишь до специальностей, одной из которых в 1981 г. могла бы быть, но не была социология. Механизмом же, работающим «снизу вверх», является выдвижение конкретных кандидатов на объявленные вакантные места, а главное, сами выборы, хотя неформальное давление власти иногда имеет место

и здесь. Для того чтобы избежать дробления голосов, обычно ведущего к потере вакансий, в отделениях создаются комиссии из наиболее известных академиков, которые предварительно обсуждают выдвинутые кандидатуры и рекомендуют «выборщикам» наиболее достойных кандидатов. Но эти рекомендации призваны лишь ориентировать тех, кто будут голосовать, окончательное решение они принимают сами в процессе тайного голосования.

Такова общая процедура. Что касается меня, то на предыдущих выборах (1978 или 1979 г.) я уже котировалась в академики, была рекомендована экспертной комиссией и получила пять голосов «за» из требовавшихся шести. В 1981 г. я была выдвинута на московскую вакансию, то есть должна была участвовать в общей конкуренции по специальности «экономика», причем имела высокие шансы пройти. Но никакого разговора обо мне как социологе не велось, скорее наоборот, подчеркивалась важность моих исследований для экономики. Отдел науки ЦК не возражал ни против меня лично, ни против социологии, но настаивал на другом кандидате: мол, Заславскую мы знаем и в принципе поддерживаем, но она подождет и до следующих выборов, а вот товарища Х надо избрать сейчас. Руководители Отделения насмерть стояли за меня, не столько из-за особых симпатий, сколько из-за нежелания избирать Х. Наконец, отдел науки ЦК, чтобы очистить путь член-корру Х, выделил целевую вакансию по экономике для Сибирского отделения при неформальном условии, что на московскую вакансию будет избран Х. Я была единогласно избрана действительным членом академии сперва Сибирским отделением, а затем Отделением экономики. Другая же часть договора оказалась нарушенной: на московскую вакансию был избран не Х, а другой ученый, что вызвало страшный гнев ЦК. Несколько видных членов Отделения экономики жестоко поплатились за такое «самоуправство». Однако выборы в Академию — тайные, и заставить членов отделения проголосовать так, как хотелось работникам ЦК, не мог никто. Как видите, социология здесь была не при чем, о ней никто и не вспоминал. Но научная общественность, не знавшая этих

закулисных перипетий, возрадовалась и восприняла мое избрание как добрый знак для этой науки.

Власть не понимала роли социологии и потому сдерживала ее развитие или, наоборот, сдерживала ее развитие, ибо понимала, что выводы социологов могут оказаться для нее неприятными?

Безусловно, второе. Во власти сидели, в общем, неглупые люди, и большинство из них понимало, что такое социология. Но ее выводы были им категорически противопоказаны. Запомнился случай, о котором рассказывал, кажется, З. И. Файнбург. Пермские социологи приехали в один промышленный город, чтобы опросить молодых рабочих о нормах сексуального поведения в их среде. Начали, как тогда водилось, с горкома и сразу же натолкнулись на категорический запрет исследования его секретарем (это была женщина). Социологи спросили ее: «Неужели вас не интересует, что творится в этой сфере, можно сказать, у вас под носом?» А она ответила: «Что творится, я знаю и без вас. А если вы мне об этом официально напишете, я обязана буду принимать какие-то меры. Сделать же я все равно ничего не могу. Так что ищите другой город». Случай частный — но за ним, как мне кажется, кроется общее. Рекомендации социологов носили преимущественно управленческий характер, но кормило реального управления уже вырывалось из рук партийных руководителей, и «не знать» о разложении общества им было удобней, чем «знать», но не быть в силах что-либо сделать.

Сейчас Ваш доклад 1983 года «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии», названный на Западе «Новосибирским манифестом», легко доступен. Не могли бы Вы рассказать историю его возникновения и вспомнить события, развивавшиеся вокруг него?

К осени 1982 г. мы подготовили исследовательский проект «Социальный механизм развития экономики (на примере аграрно-промышленного комплекса)», рассчитанный на

ближайшие пять лет. Его центральная идея заключалась в том, что начинавшийся системный кризис экономики был вызван не столько техноэкономическими и структурными, сколько социальными причинами. Направлялся вывод о необходимости перестройки всей системы социально-экономических отношений и перехода от административных методов управления к преимущественно экономическому регулированию народного хозяйства. Цель проекта виделась в обосновании основных направлений программы социально-экономических и управленческих преобразований, обеспечивающих рост эффективности аграрного сектора экономики. Текст проекта мы направили в 10 общественных институтов Москвы, Ленинграда и некоторых других городов. Одновременно мы приглашали ученых принять участие в обсуждении идей проекта на семинаре в Новосибирском академгородке 8–10 апреля 1983 г.

В феврале-марте я взяла отпуск, и за пару недель названный Вами доклад был написан. Я попросила сестру оценить написанное. Прочитав, она задумчиво сказала: «Ты знаешь... по-моему, это не доклад... Это скорее манифест». И действительно, через несколько месяцев доклад был опубликован во многих странах именно как «Новосибирский манифест».

Аганбегяну доклад понравился, и для организации плодотворной дискуссии он предложил размножить текст для участников. Хотя за четыре дня до семинара цензура запретила размножение, Аганбегян пошел на риск, и мы все же отпечатали сотню экземпляров с грифом «для служебного пользования». Каждый экземпляр был пронумерован и адресован конкретному участнику; все были предупреждены, что после дискуссии брошюры необходимо сдать.

К утру 8 апреля 1983 г. в Академгородке собрались более 70 новосибирских и примерно столько же иногородних ученых, приехавших из 17 городов страны. Это свидетельствовало об исключительном интересе научного сообщества к поставленным вопросам. Аганбегян сделал вводный доклад, показывавший нарастание негативных тенденций в развитии

советской экономики. Я изложила свои основные идеи, а потом были вопросы и ответы, в которых участники семинара неоднократно переходили границы более или менее допустимой «ереси».

Работа шла исключительно активно, большинство поддерживали наши идеи и стремились развить их, но немало было и тех, кто не соглашался с отдельными положениями проекта. В целом же это был семинар единомышленников, которые «нашли друг друга» и не могли наговориться о том, что их волновало и о чем в других местах говорить было запрещено. Участники семинара, не получившие препринтов, брали их у счастливых владельцев на ночь и переписывали от руки. Этот факт меня просто потряс...

А по окончании семинара обнаружилась нехватка двух экземпляров доклада. Вскоре в Институте появились представители КГБ и начали их искать. Из Института были изъяты не только все экземпляры доклада, но и мои подготовительные материалы. Встретиться со своим «Манифестом» и перечитать его мне удалось только через семь лет, когда мне преподнесла его в подарок лондонская служба ВВС.

В конце июля 1983 г. я простудилась и слегла. Однажды, подняв трубку телефона, я услышала голос председателя Сибирского отделения АН академика В. А. Коптюга. От него я узнала, что мой доклад был переведен на английский язык и опубликован в «Washington Post» как «Новосибирский манифест», а экземпляр, попавший в ФРГ, несколько раз в день зачитывается радиостанциями на СССР. Получалось, что я, совсем того не желая, «сыграла против своих». Ведь, несмотря на критическое отношение к социальным институтам советского общества, я была абсолютно лояльна к социалистическому строю, считала необходимым и возможным его совершенствование и вовсе не думала о его сломе или подрыве. Я была так угнетена случившимся, что бронхит перешел в двустороннее воспаление легких, и я на два месяца оказалась в больнице.

А тем временем «Манифест» публиковался в десятках стран, россияне же узнавали

его содержание из «вражеских» передач. Запад воспринял это как первую ласточку, возвещавшую о начинающейся в СССР «весне», как свидетельство заметных идейных и социальных сдвигов в советской системе, которая прежде считалась не поддающимся изменениям «монолитом». Позже выяснилось, что оба экземпляра препринта, попавшие в США и ФРГ, не имели титульного листа, из которого можно было узнать название доклада, фамилию его автора, а также номер экземпляра и, следовательно, имена участников семинара, передавших свои препринты на Запад. Поначалу советологи предполагали, что «Манифест» был итоговым документом закрытого семинара в Кремле, но потом мое авторство было установлено.

Татьяна Ивановна, если бы текст Вашего доклада не «уплыл» на Запад, его скорее всего постигла бы судьба Вашего раннего исследования о производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США. Соответственно, «Новосибирский манифест» не сыграл бы никакой роли ни в Вашей жизни, ни в жизни страны, ни в развитии социологии. Возможно, что лишь через много лет историки советской социологии обнаружили бы его в архивах КГБ или в других хранилищах... Абсолютно правильно. Конечно.

..Лишь недавно А. Здравомыслов и В. Ядов издали полный текст своей классической книги «Человек и его работа»; Н. Лапин через 30 лет после завершения исследования социальной организации промышленного предприятия опубликовал его итоги. Аналогичных примеров — масса. Возникает вопрос: в какой мере вообще историки могут на основании опубликованных работ судить о развитии, направленности, размахе советской социологии? Вам удалось опубликовать основные результаты своих исследований?

Тот факт, что опубликованные и неопубликованные результаты — вещи существенно разные, очевиден. И догадаться о том, что именно было сделано, но погибло в архивах КГБ, невозможно. Но вот интересный момент. Когда нам с Аганбегяном давали выговор на

обкоме КПСС за семинар и «Манифест», одним из докладчиков был главный цензор Новосибирской области Ващенко. Его доклад базировался на огромном количестве вырезок из материалов, представлявшихся журналом Аганбегяна «ЭКО» и не допущенных бдительной цензурой к публикации. Генеральная идея выступления Ващенко заключалась в том, что журнал «ЭКО» — антисоветское издание, по существу каждый его номер содержит недопустимые утверждения, и ЛИТО вынуждено постоянно «стучать ножницами», искореняя крамолу. Вывод же был простым — закрыть журнал. Я вспомнила об этом потому, что ведь у Ващенко-то эти материалы остались. И, возможно, в каждом городском или областном цензурном комитете хранятся различные вырезки, представляющие интерес для историков науки.

Когда в 1970 г. мы представили в ЛИТО книгу о миграции сельского населения, цензор потребовал исключить главу о миграции молодежи. А ведь в этом была вся суть, уезжала-то, главным образом, молодежь. Было безумно обидно... в конце концов мы большую часть данных все же распахали по другим главам. Но в результате исчез «эффект букета», и для читателя проблема как таковая исчезла, можно было увидеть лишь ее отдельные аспекты.

И все же основные результаты нашей работы были опубликованы, пусть и с определенной задержкой. Категорически не проходили скорей отдельные соображения, разделы, редко — целые главы. Мы научились обманывать цензуру, облекая свои мысли в такую форму, что умному читателю они были понятны. Стремясь уйти от цензуры, мы значительную часть работ выпускали в форме препринтов (тиражом до 100 экз.), для этого достаточно было визы директора института. Но их могло прочесть только близкое научное окружение, и это больше всего препятствовало распространению наших идей.

Конечно, если художественные произведения не стареют, то научные — стареют. Но тем не менее, они представляют определенный исторический интерес. Вот, например, в 1958–1959 гг. я начала генеральный пересмотр своих взглядов на сущность тогдашней советской

системы. Я не могла признать ее социалистической, но тогда какую она была? Читая работы Ленина начала 1920-х годов, я склонялась к ее идентификации с госкапитализмом, приводила разные аргументы, сама с собою спорила. И вот эти выписки и собственные соображения у меня остались. Сейчас мы не можем спуститься в 1958 г. и вспомнить, какие именно «за» и «против» боролись в то время в нашем сознании, во что еще верилось, а во что уже нет; понять это можно лишь из документов того времени.

Как бы Вы объяснили генезис Новосибирской экономико-социологической школы? От чего Вы отталкивались? Ведь не было так, что в какое-то прекрасное утро Вы встали и сказали себе: «Дай-ка я создам экономическую социологию...»

А вот тут Вы как раз ошибаетесь. На самом деле было почти так. Аганбегян во что бы то ни стало захотел создать на экономическом факультете НГУ отделение социологии (в то время была только специализация студентов с четвертого курса, они писали у нас курсовые и дипломные работы. А для специализации, начинающейся на третий год обучения, нужен какой-то главный специализирующий курс, и Аганбегян предложил нам его подготовить. Мы с Р. В. Рывкиной как главные кураторы специализации стали ломать голову, что же предложить студентам. И пришли к выводу, что на социологическом отделении экономического факультета следует преподавать экономическую социологию. При этом мы не имели ни малейшего понятия, что на Западе такая наука, хоть и недавно, но уже возникла.

Однако мы понимали амбициозность такой задачи и предварительно пошарили по разным энциклопедическим словарям на предмет того, что такое физическая химия, химическая физика, биохимия и т. д. Установили, что имя таким наукам чаще всего дается по методу, а уточняющее определение — по предмету. Значит, если метод у нас социологический, то это — социология, а если предмет экономический, то это — экономическая социология. Из этого мы исходили. Ну, прежде всего, какой стороной экономика

оборачивается к социологии, что социология может в ней увидеть...

А потом Вы стали задавать себе вопросы...

Совершенно верно. И мы успели почитать этот курс два или три раза, после чего решили, что можно и нужно делать книгу. Поэтому наша книга носила характер учебника. Может быть, не совсем, но во многом...

Предсказания тех, кто много десятилетий назад, глядя на Вас, говорил: «Станет профессором», сбылись. Но Вы поздно начали преподавать и лишь в 1976 г. получили звание профессора. Вам не нравилось преподавать, не было времени, не считали это важным?

Вопрос о преподавании встал передо мной сразу по окончании университета. В моем дипломе написано: «преподаватель политической экономики». Но, я уже сказала раньше, так сложилось, что я занялась исследовательской работой в Институте экономики. Отвлекаться от нее на что бы то ни было мне не хотелось. Но со временем на меня стал наседать отец. Он твердил, что настоящий ученый не может не преподавать, точно так же как преподаватель не может не заниматься наукой. «Пойми, — говорил он, — ты глубоко изучаешь сравнительно узкий вопрос, но не чувствуешь широкого социального контекста своей проблемы, того целого, с частью которого имеешь дело. Для того чтобы понять это целое, нужно преподавать соответствующий предмет».

Тем не менее я думаю, что никогда не стала бы преподавать, если бы не настойчивость Аганбегяна, тогда — научного руководителя экономического факультета НГУ. В середине 1970-х годов он потребовал, чтобы я читала на факультете спецкурс. Я сказала: «Но что же я буду читать? Не методологию же системного изучения деревни? Зачем она студентам-экономистам?» Но Аганбегян не отступал. Он говорил: «Если твой главный научный интерес состоит в разработке этой методологии, то и рассказывай о ней студентам. Им нужно живое общение с учеными, им важно не что ты изучаешь, а прежде всего, как ты это

делаешь, пусть они почувствуют, что такое труд ученого».

Мне пришлось смириться, и я читала разные социально-экономические курсы, последним из которых стала экономическая социология. В конце концов, я поняла, насколько прав был отец, утверждавший, что начинать преподавание надо как можно раньше, чтобы оно стало для тебя органичным. Фактически же я так и не успела полюбить этот вид труда, а потому и в полной мере им овладеть. Преподавание осталось для меня тяжелой и нелюбимой «нагрузкой».

И снова Москва

Во второй половине 1980-х в силу ряда обстоятельств перед Вами возникла проблема возвращения в Москву. Сейчас мне хотелось бы коснуться двух аспектов Вашей «новой» московской жизни: рождения Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по социально-экономическим вопросам и выборов в горбачевский парламент. Создание ВЦИОМа было одним из важнейших научных и политических событий конца 1980-х годов. С чего все начиналось?

После поездки в Болгарию в ноябре-декабре 1987 г. мне надо было встретиться с председателем ВЦСПС С. А. Шалаевым. Мы хорошо поговорили с ним, но у меня возникло ощущение, что он меня «прощупывает» на предмет чего-то. И действительно, в самом конце встречи он сделал мне совершенно неожиданное предложение — переехать в Москву и возглавить организацию первого в стране специализированного центра изучения общественного мнения, получающего общесоюзный статус.

Я была растеряна. Принять это предложение — значило расстаться с друзьями, учениками, единомышленниками, коллективом, формировавшимся 25 лет и составляющим мое «второе я». Но я чувствовала, что пульс общественной жизни страны ускоряется и ее центр перемещается в Москву. Как социологу, мне хотелось быть там, где происходили основные события, определявшие судьбы

общества. Поставленная передо мною задача представлялась важной и интересной. Было очевидно, что создаваемый в нашей стране центр изучения общественного мнения будет испытывать политическое давление, способное подчинить его интересам власти и лишить действительной ценности. Поэтому руководитель этого центра должен обладать высоким и относительно независимым статусом. В этом смысле мое положение было уникальным. Быть моим первым заместителем согласился Борис Андреевич Грушин, самый крупный в Союзе специалист по изучению общественного мнения. Шалаев дал мне три дня для принятия решения — с 13 по 16 декабря.

17 декабря 1987 г. состоялось историческое событие: Грушин и я встретились с руководителями ВЦСПС, чтобы обговорить принципиальные вопросы организации и работы ВЦИОМа, включая региональную сеть опорных пунктов, гласность результатов, самостоятельность в подборе кадров и др. В итоге этой полуторачасовой встречи нужные договоренности были достигнуты, и мы дали окончательное согласие руководить созданием ВЦИОМа.

Это было завершением трудностей или их началом?

Конечно, второе. Если бы я заранее знала, на что соглашаюсь, то, конечно же, отказалась бы. В результате драматических переживаний, связанных с предстоящим отъездом из Сибири, у меня случился инфаркт миокарда, я с трудом добралась до Новосибирска, где сразу же оказалась в больнице. Но 25 января, по случайному совпадению — в день моих именин, в Новосибирск прилетел Грушин, и я поставила свою подпись под первым приказом по ВЦИОМу. В нем было всего два пункта:

«1. Вступаю в должность директора ВЦИОМ при ВЦСПС и Госкомтруде СССР.

2. Первым заместителем директора ВЦИОМ назначаю Бориса Андреевича Грушина».

За время пребывания Грушина в Новосибирске мы успели вчерне подготовить «Положение о ВЦИОМ», куда записали наиболее принципиальные для нас пункты.

С утверждения этого положения и начались бюрократические игры, некоторыми из руководителей ВЦСПС овладел «административный восторг». Под вопрос ставилась даже сама необходимость создания ВЦИОМа, хотя решение об этом было принято Пленумом ЦК КПСС. Были возражения против создания сети опорных пунктов в регионах: мол, зачем это нужно, дадим поручение облсовпрофам, и они все сделают. Одним из главных камней преткновения стал, конечно, вопрос о гласности работы Центра. По мнению некоторых руководителей ВЦСПС, все его материалы должны были представляться только им с тем, чтобы они решали, что следует публиковать, что посылать в директивные органы, а какую информацию вообще придерживать. По их мнению, мы не должны были выходить самостоятельно даже в ЦК КПСС. Короче, с самого начала они проявили себя как наши принципиальные идейные враги.

Большинство принимавшихся во ВЦИОМ сотрудников были квалифицированными учеными, но почти никто из них не обладал опытом изучения общественного мнения, поскольку в СССР эта область исследований находилась в зачаточном состоянии. Только Грушин имел достаточно ясное представление о том, как надо действовать, но видя, что и как у нас делается на практике, нередко приходил в отчаяние. Он бегал по своему роскошному кабинету на Ленинском проспекте, хватался за голову и страшно переживал. У меня собственного опыта в этой области не было, недостижимым же образцом служил Институт демоскопии, возглавляемый Ноэль-Нойман, в котором мне довелось побывать в 1972 и 1989 гг. Этот институт произвел на меня неизгладимое впечатление, мне казалось, что я попала в будущий век. Если бы не знакомство с этой удивительной организацией, то, получив предложение организовать ВЦИОМ, я наверняка от него отказалась бы.

Я работал во ВЦИОМе с октября 1988 г., видел, как он «вставал на ноги», и помню, какую нагрузку Вы как директор несли в те годы. И все же я удивился, прочитав в Ваших воспоминаниях, что уже в начале 1991 г.

у Вас возникла мысль оставить руководство и сосредоточиться на анализе социально-экономической проблематики. Почему все-таки Вы приняли решение о передаче руководства ВЦИОМом Юрию Александровичу Леваде?

Я бы сказала, что для этого были две причины: внутренняя и внешняя. Внутренняя была связана с пониманием того, что я занимаюсь, хотя и исключительно важным, но не своим делом. Как директор ВЦИОМа я была вынуждена тратить громадные силы на дела, не имевшие ни малейшего отношения к моим интересам. Концепция ВЦИОМа была принята, но оставалось множество трудностей. Назову хотя бы недоверие властей и лично М. С. Горбачева к результатам наших опросов, сложности с организацией общенациональной сети пунктов сбора данных, налаживание обработки получаемой информации, поиск здания для размещения Центра, проблемы финансирования исследований. В первый год существования ВЦИОМа мы провели всего четыре небольших и не слишком интересных опроса, и только в январе 1989 г. группе сотрудников Ю. А. Левады удалось провести первый репрезентативный для страны опрос «Новый год». Решение организационных проблем ВЦИОМа в сочетании с руководством Советской социологической ассоциацией и депутатскими обязанностями, по существу, лишало меня возможности серьезно заниматься наукой.

Немалое влияние на мое решение уйти оказало и то, что основные научные кадры пришли во ВЦИОМ тремя ранее сложившимися командами. Самую большую составляли 8 левадовцев (кроме Левады — Гудков, Дубин, Седов, Левинсон, Гражданкин, Голов и Зоркая). Вторую была группа В. М. Рутгайзера тоже из 7–8 человек, третью же составили сотрудники моего сибирского коллектива, по одиночке и по разным причинам переехавшие в Москву: Р. В. Рывкина, З. В. Куприянова, Л. А. Хахулина, Е. А. Дюк и Э. Д. Азарх. Но если группы Левады и Рутгайзера сохраняли организационное и научное единство, то сибиряки не составили цельной команды, а рассредоточились по разным «углам». Поэтому глубоких

научных корней у меня во ВЦИОМе не было (в отличие от личной опоры и поддержки, которую я всегда ощущала).

В течение трех лет (1988–1990) я стоически терпела это положение, ведь «взялся за гуж — не говори, что не дюж». Но постепенно стали развиваться протестные настроения: почему мои коллеги занимаются наукой, проводят исследования, публикуют книги, а я в это время сражаюсь с ВЦСПС, добываю здание и ломаю голову, как обеспечить зарплату? И я стала подумывать о сложении с себя этих обязанностей, но не сразу, а как только все более-менее «устаканится» и ВЦИОМ выйдет на дорогу нормального развития. Мысленно я выделила на это еще два года, то есть думала проработать до конца 1992 г. Но летом 1991 г. возникла внешняя причина, ускорившая принятие мною этого решения.

В том году я по приглашению гамбургского фонда FFS, наградившего меня премией им. Карпинского, проводила двухнедельный отпуск в ФРГ. Вернувшись, я узнала, что во время моего отсутствия по инициативе А. А. Ослона было проведено собрание совета трудового коллектива ВЦИОМа, председателем которого был Левада. Ослон предложил учредить открытое акционерное общество под тем же названием «ВЦИОМ» с тем, чтобы в дальнейшем перекачать в него активы государственного ВЦИОМа и зажить свободной жизнью. Потом он действительно реализовал эту идею, создав и возглавив Фонд общественного мнения (ФОМ). Тогда же он предложил избрать директором ОАО ВЦИОМ Ю. А. Леваду, что и было сделано. В результате сложилась парадоксальная ситуация: возникли как бы два ВЦИОМа — реальный и виртуальный. Причем избранным и потому легитимным директором виртуального был Левада, а назначенным сверху и потому менее легитимным директором реального — я. Конечно, меня не только никто не просил уходить, но, я уверена, что никому и в голову не пришло, что я приему такое решение. Но столь важное собрание было проведено в мое отсутствие, причем учредителями ОАО ВЦИОМ стали те, кто участвовал в собрании; остальным, включая и меня, было предоставлено право подать заявление

с просьбой включить их в число учредителей, которым я, разумеется, не воспользовалась. Все это я восприняла как сигнал того, что миссию свою я выполнила, и у коллектива появился новый достойный лидер.

Я ускоренно завершила завязанные на меня дела и в конце декабря сообщила Юрию Александровичу о своем согласованном с Госкомтрудом решении передать ему пост директора ВЦИОМа. В марте 1992 г. я стала президентом ВЦИОМа и одновременно заведующим отделом сравнительных и ретроспективных исследований. Мои отношения с сотрудниками Центра не изменились, они, как и прежде, были основаны на взаимном уважении и дружеских симпатиях. Перейдя в Интерцентр, я еще 12 лет оставалась почетным президентом ВЦИОМа. А после того как Госкомимущество отняло у коллектива ВЦИОМа его раскрученный бренд и все сотрудники перешли в Аналитический центр Левады (АЦЛ), я была избрана председателем его правления. Так что дружба с этим коллективом у меня пожизненная, просто реализуется она в разных формах.

В 1989 г. в период подготовки к выборам народных депутатов СССР я был Вашим доверенным лицом в Ленинграде и помню, как напряженно начиналась Ваша встреча с научной общественностью города. Но все прошло нормально. А как все складывалось в Москве?

Кандидатом в народные депутаты СССР я была выдвинута сразу по трем линиям: от Академии наук, от общественных организаций при Академии наук (как президент Советской социологической ассоциации) и от ВЦСПС (как директор ВЦИОМа). Узнав об этом, я собрала ведущих сотрудников Центра, чтобы посоветоваться, кому давать согласие. Мнение было единодушным — только не ВЦСПС: точно провалят. Наиболее подходящими казались общественные организации при Академии. Им я и ответила согласием, а представителям ВЦСПС вежливо сообщила, что уже выдвинута по другой линии. Но С. А. Шалаев стал настойчиво просить меня баллотироваться от ВЦСПС. Он

говорил, что создание ВЦИОМа — важнейшее свидетельство обновления ВЦСПС и что, выдвигая меня в народные депутаты, ВЦСПС демонстрирует свой реформаторский настрой и поддержку перестройки. Мне ничего не оставалось, как согласиться и отозвать свое согласие на баллотировку от научных общественных организаций. Ученый секретарь ССА Э. Н. Фетисов с крайним неудовольствием взялся сообщить об отзыве моего согласия в «штаб» этих организаций. Однако оказалось, что списки кандидатов в народные депутаты уже отправлены в Центризбирком и изменить ничего нельзя. Так моя фамилия оказалась одновременно в двух списках.

Все произошло, как мы и ожидали. По линии профсоюзов я получила менее четверти голосов, можно сказать, что они «с негодованием выплюнули меня из своего состава». Ликование сотрудников ВЦСПС было безграничным. А на следующий день меня избрали народным депутатом СССР от научных общественных организаций при Академии. И тут профсоюзники буквально взвыли: их блестящий план провалился, и кипящая ненависть ко мне осталась неутоленной.

А как вспоминается работа Первого Съезда народных депутатов?

Избирательная кампания, а затем участие в работе Съезда подорвали мое здоровье сильнее, чем инфаркт 1987 г. У меня не было ни физических, ни духовных сил воевать с «агрессивно-послушным» большинством. Но и соглашаться с ним я не могла. Под пронзительным взглядом Горбачева почти всегда голосовала с меньшинством. Вся атмосфера съезда была пропитана агрессией, а уж в свой адрес я чего только ни наслушалась. По инициативе члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря Московского горкома Л. Н. Зайкова против меня еще в декабре 1988 г. была развернута мощная клеветническая кампания в прессе, инициатором которой был секретарь Московского союза литераторов. А. Салуцкий, человек без всяких признаков совести. Он представил меня читающей публике не только как автора концепции «неперспективных» деревень, но и как главное лицо, ответственное за развал советс-

кой деревни. Кто хоть что-нибудь знал обо мне, сразу понимал, что это бред, люди писали массу опровержений, но их не печатала ни одна газета. Поэтому на Съезде я чувствовала себя парией, за моей спиной постоянно слышался шепот: «Смотри-ка, это та Заславская, что деревню разрушила!» Люди устали, измучились от неустроенной жизни, они искали виновных в том, что все оказалось трёпом, ложью, что ничего не удалось сделать по-настоящему хорошего ни для себя, ни для других.

Немного о прошлом и настоящем отечественной социологии

Как бы Вы оценили судьбу того, что сделано первыми поколениями отечественных социологов? Что, по Вашему мнению, из сделанного окажется наиболее интересным для социологов середины нового, XXI в.?

Это очень непростой вопрос. Мне ужасно трудно представить, что будет в середине XXI в., какие люди будут жить, как жизнь будет устроена... Ведь динамика событий все время ускоряется, на протяжении моей жизни все социальные процессы от десятилетия к десятилетию шли быстрее и быстрее. Может быть, все-таки перспективу приблизить?

Можем приблизить... скажем, 20-е годы нашего века...

Возможно, это будут прежде всего — факты, фактурные результаты, так как без опоры на них будет очень сложно двигаться вперед. Если исследование было сделано добросовестно, если его методология не была порочной, то полученные данные представляют интерес и в дальнейшем. Конечно, и методические находки, например удачные формулировки вопросов, тоже имеют право на долгую жизнь.

А мне думается, что ознакомиться с книгой Гордона и Клопова «Человек после работы», замами ленинградской телеаудитории Фирсова, Вашими находками по типам общественно-политического сознания будет интересно и через десятилетия. Возможно, все это будет долго привлекать внимание макросоциологов...

Я думаю, и историков это должно интересовать. Вот сегодня пытаются восстановить социальную психологию средневековья, но документальных материалов мало... опросов тогда не было. А в наше время они проводились. Некоторые теоретические построения, если они схватывали реальную структуру общества и общественных процессов, тоже будут интересны социологам середины наступившего века. Мои любимые «социальные механизмы», сама идея «социального механизма» общественных перемен, мне кажется, имеет полное право на существование по той простой причине, что отражает реальное устройство социума. Так что, я думаю, преемственность будет достаточно основательной.

Понимаете, сейчас за нами лежит очень короткая история. Все отсчитывается от начала 1960-х годов, прежде сделано было крайне мало, да и вообще еще мало накоплено. Поэтому в ближайшие десятилетия вряд ли будет какой-то качественный перелом в самом типе развития науки. Скорее будет продолжаться накопление идей, методов и фактических данных, развитие тех направлений, в которых сейчас работают социологи. Преемственность будет преобладать.

Но дай-то Бог новым поколениям ученых открыть что-то суперновое. Может быть, новая техника поможет, какие-нибудь суперкомпьютеры откроют принципиально новые возможности... и тогда может произойти качественный прорыв, переход на новый уровень знания?

Дожило ли наше профессиональное сообщество до того, чтобы иметь свою историю?
Думаю, что да.

Тогда какую ей быть? Я поясню немного... я занимаюсь историей жизни и творчества американских социальных исследователей. Обнаруживается, что в их биографиях фактически отсутствует государство. В наших же биографиях государство активно присутствует. В связи с этим возникает вопрос: как при написании истории нашего сообщества определить верное соотношение роли ученых и институциональных структур?

Я думаю, что история науки — это всегда в первую очередь история ученых. Советские ученые были погружены в тоталитарную, а позже — авторитарную среду, каждый из них по-своему сталкивался с ее ограничениями. Одни шли на компромисс, другие просто служили ей, единицы боролись с открытым забралом. Жизнь чрезвычайно многообразна, и если взять, к примеру, историю региональных социологических школ, то у каждой она окажется своею, особой.

Вот в Перми был Захар Файнбург, исключительно глубокий и талантливый человек. Он два факультета окончил, экономический и философский, и работал на пересечении двух наук с добавлением социологии. Был лидером Пермской социологической школы, которая имела очень высокий авторитет и оказывала огромное влияние на интеллектуальную жизнь города. Они теми или иными путями сотрудничали со своим относительно прогрессивным обкомом партии — иначе их просто стерли бы в порошок. А в меру сотрудничая и в меру вольничая, они смогли создавать интересные работы. А совсем рядом, в Свердловске, развивалась ультраконсервативная и сугубо партийная школа М. Н. Руткевича... Но все же самое главное — люди. Да и в истории самое интересное, как они себя ведут в сложных условиях. А обстоятельства были очень сложными, сложнее, чем в большинстве других наук.

Мне не приходилось бывать в Академгородке, но, читая Ваши воспоминания, публикации В. Шляпентоха и В. Шубкина, я понимаю, что Ваши научные достижения и видение политической ситуации в СССР в известной степени стали следствием особого социально-психологического климата, существовавшего тогда в этой части страны. Похоже, что у вас не было такого партийного давления, которое в конце 1970–начале 1980-х задушило ростки ленинградской социологической школы.

Да, мы были на порядок свободнее коллег из других городов. Наряду с прогрессивными установками основателей СО АН СССР немалую роль играла и отдаленность Ака-

демгородка от Новосибирска. В Томске, Иркутске и Красноярске академические городки составляют часть этих городов, находясь «на расстоянии вытянутой руки» от обкомов и горкомов партии. Мудрый же академик Лаврентьев выбрал место для Академгородка в 30 км от Новосибирска. Хотя Академгородок и считался Советским районом Новосибирска, в действительности он представлял собой самостоятельный город ученых. Обстановка там была достаточно либеральной, хотя свои «носороги» имелись. Заезжие партийные чиновники чувствовали себя здесь не в своей тарелке. У нас выступали самые известные барды, активно функционировал дискуссионный клуб «Под интегралом», при Доме ученых существовал «Клуб межнаучных контактов», где и я не раз выступала с рассказами о наших исследованиях.

Надо сказать, что на мои лекции о социально-экономических проблемах сибирского села обычно «стояли в очереди» несколько институтов. Слушатели впитывали каждое слово, а потом задавали массу вопросов. И вопросы, и ответы были прямыми, никакого эзоповского языка. После этого я чувствовала себя выжатой как лимон, но одновременно — очень счастливой. Да и слушатели расходились возбужденными, продолжая обсуждать заинтересовавшие их темы.

Я провел и опубликовал более двадцати интервью с российскими социологами, и все время приходится обсуждать с коллегами сделанное. Некоторые считают, что в своих воспоминаниях люди не имеют права говорить о ком-либо не очень хорошо, другие придерживаются противоположной точки зрения. Каково Ваше мнение?

Я считаю, что история, прежде всего, должна быть правдивой. А если мы обо всех будем говорить только хорошее, то неизбежно будем лгать. Например, что можно сказать о Руткевиче? Что он был великий ученый и разогнал недостойных людей? Или как иначе мы должны объяснять его поведение? Сам он заявил, что когда его назначили директором Института социологии, всё уже было предreshено. Но ведь другой человек на таких условиях, может

быть, не согласился бы принять институт. Не надо только сгущать краски, надо стремиться понять мотивы поведения людей, но фактологический ряд должен присутствовать. Историк — живой человек, ему свойственны и эмоции. Но он должен проявлять сдержанность в оценках. Я думаю, что здесь все определяется мерой, чувством такта. Но делать историю «сусальной» не имеет смысла.

Татьяна Ивановна, по Вашему мнению, как вернее называть недавний период развития нашей социологии: советской социологией или советским периодом (этапом) российской социологии?

Мне кажется, что правильнее — советской социологией. Ведь этапы — это части целостного процесса: зарождение, созревание, зрелость... причем всё это должно быть непрерывным. А в российской социологии был огромный разрыв между 1920-ми годами и началом 1960-х. В стране социологии 40 лет не существовало, она была разгромлена, называлась буржуазной лженаукой.

И потом, хотя я не очень хорошо знаю историю дореволюционной российской социологии, но, по-моему, она была сравнительно слабой. Мы знаем всего несколько имен. Туган-Барановский, Ковалевский... Питирим Сорокин был яркой фигурой, но в российский период он еще был молодым и далеко не раскрылся. Только-только начинала развиваться социология, это был лишь бутон. Но его сорвали, и потом на том месте долго ничего не росло. А стимулами для возникновения или попыток оживления социологии в 1960-е годы стала действительность того времени, «оттепель» и желание ученых глубже, конкретнее понять, что именно происходит в социуме, общая неудовлетворенность историческим материализмом, знание, что на Западе существует такая наука, методология которой позволяет проникать в сущностные черты общества. Рождение нашей социологии стимулировалось этими факторами.

Мои беседы с социологами Вашего поколения показывают, что точнее говорить, что в 1960-е годы происходило не возрождение

советской социологии, но ее второе рождение. Она родилась и, осматриваясь, естественно, задалась вопросом: а что было раньше? Тогда И. А. Голосенко по инициативе И. Кона начал заниматься творчеством П. Сорокина, Ф. Э. Шереги, будучи аспирантом В. Шляпентоха, изучил работы советских специалистов, в основном — статистиков 1920-х годов, в области выборки. Но это все не шло под лозунгом возрождения российской дореволюционной или ранней советской социологии...

Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас.

Мне представляется, что в обращении к истории науки просматриваются параллели с отношением к истории страны и истории семей. Ваше поколение в целом имело более долгую историю семей, чем мое. Ваши дедушки и бабушки, родители помнили многое о прошлом, связывали вас с ним. Революция же, гражданская война, индустриализация и коллективизация, события 1937 г., наконец, Отечественная война — сделали наши семьи маленькими, а семейные истории — короткими.

Наше поколение в этом отношении было промежуточным. Наши деды и родители действительно хранили память о дореволюционном прошлом, но вынуждены были таить ее от нас. Ведь дедушка до революции был настоящим «буржум», ему принадлежал 4-этажный дом № 44 по Столыпинской улице Киева, ныне улице Олеся Гончара. Этот дом сохранился во время войны, в двух комнатах дедушкиной 12-комнатной квартиры и сейчас живет мой двоюродный брат. Но мы узнали, что дом, где прошло наше детство, был дедушкиной собственностью, лишь через много лет после войны, от папы. В школе же нас учили, что до 1917 г. было что-то темное и ужасное, все только томилось и ждало революции, после которой началась «настоящая жизнь».

Татьяна Ивановна, в бурные перестроечные годы Вы были президентом Советской социологической ассоциации, и Вами многое

было сделано для ее институализации и выработки профессиональной этики. Поэтому не могу не затронуть в нашей беседе еще одну актуальную тему: события на факультете социологии МГУ и создание новой профессиональной ассоциации — Союза социологов России (ССР). Как Вы относитесь к этим начинаниям и в чем Вы видите генезис этих процессов?

Генезис? Я думаю, у него есть два основания: более объективное и более субъективное.

В объективном плане создание этой ассоциации и все, что с нею связано, лежит в русле более широких процессов, наблюдаемых в нашем обществе: усиления авторитаризма, «подмораживания» демократии, зажима свободы слова, общей делиберализации отношений, бюрократизации науки и образования. Такова, на мой (и не только мой) взгляд, общая линия В. В. Путина. Академия наук России — государственное учреждение, фундаментально зависимое от власти. По-видимому, создание ССР было благословлено руководством РАН. По крайней мере, на организационном собрании и на учредительной конференции присутствовали вице-президент Академии, 2 ее действительных члена и 5–6 член-корроров. Отсутствовали один академик (в моем лице) и два член-корра (Ю. В. Арутюнян и Ж. Т. Тощенко).

Показательно, что меня, бывшего президента советской социологической ассоциации и академика, на это действие даже не пригласили. По-моему, это — знаковый факт. За день-два до этого я долго беседовала с Г. В. Осиповым, но он и словом не обмолвился о конференции. Я, конечно, знала о ней, но разделяла мнение друзей, что нам там делать нечего. И тем не менее, я не понимаю, как они могли не пригласить меня, поправ все нормы научной этики. Ведь формальной целью их конференции было объединение всех социологов.

Создание ССР, конечно, одобрено, если не инициировано властью, потому что иметь под рукой такую сервильную организацию удобно. Она будет послушно делать все что надо: поддерживать любые версии власти, представлять такие социологические данные, которые

в данный момент нужны... К науке это никакого отношения не имеет. В субъективном же плане главное — карьерные устремления руководителей нового Союза. Особенно важно его создание для Добренькова. Это сильно поможет ему отбиться от обвинений в связи с нынешним конфликтом на социологическом факультете МГУ.

Идеология конференции вплотную смыкается с той, что насаждается Добреньковым на соцфаке. Это какой-то оголтелый национализм вперемешку с православием, что-то вроде нового «Союза русского народа». Студенты соцфака передали мне распространяемую на факультете брошюру «Как и от кого надо защищать Россию?» Это самое настоящее мракобесие, от которого волосы встают дыбом.

Как можно было, когда по его факультету работает комиссия? Отчасти все и делалось так срочно, чтобы «реабилитировать» Добренькова от лица «социологической общности», но ложь и фальшь лезут изо всех щелей. Общее впечатление отвратительно.

Можно ли трактовать это все как стремление перенаправить развитие российской социологии, пересмотреть ее историю?

Стремление как-то изменить развитие российской социологии, может быть, и есть, но мне кажется, что это уже невозможно. Все же в наших условиях глоток свободы был слишком основательным. СССР, безусловно, будет обладать средствами, быть может, давать гранты на развитие определенных идей, но вообще управлять развитием науки даже

в последние годы СССР было чрезвычайно трудно. «Языки пламени» все время то тут, то там вырывались из-под «колпаков», и удерживать разгоравшийся пожар было невозможно. К тому же в современных условиях вмешательство власти в развитие науки должно быть достаточно аккуратным — танком на не нравящуюся концепцию не наедешь.

И последний вопрос — в силу моего интереса к теме судьбы... В мемуарах Вы пишете о вещих снах из своего далекого прошлого. А позже Вы получали подобные сигналы о предстоящих поворотах в жизни? Некоторым людям дано разгадывать знаки судьбы, большинство же — их проскакивает...

У меня на протяжении жизни было около десятка необычных снов. Я не назвала бы их вещими, разве что насчет физфака и еще один, но они были совершенно не похожи на обычные и потому — незабываемы. Несколько лет назад я завела файл «Необычные сны». Первое, что их отличает — краски. Обычно я вижу цветные сны, но их краски скорее тусклые. В особых же снах они такие интенсивные, каких в реальности мне видеть не приходилось. Иногда бывает ощущение, что это вообще был не сон, а какая-то совсем особая явь. По крайней мере, четыре сна, которые я видела с интервалами в 10–15 лет, оставляли такое впечатление, будто мне показывали что-то необычное, я бы даже сказала, неземное. Но связать эти сны со своей судьбой я в большинстве случаев не могла.

ИСТОРИЯ

Великий печальник за Отечество. Патриарх Гермоген

С. Э. Цветков*

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности Патриарха Гермогена (ок. 1530–1612), сыгравшего ключевую роль в событиях Смутного времени в качестве вдохновителя национального сопротивления польско-литовским интервентам.

Ключевые слова: династия Романовых; польско-литовская интервенция; Русская Православная Церковь; Рюриковичи; Смутное время.

Великая Смута начала XVII в. была тяжелейшим испытанием для русского народа. Она обернулась годами горьких оскорблений национального достоинства и православной веры, поколебав до основания государственные и духовные устои русской жизни. Сама дальнейшая судьба России была поставлена под вопрос, — казалось, что Москва, а вместе с ней и вся Русская земля разделит участь первого и второго Рима. Но дух единения русского народа оказался сильнее. Вдохновителем всероссийского сопротивления интервентам и изменникам стал Святейший Патриарх Гермоген (в церковном написании Ермоген) — пастырь, полагавший душу свою за овец, «стоятель против врагов крепкий... обличитель предателей и разорителей христианской веры». В его лице Русская Церковь исполнила свой христианский долг, призвала и привела русских людей к спасению Отечества и веры.

Все жизнеописания святителя Гермогена начинаются с того момента, как он переступил порог пятидесятилетия. Его предыдущая жизнь — область преданий, согласно

которым будущий святой родился в Казани около 1530 г. и в крещении был наречен, по всей видимости, Ермолаем. Происхождение святителя остается невыясненным, однако, скорее всего, родители его были неродовитые люди — из служилого дворянства или городского духовенства¹. Поляки во времена Смуты слышали от москвичей, что в молодости Патриарх якобы был донским казаком.

Гермоген в юности получил хорошее образование, которое затем пополнял самостоятельно. Учился он, надо полагать, в одной из тех духовных школ, которые находились при домах духовных лиц или при монастырях. Он прекрасно изучил Священное Писание, церковную и гражданскую историю, церковные уставы, творения святых отцов — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. В течение всей своей жизни святитель сохранял любовь к книгам и сам неоднократно брался за перо. Сохранившиеся сочинения свидетельствуют о его незаурядном литературном даровании.

Первые достоверные известия о святителе Гермогене относятся к рубежу 70–80-х

* Цветков Сергей Эдуардович — преподаватель Международного университета в Москве, автор книги «Русская история» в 4-х томах и ряда биографических исследований. E-mail: ser6042@yandex.ru.

¹ На одной из икон Вятского края сохранилась запись, что Патриарх Гермоген в 1607 г. благословил ею своего зятя — посадского человека Корнилия Рязанцева. Обычай того времени требовал, чтобы тесть и зять были равного социального положения. Впрочем, некоторые историки возводили род святителя Гермогена к князьям Шуйским (Рюриковичам) или Голицыным (Гедиминовичам).

годов XVI века — времени его служения священником в Казани.

Это был поворотный момент в истории всего Поволжья. С завоеванием Казани расширились пределы не только Московского государства, но и Русской Церкви. По важности последствий, которые имело для России присоединение Казанского ханства, по многочисленности населявших его народов, положено было учредить здесь особую епархию. Первым занял казанскую кафедру архиепископ Гурий, происходивший из боярского рода Руготиных. 26 мая 1555 г. первосвятитель Казанский и Свяязский отправился из Москвы в свою епархию. Впервые русский архиепископ ехал в завоеванное мусульманское ханство распространять там христианство. Этот духовный поход Гурия в Казань в глазах русских людей соответствовал отправлению греческого духовенства из Византии для просвещения Руси при Владимире и знаменовал торжество христианства над басурманством и язычеством. Вот почему отправление Гурия в Казань совершилось с большой торжественностью: его провожали все духовенство, царь с боярами и множество народа.

Обращение народов, населявших бывшее Казанское ханство, должно было происходить на строго добровольной основе. В «Наказе», данном архиепископу Гурию, говорилось, что он должен был новообращенных поучать страху Божию, к себе приучать, кормить, поить, жаловать и беречь во всем, дабы и прочие, видя такое бережение и жалованье, захотели бы принять крещение, — «а страхом ко крещению никак не приводить»².

Усилиями святителя Гурия и его помощников, архимандритов Германа (Садырева-Полева) и Варсонофия (ставшего затем епископом Тверским) были крещены тысячи мусульман и язычников. Казань за несколько лет была превращена в русский город. Уже в 1557 г. в ней жило 7000 русских и 6000 татар, причем последним было запрещено жить

в городской черте, и они селились в так называемой «татарской слободе» — извечный прием московской политики во вновь присоединенных землях. Однако на территории ханства еще долго тлели искры партизанской войны, время от времени вспыхивавшие восстаниями.

Особенно опасным было восстание под руководством Мамыш-Берды, одного из бывших казанских правителей «луговой стороны». Мамыш-Берды хотел ни много ни мало как восстановить ханскую власть, для чего посылал приглашать на престол разных ногайских мурз. Москва должна была начать новую полномасштабную войну. Царские воеводы Данила Адашев, Семен Микулинский, Иван Шереметев беспощадно опустошали край, проходили от селения к селению, сжигая дома, забирая скот, уводя всех жителей в плен; Арская и Прикамская сторона «опустошены были вконец». Призванные на помощь казанцам ногаи, со своей стороны, всячески грабили и обижали местных жителей. Одного из ногайских претендентов на престол эти самые жители убили и, воткнув его голову на кол, говорили (в передаче князя Курбского): «Мы было взяли тебя того ради на царство, с двором твоим, да обороняешь нас, а ты и сущие с тобою не сотворил нам помощи столько, сколько коров и волов наших поел; и ныне глава твоя да царствует на коле». «Подрайская земля» превратилась в пустыню, люди, оставив жилища, хоронились по лесам. Весной 1556 г. воевода Петр Морозов взял главную крепость восставших — Чалым. Претендент на казанский престол хан Али был убит, Мамыш-Берды захвачен в плен, отправлен в Москву и казнен. Обезумевшее от ужаса население, наконец, присягнуло царю и уплатило ясак. В 1557 г. воеводы сообщили в Москву о замирении и присоединении всего края.

В то время Гермоген служил приходским священником казанской церкви Святого Николая в Гостином дворе. По отзывам современников, будущий святитель уже тогда был «мужем премудростью украшенный, в книжном учении изящным и в чистоте жития известным».

² Конечно, не все и не всюду держались таких благоразумных и человеколюбивых правил, — нетерпимость века брала свое. Летописи оставили нам память о таких, например, крестителях в Нижнем Новгороде: «Давали дьяки по монастырям татар, которые сидели в тюрьмах и захотели креститься; которые не захотели креститься, тех метали в воду» (смысл последних слов двойся: упрямых не то топили, не то крестили насильно).

В бытность свою в Казани Гермогену довелось участвовать в обретении одной из величайших православных святынь — чудотворной иконы Богородицы Казанской. Впоследствии, уже будучи архиереем, Гермоген составил пространную повесть о явлении иконы Казанской Богоматери: «Сказание о явлении и чудесах иконы Казанской Богоматери»³.

В 1587 г. Гермоген овдовел и принял монашество⁴. Вскоре он был возведен в сан игумена, а затем и архимандрита казанского Спасо-Преображенского монастыря. После недолгого управления обителью, Гермоген был поставлен в сан архиепископа Казанского и Астраханского (13 мая 1589 г.) с предоставлением ему — первому из архиереев казанских — митрополичьего титула (с 1602 г.). Он стал третьим по чести иерархом Русской Церкви после Патриарха и митрополита Новгородского.

Казанская епархия была обширной, а населявшие ее народы зачастую враждебны к русским и православию. В своем стремлении сделать новый край нераздельной частью Русского государства святитель Гермоген не чуждался суровых мер, зарекомендовав себя человеком строгим, с сильным характером, несокрушимым поборником национальных начал, заветов и преданий.

При нем в Казанской земле велось активное строительство церквей и монастырей. С особым усердием святитель трудился над прославлением памяти христианских мучеников.

Уже в эти годы деятельность Казанского Митрополита не ограничивалась пределами Казанской епархии. Так, выполняя распоряжение Патриарха, святитель Гермоген ездил в Углич для освидетельствования мощей

святого князя Романа Владимировича⁵ (1595).

Во время пребывания Гермогена на Казанской кафедре в городе действовала типография⁶ — третья в России после типографий в Москве и в Александровской слободе.

Обустроивая казанскую епархию, Митрополит Гермоген укреплял православие и старался объединить вокруг него разноплеменное население бывшей Золотой Орды. Православные люди почитали его как великого подвижника и постника. Но Казанская кафедра была лишь началом служения святителя Русской земле.

* * *

В 1598 г. умер царь Федор Иванович. С его смертью на московском престоле пресеклась династия Рюриковичей⁷. Москва и вся Россия увидела прежде невиданное зрелище — выборы царя.

Этим народным избранником стал Борис Годунов. Его путь к трону был долог и необычен. Годуновы были младшей ветвью старинного боярского рода, который вел свое происхождение от татарского мурзы Чета, выехавшего из Орды в Москву при Иване Калите. В годы опричнины Борис сумел попасть в ряды окольничих бояр. Сначала он стал посаженным отцом на одной из многочисленных свадеб Ивана Грозного, потом взял в жены дочь всемогущего Малюты Скуратова, а женитьба Федора Ивановича (тогда еще царевича) на Борисовой сестре Ирине еще больше укрепила его положение при дворе.

После смерти Грозного влияние Годунова сделалось поистине беспредельным. Пользуясь полным доверием царя и поддержкой сестры-царицы, он все ближе подходил к московскому трону. Он был поочередно царским

³ Рукопись, датируемая 1594 г., носит название: «Месяца июля в 8 день. Повесть и чудеса Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея явления образа, иже в Казани. Списано смиренным Ермогеном, митрополитом Казанским».

⁴ Полагают, что это могло произойти в московском Чудовом монастыре.

⁵ Роман Владимирович, князь Углицкий (годы правления: 1261–1285), согласно преданию, своими страстными молитвами спас Углич от татарского разорения. После кончины был погребен в церкви Преображения. Его нетленные мощи были обреты в 1486 г. при строительстве нового храма. После того как в 1595 г. над мощами свершилось несколько чудес, Роман Углицкий был причислен к лику святых. Память празднуется 3/16 февраля.

⁶ Типография находилась в Казани до 1620 г., когда ее оборудование было перевезено на московский Печатный двор.

⁷ Единственная дочь Федора Ивановича и его супруги, царицы Ирины Годуновой, — царевна Феодосия родилась 29 мая 1592 г. и умерла в младенчестве не позднее 1594 г. В народе ходили слухи, что на самом деле у Федора родился сын, но Борис Годунов подменил его девочкой, взятой у незнатных родителей. Благодаря этому во время Смуты появилось много самозванцев, выдававших себя за сына царя Федора Ивановича.

«конюшим», «ближним великим боярином», «наместником царств Казанского и Астраханского», пока наконец не добился титула «князь-правитель», сделавшись фактическим соправителем Федора. Годунов окружался царственным почетом и принимал у себя во дворце иноземных послов. А однажды, как гласит предание, стоя за спиной у сидящего на троне царя, он как бы невзначай овладел «государевым яблоком» (то есть «державой» — вторым атрибутом царской власти наряду со скипетром).

После смерти Федора Ивановича бояре присягнули царице Ирине, но та спустя девять дней постриглась в монахини. Вот тогда на первый план и выступил князь-правитель Борис Годунов. Он удалился к сестре в Новодевичий монастырь, будто бы сторонясь всего мирского. Но толпы народа стекались под окна царицы-монахини бить ей челом, прося брата на царство. Народные вопли и рыдания не стихали несколько дней. Когда царица подходила к окну, народ с диким воем падал ниц, устилая живым ковром монастырский двор. От натужного вопля, говорит летописец, багровели лица и расседались утробы кричавших, невозможно было находиться рядом, не зажав ушей. Наконец царица Ирина, тронутая зрелищем народной преданности, благословила брата на царство.

Святитель Гермоген в эти дни был в Москве. Он участвовал во всенародном молении у стен Новодевичьего монастыря и присутствовал на собравшемся в столице Земском соборе, который в феврале 1598 г. избрал Бориса Годунова государем всея Руси.

Венчание Бориса на царство состоялось 1 сентября. В церкви Борис громко сказал Патриарху Иову⁸ поразившие всех слова: «Бог свидетель, отче, в моем царстве не будет нищих и бедных». Затем, дернув ворот парчовой рубахи, он добавил: «И эту последнюю разделю со всеми!»

И действительно, царствование Бориса открылось невиданными щедротами и милостями. Главное внимание государя обращено

было на устройство внутреннего порядка в государстве, на «исправление всех нужных царству вещей», по словам современника Авраамия Палицына. Крестьяне были освобождены на один год от уплаты податей, а инородцы — от ясачного платежа. Купцы получили право беспошлинной торговли сроком на два года. Служилым людям выдали разом годовое жалованье. Закрылись кабаки, где народ пропивался до исподнего, сидевшие в тюрьмах вышли на свободу, опальные получили прощение, казни прекратились совсем, вдовы, сироты и нищие получили вспоможение. Царь укреплял старые города и строил новые — Цивильск, Уржум, Царево-Кокшайск, Саратов, Царицын. Столицу же он, по выражению Патриарха Иова, украшал, «как невесту». Даже недоброжелатели Бориса отмечали, что он «всем любезен бысть» и что в первую половину его царствования Россия цвела всеми благами.

В личности Бориса современники находили много превосходных качеств, хотя и отмечали с удивлением, что это был первый в России «бескнижный» государь, то есть не владеющий грамотой. Однако неграмотный Борис испытывал истинную тягу к просвещению и науке. Своему сыну Федору он дал блестящее образование, которое позволило ему составить первую карту Российского государства. Именно Борис направил в заграничное обучение первую дюжину русских студентов.

С казанским святителем у нового царя особой близости не возникло. Сам Гермоген писал, что многие в епархии тогда «укоряли» его — по всей видимости, на митрополита посылались в столицу жалобы. Возможно, вследствие этого в 1602 г. из Казанской епархии была выделена Астраханская епископия.

Тогда же проявились первые предвестия надвигающейся Смуты — трехлетний голод и моровое поветрие. Царь Борис старался расположить народ к себе добрыми делами: кормил неимущих, давал работу безработным. Но бояре, не простившие Борису незнатного происхождения, подстрекали народ к мятежу.

⁸ Патриарх Иов (в миру Иван; ок. 1525–1607) — первый Патриарх Московский и всея Руси (1589–1605). Канонизирован Русской Церковью в 1989 г. в лике святителей. Память его совершается 5/18 апреля и 19 июня/2 июля.

В довершение бед в Польше объявился первый самозванец, который принял на себя имя царевича Димитрия, погибшего 15 мая 1591 г. Кто был этот человек, доподлинно неизвестно — власти объявили его беглым монахом-расстригой Григорием Отрепьевым. Сам же он называл себя сыном Ивана Грозного и утверждал, что в Угличе зарезали подставного младенца, а его — истинного царевича — скрыли от подосланных Годуновым убийц и спасли.

В Польше самозванец поначалу поступил в «оршак» (придворную челядь) князя Адама Вишневецкого. По слухам, однажды он открыл князю свою тайну, предъявив некие доказательства своего высокого происхождения — настолько веские, что Вишневецкий (потомственный Рюрикович) поверил ему и окружил царским почетом. Вскоре Дмитрий познакомился с Мариной, дочерью польского пана Юрия Мнишека, и безоглядно влюбился в нее. В конце августа 1604 г. Лжедмитрий выступил в свой фантастический поход. Польский сейм не согласился предоставить в его распоряжение войска Речи Посполитой, но с молчаливого согласия короля Сигизмунда III к самозванцу примкнули две тысячи польских шляхтичей, да еще в его стан перекочевало тысяч пять запорожских и донских казаков.

С этими незначительными силами самозванец добился головокружительных успехов. Города на его пути открывали перед ним ворота без единого выстрела. Войско Лжедмитрия росло как на дрожжах и одерживало над царскими воеводами одну победу за другой. Однако в зимнем сражении под Добрыничами подоспевшая 70-тысячная московская рать нанесла Лжедмитрию полное поражение. Под ним самим была убита лошадь, он пересел на другую, которая тоже была ранена, но все-таки вынесла своего седока из боя. Казалось, все было кончено, но 13 апреля 1605 г. скоропостижно скончался Борис Годунов. Узнав об этом, огромное московское войско в одночасье растаяло как дым: большая часть перекинулась к Лжедмитрию, другие разбежались. Путь на Москву был открыт.

20 июня Лжедмитрий торжественно въехал в столицу. За несколько дней до этого толпа

его сторонников разгромила дворец Бориса, зверски убив его сына Федора. Вместе со всей страной «законного царя Дмитрия Ивановича» приняла и Церковь, за исключением Патриарха Иова, непреклонно осуждавшего самозванца. За это он был объявлен низложенным. Формальным основанием лишения сана было желание самого Иова: еще в последние дни царствования Годунова слепнувший Патриарх написал грамоту о своем отречении и выразил желание провести остаток дней в уединении и смирении. Иов подчинился решению нового царя. В Успенском соборе он принародно снял с себя панагию и, подойдя к иконе Владимирской Богоматери, сказал:

— Здесь, пред сим святым образом, я был удостоен сана архиерейского и девятнадцать лет хранил целость церкви и чистоту веры. Ныне вижу, что грехов наших ради наступает время торжества обмана и ереси. Мы, грешные, молим: Матерь Божия, утверди православную веру непоколебимо!

На глазах у всех его облачили в простую монашескую одежду и отвезли в Старицкий Богородицкий монастырь, который он сам выбрал местом своего пребывания. Вместо Иова Русскую Церковь возглавил архиепископ рязанский Игнатий, родом грек, носивший на родине сан епископа Эриссонского. Приехав по примеру многих греческих иерархов в Россию при царе Федоре Ивановиче, он получил от Бориса рязанскую епархию. Игнатий первым среди русских архиереев признал самозванца истинным царевичем Димитрием, за что и получил от него патриаршество.

Чтобы заставить паству забыть о своем нерусском происхождении, Игнатий старался выглядеть «ультраправославным». В сентябре 1605 г. в Москву приехал князь Адам Вишневецкий, чтобы поздравить Дмитрия с восшествием на престол. В его свите находилось много православных священников, которые смело вошли вместе с князем в церковь. Однако их остановили у дверей и указали, что вся их повадка — латинская: на головах у них нет скуфей и сопровождают их польские певчие. Игнатий предал отступников анафеме; кое-кто даже угодил в тюрьму. Только заступничество Адама Вишневецкого спасло «еретиков», простодушно считавших себя в Литве поборниками православия. Многим

из них спустя несколько лет довелось увидеть Игнатия в Польше, примкнувшим к уни и получающим пенсию от Сигизмунда.

Находившийся вдалеке от Москвы Гермоген, вместе со всеми остальными иерархами Русской Церкви, признал Лжедмитрия законным государем. Но прозрение наступило быстро.

Новый царь окружил себя поляками, не ходил к церковным службам, не соблюдал постов, обнаруживал пренебрежение к русским обычаям. Он был религиозно равнодушным человеком, смотревшим на вопросы веры с точки зрения политики. Однако Лжедмитрий отлично понимал, что он царствует в православном государстве. Вот почему сразу же после своего воцарения он, не порывая видимым образом с иезуитами, стал оказывать покровительство Православной Церкви. Он ни в чем не посягнул на права иерархов. На торжественных приемах царь всегда появлялся в их окружении, в сенате (преобразованной государевой Думе) им были отведены первые места. Церковные и монастырские имущества пополнились новыми пожалованиями. За границей Дмитрий вообще слыл горячим защитником православия. Львовское православное братство, собиравшееся возвести церковь, обратилось к нему за денежной помощью и получило ее; иерусалимский Патриарх Софроний просил царя оплатить долги его Патриархии турецким ростовщикам. Один польский автор-современник сетовал: «Дмитрий много изменился и не был уже похож на того Дмитрия, который был в Польше. О вере и религии католической (вопреки столь многим обещаниям) он мало думал. О Папе, которому, по словам посланных из Польши писем, он посвятил себя и своих подданных, теперь он говорил без уважения и даже с презрением».

Тем не менее, вскоре у него возник конфликт со святителем Гермогеном, который, как и другие архиереи, был включен самозванцем в состав сената. Свое новое положение Казанский Митрополит воспринял как призвание Божие потрудиться на благо Православия.

Спорное дело касалось женитьбы самозванца.

Осенью 1605 г. Лжедмитрий отправил в Польшу большое посольство — дьяка Афанасия Власьева с 40 дворянами и 300 человек прислуги. Власьев должен был представлять собой особу царя при обручении с Мариной Мнишек. Торжественная церемония состоялась 12 ноября в Кракове, в доме сановника Фирлея.

В мае 1606 г. Марина приехала в Москву. Католическое духовенство возлагало на ее брак с Лжедмитрием большие надежды. Папа римский Павел V счел необходимым лично напомнить Марине ее обязанности: «Мы от твоего супружества ожидаем великой пользы для католической церкви... Ты должна стараться всеми силами, чтобы богослужение католической религии и учение святой апостольской римской церкви были приняты вашими подданными в вашем государстве и водворены прочно и незыблемо. Это твое первое и главнейшее дело».

По канонам католической церкви брак Дмитрия и Марины в сущности был уже заключен, так как Тридентский собор⁹ признает обмен обещаниями основой брачного договора. Кардинал Мацеиовский, обручивший дочь Сандомирского воеводы с самозванцем, так и сообщил Папе, «что он освятил согласно торжественному обряду церкви брак Марины с Дмитрием». 14 января 1606 г. Павел V, в свою очередь, утвердил благословение кардинала, данное молодым супругам. Вместе с тем в Риме ничего не имели против повторного бракосочетания по православному обряду, если Марину не будут заставлять причащаться из рук Патриарха.

Но для московского духовенства все, что произошло в доме Фирлея, не имело никакого значения, поскольку, согласно правилам Православной Церкви, обряд обручения должен быть совершен непосредственно над женихом и невестой, а не над представителем одной из сторон. В глазах всех русских людей

⁹ Тридентский (Триентский) собор, который католики называют вселенским, несмотря на то, что в заседаниях его не принимали участия представители других христианских исповеданий, заседал в 1545–1547, 1551–1552, 1562–1563 гг. в Триенте (нем. Trient, лат. Tridentum, современный Тренто), а в 1547–1549 гг. — в Болонье. Сыграл видную роль в возрождении католической церкви после Реформации.

истинный царский брак мог совершиться только в Москве.

Не желая раздражать подданных, Лжедмитрий заранее задал православным архиереям два вопроса: «Может ли царь московский заключить брак с полькой-католичкой?» и «если различие вероисповеданий недопустимо, то какое свидетельство своего православия должна дать невеста?»

Духовенство было единодушно в том мнении, что московская царица не может оставаться католичкой. В тексте архиерейской присяги того времени содержались клятвы не допускать браков православных с католиками. Но учение Православной Церкви не содержало ясного ответа на второй вопрос, поэтому голоса иерархов разделились. Сторонники умеренности признавали достаточным миропомазания, хотя их взгляд и нес отпечаток сомнительной двойственности, так как коронация тоже требовала миропомазания, и таким образом один обряд миропомазания служил как бы сразу и царским посвящением и отречением от католичества.

Не так думал святитель Гермоген. Еще в 1598 г. он составил сборник чинов крещения мусульман, католиков и иных иноверцев. Согласно «Сборнику Гермогена», христиан иных конфессий и католиков в особенности следовало заново крестить, поскольку их «обливательное» (а не православное «погружательное») крещение истинным таинством не является. Поэтому Гермоген настаивал на том, что Марину следует заново окрестить по православному обряду.

— Не подобает православному царю брать некрещеную и вводить в святую церковь, — говорил святитель. — Не делай так, царь: никто из прежних царей так не делал, а ты хочешь сделать.

К его мнению присоединился и Коломенский архиепископ Иосиф. Но Лжедмитрий не согласился с их доводами. Он считал, что миропомазание позволит избежать скандала; русские и поляки вольны будут воспринимать обряд каждый по-своему: одни — как обращение в православие, другие — как царское посвящение. Поэтому он настоял на том, чтобы

коронация с обрядом миропомазания предшествовала бракосочетанию. Патриарх Игнатий безвольно смирился перед самозванцем: «Будь по твоей воле, государь».

Поскольку Гермоген и после этого продолжал стоять на своем, то самозванец приказал лишить его священного сана и отправить в заточение в Казань. Однако эта кара не успела обрушиться на голову святителя, так как царствовать Лжедмитрию оставалось всего девять дней.

Восторженно приняв Лжедмитрия, москвичи быстро охладели к новому царю. Их раздражало явное пренебрежение Дмитрия к старомосковским обычаям и традициям. Но больше всего москвичи были недовольны присутствием в Москве нескольких тысяч поляков, которые вели себя как в завоеванном городе.

Брожением в народе решило воспользоваться родовитое боярство во главе со старейшим Рюриковичем — князем Василием Ивановичем Шуйским. Заговорщики привлекли на свою сторону всех начальников московских полков, убедив их в том, что на престоле сидит самозванец, а не настоящий сын Ивана Грозного.

С первым лучом солнца 17 мая заговорщики ударили в набат. Рассвирепевшая толпа москвичей вломилась в царский дворец. Поиманного самозванца после зверских издевательств убили. Обезображенный труп его выбросили на Красную площадь, потом отвезли за Серпуховские ворота, разрубили на части, сожгли, зарядили останками пушку и выстрелили в сторону Литвы.

* * *

Через три дня после гибели самозванца бояре и московские люди собрались на Лобном месте у кремлевских стен и провозгласили царем князя Василия Ивановича Шуйского. Спеша примерить шапку Мономаха, Шуйский венчался на царство с благословения Митрополита Новгородского Исидора, который и совершил над ним миропомазание. А 3 июня 1606 г. в Москве открылся церковный Собор. Ставленник самозванца Игнатий был низложен, и на его место избран святитель Гермоген,

чей авторитет после его размолвки с самозванцем по вопросам веры был непререкаем. Посвящение Митрополита Казанского в Патриархи совершилось в Успенском соборе московского Кремля. В завершение торжественной церемонии Митрополит Исидор вручил Гермогену посох святителя Петра-чудотворца, а царь подарил новому Патриарху панагию, украшенную драгоценными камнями, белый клобук и посох.

Убийство самозванца и провозглашение царем Василия Шуйского не принесли успокоения Московскому государству. Едва святитель Гермоген занял патриархии палаты близ Успенского собора, как на южной окраине Русского государства поднялась новая волна Смуты.

Царь Василий Шуйский, избранный «государить» одной Москвой и венчанный на царство не Патриархом, а Митрополитом Исидором, не был той политической фигурой, которая могла бы сплотить вокруг себя все русское общество. Опиравшийся на поддержку нескольких княжеских родов, он не имел ни сил, ни возможностей для того, чтобы распространить свою власть на всю страну. Даже неродовитое боярство смотрело на него с неодобрением. Святитель Гермоген, по-видимому, тоже не слишком высоко ценил личные качества Шуйского; отношения между ними были весьма натянутыми. По сообщению автора Хронографа, с царем Василием новый Патриарх беседовал «строптивно, а не благолепно». Но Шуйский все же олицетворял законную власть, поэтому, вступив на кафедру Московских Патриархов, святитель Гермоген стал оказывать всемерную поддержку правительству царя Василия.

Убить Лжедмитрия было нетрудно. Сложнее оказалось истребить память о нем. Уже через несколько дней после смерти самозванца по Москве пошел гулять слух, что человек, назвавшийся царем Дмитрием, сумел избежать гибели и бежал из Москвы, а вместо него убили кого-то другого.

Затем путивльский воевода князь Григорий Шаховской — один из ближайших приверженцев убитого самозванца, бежавший в Черниговскую землю, — распространил

слух о спасении Дмитрия и даже о пребывании государя инкогнито среди лиц его свиты. Шаховской рассылал указы, прикладывая к ним похищенную царскую печать, и призывал всех к мятежу против «боярского царя» Василия Шуйского. Под влиянием этих грамот поднялась вся Северская земля. Позднее именно Шаховского называли «главным заводчиком всей крови». Однако он действовал не один.

В Комарницкой волости недовольные правлением Шуйского объединились вокруг загадочной личности Ивана Исаевича Болотникова, рассказывавшего о себе много чудесного. Он будто бы еще в детстве был взят в плен татарами, продан туркам на галеры, освобожден венецианцами, некоторое время жил в Венеции, а потом вернулся в отечество постоять за законного государя Дмитрия Ивановича. Достоверно известно только то, что по происхождению Болотников был крестьянин, а затем некоторое время состоял в холопах у князя Телятевского. В остальном приходится положиться на его слова. Как и положено холопу знатного вельможи, Болотников был хитрецом и мошенником. Никогда не выдав Дмитрия, он не моргнув глазом распространялся о своей встрече с ним уже после воцарения Шуйского уверяя, что спасенный царь назначил его своим главным воеводой.

Зажигательные грамоты Болотникова подпалили Московское государство уже со всех концов. Вслед за Северщиной поднялись Калуга, Можайск, Орел, Тула, Рязань, Владимир, Пермь, Астрахань. Всюду поднимали чаши за здоровье Дмитрия и служили молебны о его вторичном чудесном спасении. Церковные власти были бессильны что-либо изменить, а порой и сами выступали в поддержку мятежников. Во всей стране один-единственный из епархиальных архиереев — архиепископ Феокист — сумел подвигнуть жителей Твери стоять за крестное целование царю Василию. Да несколькими месяцами позже митрополит Казанский Ефрем своей властью и авторитетом утишил восстание в Свияжске, отлучив от Церкви дворян и горожан, преступивших крестное целование Шуйскому и заставив их просить царя о прощении.

В это время возвысил свой голос против зачинщиков смуты Патриарх Гермоген. Сначала для увещания мятежников он отправил Крутицкого митрополита Пафнутия. А когда это не помогло, разослал по городам грамоты. В них Первосвященитель писал, что изменники распускают слухи, будто бы Дмитрий жив. Патриарх опровергал эти слухи и убеждал народ быть верным царю Василию Ивановичу. Выступающие от имени самозванца, утверждал Гермоген, «отступили от Бога и от православной веры» и несут государству «конечную беду, и срам, и погибель». Патриаршие грамоты возымели действие: многие из восставших ушли от разбойника на царскую службу.

Патриарх оказывал царю и денежную помощь на нужды войска. Царь неоднократно брал огромные безвозвратные займы у монастырей, включая знаменитые Иосифо-Волоколамский и Троице-Сергиев (так что келарь последнего Авраамий Палицын писал «о последнем грабежу в монастыре от царя Василия»).

Между тем в октябре 1606 г. войско Болотникова подошло к самой Москве, но правительственные полки под начальством царского племянника, доблестного князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, заставили мятежников отступить от столицы.

В дни осады Москвы болотниковскими «ворами» Патриарх Гермоген объявил шестидневный общенародный пост с непрерывной молитвой о законном царе и прекращении «междоусобной брани». После освобождения столицы, 20 февраля 1607 г., в Успенском соборе Кремля при большом стечении народа Первосвященитель совершил чин всенародно-го покаяния за совершенные в годы Смуты клятвопреступления. В Москву был приведен старый и уже совсем ослепший Патриарх Иов. К нему была обращена особая челобитная, зачитанная от имени всего православного народа. В этой грамоте русские люди просили у бывшего Патриарха прощения за все нарушения крестных целований, за свои измены прежним царям — Борису Годуну и его сыну Феодору, а также за служение «вору и расстриге» Лжедмитрию. Этот чин всенародного покаяния завершился чтением

в соборе «разрешительной» грамоты, написанной от имени обоих Патриархов. Прощение было преподано в том числе и самому царю Василию Шуйскому, целовавшему крест на верность самозванцу.

Тем временем Болотников заперся в Туле. Отсюда он взывал к полякам о помощи, обещая отдать им взамен все западные русские земли от Смоленска до Москвы. Однако ляхи так и не пришли. Патриарх Гермоген предал Болотникова и его единомышленников церковному проклятию, а царю посоветовал самому выступить с войском против злодеев. Трехмесячная осада довела защитников Тулы до полного истощения: в городе уже принялись ловить мышей и варить кожаные ремни и сапоги. Болотников не стал дожидаться голодной смерти. 10 октября 1607 г., выехав из Тулы в полном вооружении, он предстал перед Василием Шуйским и положил к царским ногам свою саблю. Царь обещал помиловать его, но нарушил слово. Конец Болотникова был ужасен: ему выкололи глаза, а затем утопили.

Успокоенный царь распустил войско и вернулся в Москву, где женился на молодой девице княжне Марье Петровне Буйносовой. Священитель Гермоген прозорливо умолял Шуйского обратить все усилия на восстановление государственного порядка, но царь не слушал его.

Последующие события подтвердили правоту Патриарха. Смута прочно укоренилась в головах русских людей. На окраинах Московского государства, как грибы после дождя, один за другим росли самозванные цари и царицы. В Астрахани объявился какой-то царевич Август, называвший себя сыном Ивана Грозного от его четвертой жены Анны Колтовской. Затем там же обнаружился царевич Лаврентий, якобы сын покойного старшего сына грозного царя, царевича Ивана, хотя у последнего никогда не было ребенка с таким именем. На Украине объявилось целых восемь сыновей другого сына Грозного, царя Федора Ивановича, чей единственный ребенок — царица Феодосия — умерла еще при его жизни. Впрочем, вся эта нечисть схлынула так же быстро, как и появилась.

На смену им в Северной земле, в Стародубе, объявился новый Лжедмитрий.

Прошлое этого самозванца, видимо, навсегда останется тайной, так как в распоряжении историков есть одни только противоречащие друг другу слухи. По одним известиям, он носил фамилию Богданов и был литвин, служивший у Дмитрия секретарем, бежавший после убийства царя в Могилев и изгнанный оттуда за покушение на честь жены приютившего его протопопа. По другим сведениям, он был некрещеный еврей, по третьим — крещеный (эти версии получили хождение после его бегства из Тушина, где якобы нашли Талмуд и разные рукописи на еврейском языке). Говорили также, что это сын князя Курбского; признавали в нем коренного Стародубского попovichа Матюшку Веревкина; или хохла, которого отыскал в Киеве какой-то поп Воробей; или одного из телохранителей первого самозванца — некоего чеха из Праги.

Как бы то ни было, очевидно, что самозванец был только орудием в руках поляков. Его внешность и манеры служили лишь жалкой пародией на человека, за которого он себя выдавал. Служившие у него поляки Мартин Стадницкий и Маскевич свидетельствуют, что эта темная личность была «грубых и дурных нравов» и даже внешне мало походила на покойного Лжедмитрия, в чьем внешнем облике и привычках современники отмечали врожденное благородство. Характерно, что Марина Мнишек, согласившись признать его спасенным Дмитрием, и, следовательно, своим супругом, тем не менее выговорила себе право жить от него отдельно.

Святитель Гермоген обратился к Шуйскому с требованием, возложив надежду на Бога, призвав в помощь Богородицу и московских угодников, немедля самому повести армию на врага. Но царь предпочел отсиживаться в Кремле, бросив страну на произвол судьбы.

В сентябре 1608 г. войско самозванца подошло к Москве и расположилось в Тушино, отчего второй самозванец и получил прозвание «тушинского вора». Сюда ежедневно прибывали новые отряды поляков и лихих людей со всех концов Московского государства. Осаждавшие и сами не знали, сколько их

было, но числом они уже едва ли не превосходили 100-тысячное население Москвы.

С наступлением зимы в Тушине начали тысячами возводиться дома, избы, землянки. Рядом с лагерьем вырос богатый посад, где жили и держали лавки с товарами три тысячи торговцев. Для лошадей отстроили загоны из хвороста и соломы. Возникло любопытное и едва ли не единственное в истории явление: город осаждал город.

Не решаясь взять Москву приступом, тушинцы осадили Троице-Сергиеву Лавру, где в монастырской ризнице хранились приношения благочестивых царей, князей, бояр и других богомольцев — богатая утварь, дорогие облачения, драгоценные камни и жемчуга. Богатства обители служили приманкой лихим людям.

23 сентября 1608 г. Троице-Сергиев монастырь осадило 15-тысячное польско-литовское войско во главе с панами Сапегой и Лисовским. Защитников монастыря, которых возглавляли присланные из Москвы воеводы Голохвастов и Долгоруков, было в пять раз меньше. Поляки презрительно называли небольшую монастырскую крепость «лукош-ком». Однако первые приступы под ее стены закончились обескураживающей неудачей.

Тогда захватчики решили подвести минный подкоп под одну из 12 крепостных башен монастыря — Пятницкую, охранявшую обитель с юго-западной стороны. Осажденные обнаружили место подкопа, когда он уже был почти готов и забит порохом. Предприняв смелую вылазку, отряд защитников крепости сумел пробиться к входу в подкоп. Два крестьянина монастырского села Клементьева Никон Шилов и Петр Слота, пожертвовав собой, взорвали заготовленный врагами порох. В это время другой отряд атаковал линию батарей и захватил все вражеские пушки.

Но впереди осажденных ждали суровая зима, голод и эпидемии, которые уносили больше жизней, чем стычки с врагом. Дочь Бориса Годунова, царевна Ксения, находившаяся в то время в монастыре, писала в столицу: «На всякий день хоронят мертвых человек по двадцать и больше; а которые люди ходят и те собою не владеют, все обезножили». Келарь

Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, автор знаменитого «Сказания об осаде», подсчитал, что в течение зимы погибло в боях и умерло «от осадной немощи» 2125 человек, не считая женщин и детей.

Не в лучшем положении были и москвичи. Поляки и тушинцы рыскали вокруг столицы, не пропуская в нее торговцев. В Москве наступила страшная дороговизна съестных припасов. Неудовольствие против Шуйского в народе росло. На масленице в субботу 17 февраля 1609 г. князь Роман Гагарин, боярин Григорий Сумбулов и дворянин Тимофей Грязной собрали толпу буянов, с которой ворвались в царский дворец, требуя от бояр «переменить» царя Василия. Бояре в страхе побежали из Кремля. Тогда мятежники нашли в соборе святителя Гермогена и вывели на Лобное место. На площади Патриарх спросил толпу, что ей нужно. Верховоды закричали:

— Шуйский тайно побивает и топит нашу братию, дворян и детей боярских, и жён, и детей их втайне истребляет, и таких побитых уже с две тысячи!..

Патриарх Гермоген строго взглянул на бунтовщиков и спокойно спросил их:

— Как же это могло статься, что мы ничего не знали? В какое время и кто именно погиб?

— Да вот и теперь повели топить! — кричали из толпы.

Патриарх укорил их во лжи и клевете. Тогда один из бунтовщиков выступил вперед и стал громко читать грамоту, сочиненную в Тушине, у вора. В ней говорилось, что «князя Василия Шуйского выбрали на царство одною Москвой, а иные города того не ведают, и князь Василий Шуйский нам на царстве не люб. Из-за него кровь льется и земля не умирается; надо бы нам выбрать на его место иного царя»

Патриарх на это ответил:

— До сих пор Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков и ни которые города не указывали, а указывала Москва всем городам. А государь царь и великий князь Василий Иванович избран и поставлен Богом и всем духовенством, московскими боярами и вами, дворянами, и всякими всех

чинов всеми православными христианами. Да из всех городов на его царском избрании и поставлении были в те поры люди многие. И крест ему, государю, целовала вся земля, чтобы ему, государю, добра хотеть, а лиха не мыслить. А вы, забыв крестное целование, немногими людьми восстали на царя, хотите его без вины с царства свести. А мир того не хочет, да и не ведает, и мы с вами в тот совет не пристанем же! И тот ваш совет — вражда на Бога и царству погибель... А что вы говорите, что из-за государя кровь льется и земля не умирится, — все то делается волей Божией. Своими живоносными устами сказал Господь: «Восстанет народ на народ, и царство на царство; и будет голод, мор и землетрясения», — все это в наше время исполнил Бог. Ныне иноземцев нашествие, и междоусобные брани, и кровопролитие Божиею волей совершается, а не царя нашего хотением!

После этих слов Патриарх вернулся в свои покои. Слова святителя оказали громадное влияние на толпу. Послышались крики:

— Смута против царя делается по наущению литовских людей! Изменники хотят сдать Москву тушинскому вору!

Бунтовщикам пришлось бежать из Москвы в Тушино.

Вслед им Патриарх послал грамоту, писанную, казалось, кровью сердца:

«Бывшим православным христианам, а теперь так и не называть вас не велю! Не доста-нет мне слов, душа болеет, болит сердце, вся внутренняя моя расторгается, все составы моя содрогаются. Плачу и с рыданием вопию: помилуйте, пощадите свои души и души родителей ваших! Остановитесь, вразумитесь и возвратитесь. Посмотрите, как Отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: на Бога, создавшего вас, на братьев своих, отечество свое разоряете!».

Взывая к чести служилых людей, Гермоген сообщал, что о бесславном мятеже он записал в патриаршей летописи: «Как бы вам не положить вечного порока и проклятья на себя и на детей ваших».

Но призывы его не нашли отклика в душах изменников, и святитель, видя паству глухой к его словам, замолчал почти на год.

Это время он посвятил трудам по исправлению церковно-богослужебных книг и устройству книгопечатания. По его благословию были изданы Евангелие, Минеи месячные за октябрь (1609), ноябрь (1610) и первые двадцать дней декабря, напечатан Большой Верховный Устав (1610). Патриарх лично наблюдал за исправностью текстов. С греческого языка была переведена служба апостолу Андрею Первозванному и учреждено празднование его памяти в Успенском соборе Кремля. Под наблюдением Предстоятеля в Москве было построено новое «превеликое» здание типографии (оно сгорело в 1611 г.)

Весь год, что тушинский вор продержал в осаде Москву, столица представляла собой безотрадное зрелище. Имя царя Василия Шуйского здесь ничего не значило. По выражению современника, им играли как ребенком. Шуйский то казнил изменников (бояр, впрочем, никогда не трогал), то объявлял, что москвичи могут служить, кому желают. Но бояре, воеводы, служилые люди и без его разрешения бегали в Тушино, целовали там крест Вору, а потом возвращались в Москву

за царевым жалованьем. Между тем польский король Сигизмунд осадил Смоленск, а шведский король Карл за смехотворную помощь против поляков получил от Шуйского в вечное владение Ижорскую землю — единственную полосу принадлежавшего России балтийского берега, которую спустя столетие придется отвоевывать Петру I.

Надежда на спасение блеснула в начале 1610 г., когда князь Скопин-Шуйский выступил из Новгородской земли в поход во главе большого ополчения. Уже через несколько недель он наголову разгромил шайки тушинского вора и освободил от польской осады Троице-Сергиеву лавру. Вор укрылся в Калуге с небольшим отрядом татар и верных ему москвичей.

12 марта 1610 г. Москва встретила победителя хлебом-солью и радостным колокольным звоном. Но всенародная слава молодого героя пришлась по душе не всем. И вот, 23 апреля, после одного из придворных пиров, Михаилу Васильевичу внезапно стало плохо, у него открылось кровотечение, и через две недели он скончался. В народе ходили упорные слухи, что молодого князя отравили.

Со смертью талантливого полководца Россия словно лишилась последней защиты.

Продолжение в следующем номере

Московская периодическая печать в 1917–1918 годы: проблема взаимодействия с новой властью

Е. А. Агеева*

Аннотация. В статье на основе периодических изданий, архивных документов и статистических материалов рассматривается развитие прессы в условиях революционных преобразований (1917–1918 гг.). Акцентируется внимание на вопросах управления периодической печатью, ее роли в становлении власти большевиков. Автором анализируются новые формы организации печатного дела, влияние профсоюза печатников на функционирование прессы, показана противоречивость мероприятий большевиков в становлении социалистической печати, особенности реализации декретов о печати в Москве.

Ключевые слова: свобода печати; оппозиционная пресса; материальные ресурсы печатного дела; национализация собственности; распределение материальных средств; государственная монополия на объявления; распространение печатной продукции; Союз работников печатного дела.

Средства массовой информации являются важнейшим фактором влияния на общественное развитие. Печатные СМИ со времени открытия И. Гутенберга были одним из главных информационных каналов влияния на общественное сознание. Октябрьская революция 1917 г. положила начало реализации радикальных идей управления экономикой — национализации производства, централизации управления и контроля в руках государственного аппарата, преобладания функций распределения и прямого товарообмена.

Революция с первых дней своего развития оказалась перед проблемой практического осуществления программных положений большевистской партии. Становление социалистических отношений усложнялось рядом факторов: политической нестабильностью,

распадом хозяйственных связей, топливным, транспортным, продовольственным кризисом, развалом производства, натурализацией экономики, инфляцией. Объективная необходимость экономической стабилизации, преодоления хаоса войны и разрухи совпала со стратегическими идеями большевиков по замене рыночных отношений плановым развитием народного хозяйства. Следовательно, главными должны были стать процессы обобществления производства и налаживание централизованного распределения продукции.

Периодическая печать России до Октябрьской революции развивалась в соответствии с общими закономерностями, свойственными развитию этой сферы в развитых странах. Основными были процессы создания издательских «империй», появление так называемых

* Агеева Елена Андреевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета. E-mail: Ageeva_Elena_Andreevna@mail.ru.

«газетных цепей», включавших в себя весь производственный цикл. Примером подобной монополии может служить «империя» А. С. Суворина, которого современники называли «Наполеоном издательского дела России». В его концерн «Новое время» помимо книжного издательства, редакций газет и журналов входили типография, оснащенная современной техникой, агентство по распространению печатной продукции, школа типографского дела. Суворин владел 30000 десятин леса и бумагопрядильной фабрикой, что давало возможность обеспечивать концерн бумагой. Он купил право продажи издаваемых им газет и книг на железных дорогах страны. Для тех, кто работал над газетой «Новое время», существовали определенные социальные гарантии: служащие типографии, магазина и конторы образовали в 1898 г. «Ссудно-сберегательное товарищество» и «Взаимно-вспомогательное товарищество», основным капиталом для которых был дан Сувориным.

После Февральской революции ускорился процесс дифференциации прессы и роста числа периодических изданий. Российская специфика состояла еще и в том, что в печатном деле в дореволюционной России государственное присутствие было незначительным. Эти факторы в дальнейшем замедлили и усложнили большевикам обобществление печатной индустрии и его регулирование. Тем не менее преобразования, начатые большевиками в 1917 г., коренным образом изменили систему прессы России, роль и место периодической печати в общественно-политической и экономической жизни страны.

За годы советской власти создана значительная литература, которая в целом отражала процесс становления и развития большевистской периодической печати. Советская историография газетной периодики революции, как и вся советская историческая наука, имела ярко выраженный идеологический оттенок. В работах подавляющего числа авторов присутствует общая схема: после разгрома буржуазной прессы — расцвет прессы

социалистической (работы Р. П. Овсепяна, Б. И. Есина, И. В. Кузнецова, А. З. Огорокова и других). Эти авторы создали и современную историографию проблемы, убрав положения о «классовом принципе руководства печатью», о «лживой и клеветнической деятельности меньшевиков и эсеров», о «неизбежности победы социализма» и другие дефиниции, которые присутствовали в их более ранних работах. Были написаны крупные монографии по вопросам функционирования прессы в годы революции и Гражданской войны с применением современных методов анализа. Например, работа Л. А. Молчанова «Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.)»¹. В научный оборот вовлечен, систематизирован и обобщен большой фактический материал по истории периодики. Однако не все проблемы развития прессы исследованы в полной мере. Очевидно, что требуется, например, монографическое исследование проблем взаимодействия Советской власти и периодической печати.

Автор данной работы ставит перед собой задачу анализа развития прессы 1917–1918 гг. и ее взаимодействие с новой властью. Ключевая проблема состоит в том, чтобы выяснить, как партия, не имеющая поддержки большинства населения, пыталась удержаться у власти, какие средства при этом использовались, какова роль прессы в этой ситуации. Вызывают научный интерес специфические условия положения «второй» столицы, практика решения проблем управления прессой в Москве, поиски новых форм организации печатного дела, влияние профсоюза печатников на функционирование прессы.

В качестве основного источника и одновременно объекта исследования использовались периодическая печать 1917–1918 гг, а также архивные фонды и статистические материалы.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России оказала значительное влияние на развитие прессы. Она принесла политический плюрализм, многопартийность, предоставила свободу печати. Закон

¹ См.: Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002.

27 апреля 1917 г. определял порядок учреждения изданий, упразднял должности особых цензоров, учреждал книжную палату как орган регистрации книжной продукции. Однако его главное значение было в другом: в условиях революции Закон о печати способствовал удовлетворению огромного спроса народных масс, особенно городского населения, на все виды печатной продукции, в том числе на регулярно выходящую периодику.

Пункт о свободе печати был в программах всех политических партий, от кадетов до социал-демократов. Очевидно, что этот шаг Временного правительства был неизбежен и исторически предопределен. Проблема, однако, заключалась в другом. Способствовала ли политическая и экономическая ситуация в России проведению его в жизнь?

Империалистическая война вызвала общий кризис промышленности, бумажного и полиграфического производства. Даже наиболее крупные издательские фирмы Сытина, Коновалова, Брокгауза и Эфрона, Вольфа, Суворина, братьев Салаевых хотя и продолжали свою деятельность, но испытывали большие материальные затруднения. В главном издательском центре страны — Петрограде из 350 типографий осталось 120, число рабочих сократилось с 32 тыс. до 15,4 тыс., в Москве из 300 типографий осталось 145, число рабочих в них уменьшилось вдвое: с 24 тыс. до 12 тыс.²

Кризисное положение периодической печати в 1917 г. было очевидным для широких кругов русской общественности. Озабоченность судьбой печати выразило Русское библиографическое общество, которое существовало с 1889 по 1930 г. и наряду с Французским библиографическим обществом было одной из первых в мире организаций библиографов и книговедов³.

Русское библиографическое общество обратилось к Временному правительству с просьбой оказать содействие в осуществлении следующих мер.

1. Немедленно широко оповестить все население России о том, что для открытия типографий и всяких печатных заведений на дому не требуется никаких разрешений.

2. Принять меры к отмене всех ограничений, которые ставятся свободному проникновению из-за границы принадлежностей печатного дела.

3. Ввести в возможно большем числе учебных заведений обучение набору и печатному делу⁴.

Понятно, что осуществление такой либеральной программы вывода полиграфической промышленности из кризиса не могло привести к серьезному изменению положения на рынке печатной продукции.

Лидеры левых сил были настроены и действовали гораздо более радикально. Весной 1917 г. они создали объединение, целью которого было решение проблем управления, снабжения и финансирования печати. В Бюро социалистической печати вошли редакторы газет «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Правда», «Дело народа», «Земля и воля», «Новая жизнь», «Голос народа», «Солдатская правда», «Еврейская рабочая хроника».

Одной из острейших проблем, стоящих перед Бюро, являлась нехватка материально-технических средств, в частности бумаги. Московские большевики в «Социал-демократе» от 12 апреля 1917 г. сформулировали конкретное требование равномерного распределения бумаги между всеми газетами для более полной реализации принципа свободы печати. Этот и другие факты могут означать, что идея

² Назаров А. И. Октябрь и книга (1917–1923). М.: Наука, 1968. С. 25–26.

³ Одним из направлений деятельности РБО было исследование и распространение сведений о русской периодической печати. Был составлен проект устава «Общества деятелей периодической печати» (впоследствии — «Общество деятелей периодической печати и литературы»), создана комиссия по вопросам организации всероссийского юбилея 200-летия русской периодической печати, существовавшая в 1901–1902 гг. После Февральской революции, когда прекратилась государственная регистрация произведений печати, возникла комиссия по регистрации текущей литературы, единственная до октября 1917 г. Инициатором и председателем комиссии, просуществовавшей с 29 апреля 1917 по 12 мая 1918 г., являлся Б. С. Боднарский, в ней работали только члены РБО. Осуществляя большую часть своих изданий в типографии «Товарищества Рябушинских», руководители общества, несомненно, были знакомы с трудностями издательского дела.

⁴ См.: Библиографические известия, 1917. № 1–2.

насильственного решения проблемы обеспечения материально-техническими средствами и централизованного распределения родилась у вождей социал-демократии сразу после Февральской революции.

Однако наблюдались и тенденции иного содержания. Сохранился заверенный нотариусом договор от 15 апреля 1917 г., по которому Е. Д. Стасова, А. Е. Бадаев, И. А. Теодорович, В. И. Ульянов, И. Джугашвили, Е. А. Радомысльский, П. И. Стучка, К. М. Шведчиков учреждали в Петрограде товарищество «Рабочая печать» для выпуска периодической и непериодической печати в России. Уставной капитал товарищества составлял 200 тыс. руб.⁵ Это свидетельствует о попытке большевиков решить проблемы, связанные с выпуском периодических изданий, легальными средствами.

События 3–4 июля и корниловский мятеж 1917 г. изменили позицию большевиков в вопросах печати. В середине сентября 1917 г., когда большевики перешли к подготовке вооруженного захвата власти, В. И. Ленин как одну из задач революции выдвинул закрытие буржуазных газет, конфискацию их типографий и запасов бумаги, введение государственной монополии на печатание платных объявлений.

Как известно, после прихода к власти большевики закрыли в Петрограде большинство оппозиционных изданий на основании «Декрета о печати» от 27 октября (9 ноября) 1917 г. О его реализации написано много работ, содержание которых вполне однозначно: подчеркивается классовый подход большевиков к проблеме свободы печати, антидемократизм их действий, радикализм стратегии новой власти и т. д. Но в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича сохранились свидетельства о рациональном и осторожном подходе В. И. Ленина к проблеме буржуазных газет при новой власти. Была сформулирована «идея клапанов», «через которые будет выходить то совершенно естественное негодование буржуазных слоев, столь сильно

ограниченных Октябрьской революцией»⁶. Можно утверждать, что эта идея широко используется современными СМИ, особенно когда речь идет о социально-экономической проблематике.

Вторая столица России — Москва показала значительное своеобразие процессов развития прессы в начальной фазе революции. Москва после Петрограда была самым крупным издательским центром. По имеющимся данным, накануне октября 1917 г. здесь выходило 367 периодических изданий: 96 газет и 271 журнал, годовой тираж которых превышал 450 млн экземпляров. Такие газеты, как «Раннее утро», «Утро России», «Заря России», «День», имели тираж, превышавший 100 тыс. экземпляров каждая. Газета «Новая жизнь» расходилась тиражом в 150 тыс. экземпляров, самая крупная из буржуазных московских газет «Русское слово» печаталась тиражом 350 тыс. экземпляров⁷. В 1918 г., согласно статистическим данным, в Москве издавалось уже 409 периодических изданий. Это означало, что росло число зарегистрированных изданий, но не распространенность периодической печати, так как регистрировались органы, которые по определению не могли иметь широкого круга читателей, например, «Революционный эсперантист».

В первые дни после прихода к власти большевиков в Москве выходили все буржуазные газеты. Они внушали обывателю, что восстание не более чем бунт против республики, который будет скоро подавлен в Петрограде, а до Москвы вообще не дойдет. При этом на первых полосах рекламировались товары, давались объявления о выступлении цирка, общались рецепты блюд, то есть создавалась иллюзия старой, мирной московской жизни. Так продолжалось до начала восстания в Москве. В дни боев буржуазные газеты не выходили, распространялась только меньшевистская газета «Вперед», в каждом номере писавшая об «авантюре, затеянной большевиками».

⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 4.

⁶ Бонч-Бруевич В. Д. Конец буржуазной печати // Журналист, 1927. № 11. С. 8.

⁷ Лебедев Д. А. Шесть лет Московской печати. 1917–1923. М., 1924. С. 11.

К первым дням революции относится начало дискуссии в Московском военно-революционном комитете (МВРК) по вопросу об отношении к буржуазной прессе. А. Я. Аросев, член МВРК, вспоминал, что мнения разделились. «Одни говорили, что позволять буржуазии вести пропаганду и организовывать свои ряды вокруг печатных органов — бессмыслица. Другие возражали, аргументируя тем, что если мы остаемся на почве Учредительного собрания, то нельзя не допустить свободу пропаганды для всех. Победила та сторона, которая стояла за свободу выхода буржуазных газет»⁸.

6 ноября 1917 г. МВРК принял декрет о печати, согласно которому с 8 ноября 1917 г. в Москве разрешался беспрепятственный выход всех органов печати при условии оплаты рабочим и служащим «прогульного времени» с 28 октября по день открытия газеты. Правда, восстанавливая свободу печати, ВРК предупредил, что никакие воззвания, призывающие к восстанию против Советов, допущены не будут. Таким образом, в Москве сложилась противоречивая ситуация: центральные партийные органы выработали определенную политическую линию, закрыв согласно Декрету от 27 октября 1917 г. практически всю буржуазную прессу, а МВРК и Московский совет (МС) провели собственную линию. В Москве действовал собственный, московский декрет о печати, разрешавший выход всех газет. Здесь сложились такие условия, которые позволяли вести поиски собственных новых форм организации печатного дела.

Буржуазная, демократическая и «независимая» печать дала единую для оппозиционной прессы трактовку причин «измены московских большевиков торжественному обещанию Ленину». «Только единодушное осуждение всей демократией большевистской системы террора и насилия; осуждение, к которому присоединил свой голос московский союз печатников, заставил большевистскую власть отказаться от ленинской системы «свободы печати», — такова версия меньшевистской

«Вперед» и других оппозиционных газет⁹. Так или иначе, в революционной Москве существовал месячный опыт полной свободы печати. Позднее были периоды ограничения свободного выхода газет: с 8 ноября по 20 декабря 1917 г. в связи с восстанием Каледина, в марте 1918 г. — с подписанием Брестского мира, в июне 1918 г. — с мятежом белочехов. Но даже после переезда в Москву Совета Народных Комиссаров (СНК) в марте 1918 г. и принятия соответствующего постановления оппозиционная пресса в Москве продолжала существовать. Было закрыто на короткий срок несколько так называемых «бульварных листков», например, «Вечернего курьера». В целом весной 1918 г. в Москве сохранились довольно широкие легальные возможности для оппозиционной прессы: выходили «Вперед» (меньшевистская), «Земля и воля» (правоэсеровская), «Анархия», «Жизнь», «Четвертый час» (независимые) и др. Отдельные печатные органы, например, «Всегда вперед», просуществовали до 1919 г. Только после левозсеровского мятежа Московским Советом были приняты более действенные меры: удостоверения о регистрации повременных изданий, выданные до 6 июля 1918 г., объявлялись недействительными, многие издания закрывались.

Огромное влияние на положение московской периодической печати оказывали материально-технические проблемы в полиграфическом производстве. Одной из наиболее острых для новой власти была проблема организации печатного производства. Ни «Известия», ни «Социал-демократ» не имели собственной типографии. «Известия» из типографии «Русского слова» пришлось перевести в небольшую типографию акционерного общества «Московское издательство», мощность которого составляла максимум 40 тыс. экземпляров. В марте 1917 г. редакция «Социал-демократа» выпустила обращение ко всем рабочим о сборе средств на покупку типографии. Сбор средств на партийную типографию в Москве проходил как большая политическая кампания. «Социал-демократ» регулярно

⁸ Аросев А. Я. Как закрывали буржуазные газеты // Красная нива, 1929. № 4. С. 8.

⁹ См.: *Вперед*, 1917. 9 нояб.; *Утро России*. 1917. 8 нояб.; *Новая жизнь*. 1917, 7 нояб.

печатал сведения, от каких комитетов поступили денежные средства. К октябрю было собрано 100 тыс. руб. Понятно, что эти добровольные взносы нельзя рассматривать как инвестирование в печатное дело. Собранные средства также не были заемными, так как направлялись в партийную кассу и подлежали распределению в соответствии с партийными нуждами. Приобрести собственную типографию большевики не смогли, но был увеличен формат «Социал-демократа», выпускались экстренные номера.

Проблема поиска финансовых ресурсов для организации печатного дела связана с доходностью печатного органа. Интересен в связи с этим опыт ценообразования в большевистской газете «Деревенская правда». Его особенности были доведены до читателя в первом номере. Газета издавалась на пожертвования, и издание одного номера обходилось в 9 коп. при тираже в 20 тыс. экземпляров и ежедневном выходе. Однако стоимость номера оценивалась в 12 коп. с учетом того, что четвертая часть тиража направлялась бесплатно на фронт и в деревню¹⁰. Таким образом, в этом опыте можно наблюдать соединение политики и экономики, реализации и распределения произведенной продукции.

«Декретом о печати» от 27 октября 1917 г. большевики помимо политических проблем решили и экономические. Наряду с закрытием оппозиционных изданий, советская власть стремилась подорвать материально-финансовую базу небольшевистских газет, так как последние имели в своем распоряжении хорошо оборудованные типографии, запасы бумаги и квалифицированные кадры. Это было их серьезным преимуществом. Было решено лишить небольшевистские газеты доходов, которые они получали от публикации частных объявлений. Декрет о введении государственной монополии на объявления от 7 (20) ноября 1917 г. был подписан В. И. Лениным и А. В. Луначарским. Незадолго до принятия данного декрета В. И. Ленин

поручил управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу подсчитать, какой доход дают объявления наиболее распространенных буржуазных газет «Речь», «День», «Русское слово». Бонч-Бруевич пришел к выводу, что объявления буржуазных газет являются по самому приблизительному расчету главным денежным рычагом и двигателем тех колоссальных тиражей, которые газеты имели в то время. В исторической литературе имеются цифры доходов от публикации объявлений, например, «Русского слова» — 2 млн руб., «Копейки» — 1 млн руб.¹¹

Декрет объявлял монополией государства печатание за плату объявлений в периодической печати. За напечатанные объявления издания, не имеющие на это прав, должны быть закрыты. Всем заведующим изданиями и предприятиями, помещающими объявления за плату, и их служащим Декретом было предписано объединиться в городские, а затем и во всероссийский союз для организации приема и печатания объявлений. Декретом был предусмотрен порядок конфискации предприятий, занимающихся печатанием объявлений самостоятельно, и уплаты при необходимости компенсации их владельцам¹². Началась практическая борьба большевиков за доходы и решение финансовых проблем советских изданий.

Принятие данного декрета означало, что осенью 1917 г. большевики предполагали постепенный переход к новым общественно-экономическим отношениям в данной сфере: не уничтожение частной печати, а запрет на определенные виды деятельности, подчинение ее известному государственному руководству, введение полиграфического производства в русло «государственного социализма». «Остаются частные газеты как общее явление, остается экономическая политика, требующая частных объявлений, остается и порядок частной собственности», — писал В. И. Ленин¹³. Подобный подход в определенный исторический период может быть вынужденным,

¹⁰ См.: Деревенская правда, 1917. 4 (17) окт.

¹¹ Есин Б. И., Кузнецов И. В. Триста лет отечественной журналистики. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. С. 93.

¹² Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 55–56.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Политиздат. С. 200.

связанным с отсутствием необходимых административно-властных ресурсов.

Декрет о государственной монополии на объявления был оценен оппозиционной прессой как антидемократический и даже «безумный». Собрание представителей печатного дела постановило с этим декретом не считаться и даже в газетах, которые выходили без объявлений, их напечатать.

Именно так и было сделано. Все московские меньшевистские газеты продолжали печатать объявления; порядок конфискации этих изданий, предусмотренный декретом, так и остался на бумаге. «Власть народа» так объяснила читателям цели декрета: «поставить на усиленный подножный корм «Правду» и снабдить добавочным продовольствием ее сотрудников»¹⁴.

Были приведены и более серьезные, а главное, понятные простому читателю аргументы. Подчинение этому декрету увеличило бы еще больше число безработных (в Москве должны были бы закрыться 20 контор, принимавших объявления) и затруднило бы поиски работы отдельными категориями безработных, например, кухарка должна была бы сдавать объявление в газету рабочих и крестьян, которые прислугу не нанимают. Численность кухонной прислуги в 1918 г. в Москве по данным переписи 1918 г., составляла 13 130, а вместе с комнатной прислугой, нянями и другими категориями обслуживающего персонала — 50 119 человек. И это — значительная часть населения, если учесть, что все население Москвы на 1 февраля 1917 г. составляло 2 017 173 человека¹⁵.

Кроме того, частные предприятия, театры, другие социокультурные учреждения, давая рекламу, обращались бы в основном к пролетарским слоям населения, то есть принцип адресности и, следовательно, эффективности рекламы печатных изданий был бы серьезно нарушен.

И главный аргумент оппозиционной прессы, имевший политический характер, был

выдвинут в газете «Власть народа» 23 ноября 1917 г.: декрет, передав все объявления в том числе и предвыборные, в руки одной партии, ликвидировал бы свободу политической пропаганды. Ни «Правда», ни «Социал-демократ» достойных контраргументов меньшевистской прессе не нашли. Попыткой защитить декрет можно считать речь Троцкого, напечатанную в «Правде», в которой он назвал подобные доводы «мелкими и пошлыми предрассудками мещанской среды»¹⁶.

Обзор прессы за конец 1917 — начало 1918 г. показывает, что в Москве введения государственной монополии на объявления практически не произошло. Все газеты пестрели объявлениями, занимавшими целые полосы, например, вечерняя газета «Время», «Раннее утро», «Жизнь». Такса на объявления была обновлена, обнародована и зависела от количества строк и места напечатания. Самыми дешевыми были объявления «для лиц, ищущих труда». Видимо, с целью хотя бы как-нибудь упорядочить распространение объявлений в Москве комиссар по делам печати В. Н. Подбельский издал в январе 1918 г. приказ, по которому предприятия, печатающие объявления, за исключением театральных и цирковых, обязывались предоставлять их на предварительный просмотр в канцелярию по делам печати рабочих и солдатских депутатов. Очевидно, что даже при желании редакций газет выполнить этот приказ было невозможно, так как размещение объявлений требует оперативности и минимума издержек для печатного органа.

Интересна и поучительна реакция бизнеса на действия властей. Буржуазная московская «Утро России», имевшая сотысячный тираж, в декабре 1917 г. сообщила читателям, что Советская власть готовит новый декрет об объявлениях «вследствие практической неосуществимости первого декрета». Новый декрет, якобы, допускает печатание частных объявлений для всех периодических изданий, но с полученной от объявлений суммы должен будет

¹⁴ См.: Власть народа, 1917. 23 нояб.

¹⁵ Красная Москва, 1917–1920. Статистический сборник. М.: Гос. образцовая тип. (бывш. Т-ва И. Д. Сытина) 1920. С. 154, С. 51.

¹⁶ См.: Правда, 1917. 13 дек. (30 нояб.).

уплачиваться определенный процент в пользу местных властей. Можно предположить, что таким образом частная пресса предлагала замену монополизации дела печатания объявлений установлением налога в пользу Советской власти, то есть компромисс политический и экономический.

Предложение предпринимательских кругов было частично реализовано в Москве. По сообщению вечерней газеты «Четвертый час», в которой сотрудничали Аркадий Аверченко, Вера Ибнер, Алексей Толстой, комиссариат по делам печати временно разрешил печатать объявления, относящиеся к области театра, кинематографа, музыки, живописи в специальных органах печати. Объявления подлежали обложению налогом в пользу государства в размере 15 коп. со строки. Данный опыт можно рассматривать как попытку новой власти в начальной фазе революции решить проблему взаимоотношения с небольшевистской прессой экономическими мерами, сохраняя часть старых институтов периодической печати и альтернативные формы собственности.

Факты свидетельствуют, что декрет об объявлениях практически ничего не дал новой власти с точки зрения финансирования советской прессы. Зато ленинская идея отчуждения типографий и запасов бумаги была практически осуществлена.

28 января 1918 г. был принят Декрет о революционном трибунале печати (он просуществовал до 4 мая 1918 г., когда было отменено деление трибуналов по отраслям). Помимо политического значения и политических мер воздействия для нарушителей декретов о печати, трибунал печати мог применять и такие наказания, как денежный штраф, секвестр, реквизиция, конфискация в общенародную собственность типографий и материальных средств. Это означало, что большевики пытались параллельно решать две экономические задачи: задачу обобществления собственности и задачу накопления материальных ресурсов в новом, социалистическом секторе экономики, применяя различные меры: от «мягких» до репрессивных.

Ленин еще до революции обозначил, каким будет справедливое распределение средств:

пропорционально числу сторонников определенного политического института. На первое место Ленин поставил государство, на второе — крупные партии, собравшие сотню или две сотни голосов, на третье — мелкие партии или любую группу граждан, собравшую сколько-то подписей. Идея пропорционального распределения средств была подвергнута критике демократическими изданиями. Например, А. Серебров в газете «Новая жизнь» от 7 ноября 1917 г. писал, что если согласиться с этой идеей, то ни одно новое течение, ни одна партия не сможет иметь своего голоса по той простой причине, что в начале своей работы она, конечно, не будет иметь сколько-нибудь значительного числа сторонников. Но это — аргумент политический. С точки зрения решения проблемы материально-технического обеспечения производства ленинскую позицию можно трактовать как умеренное, постепенное обобществление собственности и перераспределение материальных средств в пользу государства. Трудно предположить, что на практике советская власть делилась с оппозицией конфискованным имуществом даже пропорционально числу сторонников. Это противоречило бы логике революционной борьбы в принципе. Однако следует отметить, что в отношении национализации полиграфической промышленности Советская власть придерживалась политики известной осторожности и осмотрительности.

В собственности известного предпринимателя И. Д. Сытина к сентябрю 1918 г. оставались три крупные типографии: две в Москве и одна в Петрограде. Существовало Правление товариществ печатания, издательства и книжной торговли И. Д. Сытина, которое на общем собрании пайщиков в марте 1918 г. рассмотрело план работы на 1918–1919 гг.

Тем не менее в отношении типографии газеты Сытина «Русское слово» в Москве был применен секвестр, то есть юридическое запрещение, налагаемое на пользование имуществом. Реквизиции или принудительному отчуждению имущества, принадлежащего частным лицам или организациям, с выплатой компенсации подверглись типографии газет «Новое время», «День», «Речь», «Русская воля». В них

стали печататься «Беднота», «Деревенская беднота» а в типографии Сытина — «Правда», «Известия рабочих и солдатских депутатов». По решению московского трибунала печати в апреле 1918 г. редактор «Утра России» был оштрафован за «распространение провокационных слухов» на 100 тыс. руб. Известно, что «Утро России» смогла продержаться до июля 1918 г., причем с довольно значительным тиражом в 100 тыс. экземпляров.

Следует отметить, что конфискациями занимались не только большевики, считавшие это дело законным и справедливым. В Москве группа членов партии анархистов объявила о конфискации ими типографии «Московский листок», где печаталась эсеровская «Земля и воля». И не только объявила, но и заняла ее, используя вооруженную силу. По этому поводу издатель и редактор В. Орлов направил письмо в МВРК с просьбой «выяснить экономические отношения в типографии»¹⁷.

Одной из важнейших экономических проблем печатного дела является организация распространения печатной продукции. У пришедшей к власти партии большевиков не было легального опыта этого дела. «Номер отпечатан — значит, дело сделано, — думаем мы. Газета отпечатана — значит, пора начинать работу, — думает американец, — писал Керженцев, заместитель главного редактора «Известий ВЦИК» в 1918 г. — В отношении распространения — мы дилетанты»¹⁸. Известно, что «Керженцев» — псевдоним П. М. Лебедева, видного большевика, находившегося в эмиграции с 1912 по 1918 г. в Париже, Лондоне, Нью-Йорке. В этот период он работал в различных газетах и журналах: «Правда», «День», «Киевская Мысль», «Летопись», а после возвращения в Россию — в газете «Новая жизнь». Керженцев написал руководство по изданию газет с обзором состояния европейского газетного дела¹⁹. Очевидно, что он имел возможность сравнить принципы функционирования периодической печати России и западных стран.

До октября 1917 г. в Москве действовала хорошо организованная сеть распространения печатного слова: контрагентства, железнодорожные киоски, хорошо налаженный транспорт, учет спроса на читательском рынке. Особенно эффективно дело распространения было поставлено в издательстве И. Д. Сытина, агентство которого имело связь со всей русской провинцией. Его услугами пользовались все газеты и журналы, издававшиеся в Москве.

После октября 1917 г. изменился сам принцип распространения газет. Если раньше они читались в основном теми, кто их покупал (только 1% газет поступал в читальни)²⁰, то после революции, по сути дела, произошел переход от распространения к централизованному распределению через Отдел распространения произведений печати и Военный отдел издательства ВЦИК. 26 ноября 1918 г. на базе этих учреждений было создано единое учреждение по снабжению и распространению периодики — Центропечать, которое возглавил Б. Ф. Малкин.

Однако, несмотря на централизацию, дело распространения печатной продукции оказалось непростым. Основной трудностью в распространении большевистских газет в Москве, по свидетельствам очевидцев, был их поздний выход. К 10–11 часам в продаже не было ни «Известий», ни «Правды»²¹. Рабочие просто не успевали прочитать газеты, так как их не было утром. Причину этого ненормального положения партийные органы видели не в плохой организации дела, а в саботаже сотрудников контрагентства ВЦИК и наборщиков типографии «Известий».

Между тем и после октября 1917 г. в Москве существовали «буржуазные» каналы распространения газет через газетные артели, которые работали успешно до лета 1918 г. Большевики пытались решить проблему административным путем: Моссовет уведомил владельцев киосков на железнодорожных вокзалах, что

¹⁷ ГАРФ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 3.

¹⁸ Правда, 1918. 6 окт.

¹⁹ См.: Керженцев В. Газета. М., 1919.

²⁰ Ингулов С. А. Партия и печать. М.: Работник просвещения, 1928. С. 119.

²¹ ЦАОПИМ. Ф. 3, Оп. 1, Ед. хр. 21, Л. 61.

к продаже допускаются только «Социал-демократ», «Известия», «Правда», «Деревенская правда», а также установил штрафы за бойкот арендаторами киосков большевистских изданий. Фактически в Москве в отдельные периоды запрещался не выход оппозиционных газет, а их продажа, что также относилось к финансовым санкциям и приводило к сокращению тиража. Правда, конкуренцию в распространении печатной продукции быстро уничтожить не удалось: сохранялась, например, и так называемое «Кооперативное Издательство», которое существовало при поддержке эсеровской «Власти народа». Оно предлагало доставлять все издания, кроме большевистских.

У советских органов по распространению печати была возможность прибегнуть к услугам «альтернативных» распространителей. В контрагентство ЦИК (ранее принадлежавшее И. В. Суворину) с предложением о сотрудничестве обратились представители профсоюза московских печатников, работавших как частные распространители, не состоявшие в артели. При предоставлении свободы действий профсоюз уверял, что будет «действовать на развитие тиража советских газет»²². Однако советская власть в Москве пошла по другому пути: 26 июня 1918 г. вступил в действие Декрет о национализации газетной торговли, по которому газеты для распространения должны были продаваться не артелям, как это практиковалось раньше, а учрежденной центральной организации по распространению прессы. Газета «Четвертый час» отмечала, что новая организация предложила газетам условия, которые для многих оказались неприемлемыми: понизила плату за экземпляр, установила неограниченный возврат непроданных экземпляров и другие условия и ограничения. Многие небольшевистские газеты с этого времени перестали выходить, например, «Свобода России», «Наше слово» и другие, так как стали убыточными. Таким образом, административные меры большевиков в печатном деле имели и политические, и экономические последствия,

причем экономические результаты оказались по большей части неудачными. «Какой стыд! — писал Е. Ярославский. — Национализировали лучшие типографии. Всю бумагу взяли в свои руки, весь транспорт, контрагентства. В типографиях, где буржуи выпускали более миллиона экземпляров газет, коммунисты едва успевают выпустить треть этого количества и выпустить поздно, небрежно!»²³

Кроме того, наметилась тревожная тенденция чрезмерной, явно непроизводительной траты материально-технических, людских и других ресурсов, например, в ведомственной печати. В Москве уже в 1918 г. она достигла значительных масштабов. Особенно вопиющие факты были приведены в «Правде» от 14 сентября 1918 г. о состоянии продовольственного дела в Москве и печатных органов этого ведомства. В условиях бедственного положения с продовольствием в Москве издавалось четыре продовольственных печатных органа, в которых было занято 6 тыс. человек. «Конечно, — пишет корреспондент, — против исследования в области продовольственного вопроса возражать не приходится, но вместо продовольствия мы получаем единственно литературу (если не макулатуру)».

Итак, можно констатировать, что хорошо налаженные до революции печатное производство и распространение периодики были почти полностью разрушены. Национализация, обобществление, централизация печатного дела устраняли здоровую конкуренцию, снижали общий уровень газет, лишали их экономических стимулов и создавали условия для нерационального расходования ресурсов.

Одной из сложнейших политических и экономических проблем в 1917–1918 гг. была проблема взаимоотношения революционной власти с рабочими-печатниками. В Москве, согласно переписи 1918 г., работало 7 849 рабочих-печатников и в списке важнейших профессий московского населения печатники занимали четвертую позицию после слесарей, портных и ткачей²⁴. Среднегодовой заработок

²² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 7.

²³ См.: Правда, 1918. 24 сент.

²⁴ См.: Красная Москва. С. 148.

рабочих, занятых в полиграфическом производстве, по России в 1917 г. составлял в бумажных рублях 2584 руб., в товарных — 384. По сравнению с заработками рабочих других специальностей это были высокие показатели²⁵. «Союз работников печатного дела», руководство которым принадлежало меньшевикам и эсерам, был той силой, которая активно влияла на обстановку в столице, отстаивая лозунг свободы печати и выступая за свободный выход всех газет. Уже в первые дни существования советской власти в газете «Вперед» от 4 ноября 1917 г. под рубрикой «За свободу печати» была напечатана резолюция собрания рабочих типографии Всесоюзного Земского Союза, в которой наряду с протестом против насилия властей сказано: «ВРК нанес оскорбление печатникам, так как не обратился при закрытии буржуазных газет в союз печатников». И это сложно считать простой декларацией, если, отвечая на вопрос, почему выходят контрреволюционные газеты, Ленин в июле 1918 г. как одну из причин назвал позицию профсоюза печатников.

В декабре 1917 г. в Петрограде состоялась вторая Всероссийская конференция Союза работников печати, представлявшая 79 тыс. рабочих. Большинство на съезде было меньшевистским, таков же был избран состав Правления Союза. Приняв резолюцию о свободе печати, руководство профсоюза открыто сопротивлялось проведению в жизнь декретов о печати. В Петрограде эта борьба завершилась победой большевиков, и в 1918 г. Правление было переизбрано.

В Москве влияние меньшевиков и эсеров в профсоюзе печатников было более заметным и вылилось в острую политическую борьбу. Одной из крупных акций печатников Москвы было объявление забастовки в ответ на санкции против самой крупной буржуазной газеты Москвы — «Русского слова», которой владел И. Д. Сытин. В типографии Сытина еще весной 1917 г. недолго печатались «Известия

Московского Совета рабочих депутатов». Большевистские власти сочли этот факт достаточным основанием для секвестирования²⁶ типографии с запасами бумаги и материалов с последующим закрытием «Русского слова» в ноябре 1917 г. В типографию Сытина перенесли печатание «Социал-демократа» и «Известий». Оппозиционная пресса начала кампанию в защиту «Русского слова», а рабочие-печатники прекратили работу и потребовали уплаты жалования как раз в тот момент, когда банки были закрыты. Власти Москвы объявили забастовку политической, что для рабочих типографии Сытина означало формальное и практическое исключение из числа безработных со всеми вытекающими отсюда последствиями материального характера. Однако под давлением профсоюза печатников фактически решение о закрытии газеты было отменено: разрешено было выпускать ее под другим названием — «Новое слово», затем «Наше слово», которое выходило до конца 1918 г. тиражом в 100 тыс. экземпляров. Забастовка рабочих типографии «Русского слова» была только началом серии конфликтов печатников с советской властью в Москве.

Сложнейшей как экономической, так и политической проблемой стал рост безработицы среди работников печати. Объективно после переезда в Москву правительственных учреждений для этого не было причин, так как работы для полиграфистов должно было прибавиться. Но на 20 марта 1918 г. в Москве было зарегистрировано свыше 1 500 безработных печатников, к лету их число увеличилось, а после закрытия небольшевистских газет рост безработных увеличивался²⁷. Власти Москвы через некоторые газеты обратились к печатникам с предложением: в целях уменьшения безработицы и конкуренции переселиться хотя бы временно на жительство в деревню. В «Известиях» от 3 мая 1918 г. была опубликована программа борьбы с безработицей среди печатников. Содержание проекта сводилось к созданию центрального органа, который ведал бы всеми

²⁵ Струмилин С. Г. Зарплата и производительность труда в русской промышленности в 1913–1922 гг. М.: Вопросы труда и энергетики, 1923. С. 33.

²⁶ Секвестр — запрет или ограничение, устанавливаемые органами государственной власти на использование или распоряжение каким-либо имуществом.

²⁷ Назаров А. И. Октябрь и книга. М.: Наука, 1968. С. 67.

заказами и равномерно их распределял между типографиями. Впоследствии предполагалась полная национализация всех типографий. Это был план, претворенный большевиками в жизнь, то есть реализована классическая схема строительства основ плано-распределительной экономической системы.

Как же оценивали свое положение и что предлагали сами рабочие-печатники? Следует отметить, что профсоюз работников печати был довольно состоятельной организацией, например, только одна забастовка за «второй уравнильный тариф» в 1917 г. обошлась союзу в 1 900 руб. и закончилась подписанием тарифного соглашения. Кроме того, весной 1918 г. в Москве активно действовал комитет защиты печати, созданный еще в ноябре 1917 г., который одну из задач своей деятельности видел в выдаче пособий для пострадавших в борьбе за свободу печати. В марте 1918 г. комитет ассигновал из своих средств 1000 руб. для внесения штрафа, наложенного революционным трибуналом на редактора газеты «Труд» О. С. Минора²⁸.

В отличие от петроградского союза московские печатники имели свои печатные органы «Печатник» (тираж в 1918 г. 6 тыс. экземпляров) и «Газета Печатников» (тираж 10 тыс.), а также средства для издания других печатных органов. С целью оказания помощи безработным печатникам союз решил издавать две газеты — «Вечер Москвы» и «Утро Москвы», в которых должны были работать только безработные журналисты и рабочие²⁹. Весь чистый доход предполагалось направлять в фонд помощи безработным печатникам. Газеты просуществовали несколько месяцев и были закрыты по решению советских властей.

Открытие специальных газет и создание материальных фондов помощи безработным не были главными в деятельности союза работников печатного дела. Рабочие пытались навести порядок в типографиях, улучшить организацию работы с привлечением прежних владельцев к управлению. Рабочий-печатник бывшей

типографии И. Д. Сытина Склифовский даже написал по этому поводу письмо Ленину. В нем было высказано предложение привлечь Сытина к работе в качестве заведующего типографией, учитывая его огромные организаторские возможности. Есть свидетельства, что А. В. Луначарский вообще считал, что типографию «Русского слова» следовало вернуть Сытину и разрешить свободный выход его газеты³⁰. Типография осталась в ведении Моссовета. Положение дел продолжало ухудшаться: заметно упала производительность труда, повысился процент брака, участились случаи нарушения сроков выхода газет. Изучение материалов, представленных в московских газетах под рубриками «Профессиональная жизнь печатников», «Среди печатников», органа профсоюза «Печатник» показало, что аналогичная ситуация сложилась и в бывшей типографии Саблина и в других.

Итак, в первые месяцы существования советской власти в сфере печати были сделаны попытки решить две взаимосвязанные проблемы: становление новой прессы и ликвидация оппозиционной. В целом эти меры были в русле других политических и экономических мероприятий правительства, которые Ленин впоследствии охарактеризовал как «кавалерийскую атаку на капитал». В критический момент для новой власти большевики приняли решительные меры против небольшевистской прессы: за период с конца 1917 по конец 1918 гг. было закрыто около пятисот газет. Исторически эти меры были обусловлены революцией, необходимостью защитить свою власть. Логику борьбы и причины закрытия оппозиционных газет объяснил Л. Д. Троцкий, выступая на заседании ВЦИК 4 ноября 1917 г. Он сказал: «Требование устранения всех репрессий во время гражданской войны означает требование прекращения гражданской войны. Противники, с которыми идет гражданская война, мира нам не предлагают, следовательно, мера законная»³¹.

Однако вплоть до лета 1918 г. можно наблюдать две противоположные тенденции: с одной

²⁸ См.: Московский вечерний час, 1918. 14 марта.

²⁹ ЦАОПИМ. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 3. К. 1. ЛЛ. 29–30.

³⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 193а. Л. 196.

³¹ Протоколы ВЦИК Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казацких депутатов II созыва. М., 1918. С. 24.

стороны — к постепенному проведению социалистических преобразований с использованием элементов частнохозяйственной инициативы (сохранение частных типографий и газет, практическое бездействие декрета о государственной монополии на газетные объявления); с другой стороны, видна явная склонность к ускоренному созданию государственного сектора экономики (реквизиции, конфискации, создание централизованных органов управления и распределения).

Это подтверждает и история функционирования прессы в Москве в 1917–1918 гг. Дальнейшее обострение политического положения в стране и стратегические цели большевиков предопределили победу второй тенденции. В условиях и без того кризисного положения полиграфической промышленности это привело к массовой безработице среди рабочих-печатников и серьезным социальным конфликтам. Однако особенность развития газетной периодики России в годы революции и Гражданской войны заключалась в том, что, несмотря на

репрессии властей, осуществить монополизацию газетного дела в полной мере не удавалось, оппозиционные газеты продолжали выходить.

Профсоюз печатного дела был той силой, которая активно влияла на мероприятия в области печати. Нельзя отрицать, что требование профсоюзом свободного выхода всех газет было одной из причин, повлиявших на решение московских властей. За руководство этим профсоюзом происходила открытая борьба между большевиками и меньшевиками, и в силу ряда обстоятельств позиции первых в нем были слабы. Большевики не предложили эффективных мер борьбы с безработицей среди печатников, кроме того, первые мероприятия по технической реорганизации реквизированных типографий были неудачными. Совершенно очевидно, что старые методы хозяйствования в печатном деле были более эффективны. В целом можно констатировать, что политика большевиков в сфере печати была противоречива и практика построения социализма либо вообще не совпадала с теорией, либо значительно ее корректировала.

Литература

1. Аросев А. Я. Как закрывали буржуазные газеты // Красная нива. — 1929. — № 4.
2. Библиографические известия. — 1917. — № 1–2.
3. Бонч-Бруевич В. Д. Конец буржуазной печати // Журналист. — 1927. — № 11. — С. 8.
4. Власть народа. — 1917. — 23 нояб.
5. Декреты Советской власти. Т. 1. — М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957–627 с
6. Деревенская правда. — 1917. — 4 (17) окт.
7. Есин Б. И., Кузнецов И. В. Триста лет отечественной журналистики (1702–2002). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. — 224 с.
8. Ингулов С. А. Партия и печать. — М.: Работник просвещения, 1928. — 351 с.
9. Керженцев В. Газета. — М., 1919.
10. Красная Москва. 1917–1920. Статистический сборник. — М.: Гос. образцовая тип. (бывш. Т-ва И. Д. Сытина), 1920. — 434 с.
11. Лебедев Д. А. Шесть лет Московской печати. 1917–1923. — М., 1924.
12. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. — М.: Политиздат, 1970. — 579 с.
13. Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). — М.: Издатпрофпресс, 2002. — 272 с.
14. Московский вечерний час. — 1918. — 14 марта.
15. Назаров А. И. Октябрь и книга (1917–1923) — М.: Наука, 1968. — 287 с.
16. Правда. — 1917. — 13 дек. (30 нояб.).
17. Правда. — 1918. — 24 сент.
18. Струмилин С. Г. Зарплата и производительность труда в русской промышленности в 1913–1922 гг. — М.: Вопросы труда и энергетики, 1923. — 88 с.

Теоретическое наследие экономиста М. И. Туган-Барановского

*Е. А. Козлова**

Аннотация. Статья посвящена творческому наследию классика русской экономической мысли М. И. Туган-Барановского. Автор рассматривает его заслуги: новую трактовку рынков, творческое объяснение периодичности кризисов, их роли в развитии народного хозяйства. Подчеркивается, что М. И. Туган-Барановский по достоинству оценен современниками как создатель современной инвестиционной теории циклов. Его заслуга состоит также в том, что он исследовал общие тенденции развития капитализма в России, одним из первых провел сравнительный анализ русской и западной экономики, обратил внимание на роль среднего класса. Автор приходит к выводу, что наследие видного экономиста М. И. Туган-Барановского как популяризатора русской экономической мысли на Западе имеет особое значение.

Ключевые слова: городское хозяйство; капитал; конъюнктура; наемный труд; прогнозирование; промышленные кризисы; теория рынков; фабрика.

Михаил Иванович Туган-Барановский — крупнейший русский экономист конца XIX–начала XX в. Он родился в 1865 г. В возрасте 23 лет закончил курс Харьковского университета сразу по двум факультетам — естественному и юридическому, но сферой его деятельности стала политическая экономия.

В молодости он разделял идеи легальных марксистов. До конца своих дней Туган-Барановский сохранил приверженность социалистическому идеалу, но ортодоксальным марксистом никогда не был, оставаясь самостоятельным и оригинальным исследователем.

Одной из первых его работ была книга «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшее влияние на народную жизнь»¹. В этой работе исследовался

целый ряд фундаментальных проблем, связанных с цикличностью развития капиталистической экономики. Эта книга впоследствии была переведена на немецкий, французский, английский, японский языки и принесла русскому ученому широкую мировую известность.

М. И. Туган-Барановский на основе критического анализа предшествующих теорий рынка и широкого пласта статистических данных дал оригинальную трактовку проблемы реализации в условиях расширенного воспроизводства и предложил новое объяснение периодичности кризисов. Он пришел к выводу, что в товарном хозяйстве непрерывное, поступательное развитие производства возможно, но только при соблюдении определенной пропорциональности общественного производства. Однако так как организация производства в масштабе

* *Козлова Екатерина Александровна* — старший преподаватель кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета. E-mail: manevitch.vitaly@yandex.ru.

¹ См.: Туган-Барановский М. И. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь. СПб., 1894.

общества отсутствует и каждый предприниматель работает на неизвестный рынок, должная пропорциональность при капитализме автоматически не достигается. Именно это обстоятельство и является непосредственной причиной промышленных кризисов.

Механизм циклического развития капиталистического хозяйства был представлен Туган-Барановским следующим образом. В поисках прибыльного приложения денежный капитал оказывает постоянное давление на производство, и как только он туда проникает, начинается цепная реакция — расширение какой-либо одной отрасли требует расширения смежных отраслей. Таким образом, оживление охватывает постепенно все народное хозяйство, причем в первую очередь отрасли, производящие средства производства, так как любое расширение производства требует увеличения основного капитала.

Постепенно, по мере оживления всего народного хозяйства, ранее свободные денежные капиталы усиленно привлекаются в производственную сферу через кредитную систему и превращаются из потенциальной силы в действительную, повышая спрос и создавая положительную конъюнктуру. Но как только расходование свободного капитала превысит скорость его накопления, резерв накопленного капитала, созданный в период застоя, будет исчерпан и увеличение спроса прекратится. Это, в свою очередь, вызовет биржевой кризис и нарушение функционирования кредитной системы.

По мере окончания строительства новых предприятий израсходованный денежный капитал из элемента формирования спроса превращается в элемент формирования предложения. Теперь предложение начинает опережать спрос, рыночная конъюнктура резко ухудшается, товарные цены падают настолько, что не могут покрыть издержек производства.

Туган-Барановский пришел к выводу, что стихийный характер капиталистического производства проявляется в том, что пропорциональность производства постоянно нарушается. Пути преодоления

диспропорциональности он видел в прогнозировании конъюнктуры.

Туган-Барановский по праву считается создателем современной инвестиционной теории циклов. Критикуя ограниченность существовавших до него теорий рынка и кризисов, объяснявших кризисы нарушениями либо в сфере денежного обращения и кредита, либо в области потребления (теория «недопотребления» Сисмонди и концепции русских народников), либо с нарушениями в области производства. Туган-Барановский дал синтетическое истолкование этих процессов, взяв за основу идею о связи промышленных колебаний с периодическим созданием нового основного капитала. Этот подход получил дальнейшее развитие во многих странах: в Германии в трудах А. Шпитгофа, в Австрии — в трудах И. А. Шумпетера, во Франции — Ж. Лескюра и А. Афталиона; в Швеции — Г. Касселя и К. Векселя.

В 1951 г. Э. Хансен, признанный лидер американского неокейнсианства, писал: «Первой современной научной работой, целиком посвященной промышленным циклам, была, как справедливо заметил Шпитгоф, работа Туган-Барановского... Его теория ворвалась в науку как свежий морской ветер. Он правильно указал на главную особенность цикла - колебание размеров инвестиций. Это суждение знаменует собой поворотный пункт в теории экономического цикла»².

Таким образом, Туган-Барановский создал оригинальную теорию хозяйственной конъюнктуры, на основе которой оказалось возможным делать научные прогнозы социально-экономического развития.

В основу изучения конъюнктуры им был положен статистический метод. Исходя из анализа фактической истории кризисов в классической стране капитализма — Англии, Туган-Барановский выявил ряд признаков (цена железа, высота учетной ставки процента), которые характеризуют каждую фазу промышленного цикла; регулирование позволяет не ограничиваться прогнозированием конъюнктуры, но и воздействовать на

² Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход // Классики кейнсианства. Т. 2, М.: Экономика, 1997. С. 21–22.

нее. Таким образом, был сделан первый шаг по пути экономического прогнозирования, составляющего в наши дни основу государственной экономической политики.

Наряду с анализом текущей конъюнктуры и прогнозированием ее перспектив, Туган-Барановский исследовал общие тенденции развития капитализма в России. В книге «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898)³ в учебнике «Основы политической экономии» (1900)⁴, ряде статей он излагал свою точку зрения на особенности российской экономической истории.

Туган-Барановский исследовал и обобщил глубокие отличия условий русского хозяйственного развития от западноевропейского. Прежде всего, это отсутствие в России стадии городского хозяйства. Московское государство совершенно не знало того социального слоя, который сыграл важнейшую роль в истории Европы — слоя свободных ремесленников. Именно ремесленным цехам, городскому хозяйству в целом Запад обязан своей высоко развитой докапиталистической промышленной культурой.

Далее, Туган-Барановский отмечал, что именно западный город, созданная им организация мелких промышленников, на почве которой возникла вся цивилизация и культура Запада, сыграли решающую роль в завоевании свободы от феодалов и крушении абсолютной монархии. «У нас не веял этот воздух промышленного города, — и потому не было почвы для свободы»⁵.

С этими особенностями Туган-Барановский связывает многие экономические и социальные процессы начала XX в. Это относится прежде всего к специфике развития капитализма. В России не было никакой другой промышленной культуры, кроме капиталистической, не было зажиточного и многочисленного слоя мелких предпринимателей. С недостатком средней и мелкой промышленной

буржуазии связана высокая концентрация производства, являвшаяся предпосылкой высокого уровня монополизации экономики.

Туган-Барановский был одним из первых аналитиков, обративших внимание на особую роль среднего класса в процессе формирования и развития капитализма. Отсутствие исторически сложившейся промышленной культуры и среднего промышленного класса, вековое господство принудительного труда обусловили глубокое отличие российского хозяйственного развития от западноевропейского. По мере роста промышленности в Российской империи в XVIII — начале XIX в., — замечает Туган-Барановский, — происходит не переход от подневольного труда к вольному найму, а наоборот, усиливается зависимость работников. Положение рабочих ухудшалось прямо пропорционально развитию русской фабрики. Поскольку на заводах имелись одновременно и свободные и подневольные работники, фабриканты упорно стремились «уравнять в правах эти две категории трудящихся, лишив свободы всех разом. Это им удалось в 1736 году, когда вышел соответствующий высочайший указ»⁶.

В XIX в. стали возникать фабрики, создаваемые разбогатевшими крепостными. Эти крестьянские фабрики, по мнению Туган-Барановского, являлись уже органическим продуктом народной жизни. «Условия русской промышленности созрели уже не только для торгового капитализма. Крепостная фабрика, по ходу промышленной эволюции, отживала свое время; ее место заступила новая, капиталистическая фабрика, основанная на свободном договоре предпринимателя-капиталиста с рабочим»⁷.

Проанализировав специфику развития крупной промышленности в России, Туган-Барановский пришел к выводу, что, несмотря на ряд сдерживающих факторов, страна входит в мировой капиталистический рынок,

³ См.: Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Харьков: Пролетарий, 1926.

⁴ См.: Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. М.: РОССПЭН, 1998.

⁵ Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. М.: РОССПЭН, 1998. С. 130.

⁶ См. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Харьков: Пролетарий, 1926.

⁷ Туган-Барановский М. И. Очерк развития мануфактурной промышленности в России // Приложение к журналу «Вестник мануфактурной промышленности». М, 1912. С. 9.

и этот процесс сопровождается ускорением технического прогресса и укреплением экономической свободы и права. Вместе с тем, капитализм не может завоевать господствующие позиции во всех отраслях хозяйства, особенно в сельском хозяйстве.

Признавая огромные достижения капитализма, экономическую эффективность рыночного хозяйства, Туган-Барановский в то же время утверждает, что «в капиталистической системе хозяйства заложено внутреннее противоречие, которое с железной (хотя и не экономической) необходимостью должно привести к ее превращению в высшую форму. Противоречие это заключается в том, что капитализм делает из рабочего человека простое хозяйственное средство и в то же время ведет к распространению правовых воззрений, признающих всякую человеческую личность без различия высочайшей ценностью в себе. Иными словами, это есть противоречие основного хозяйственного принципа капитализма с основной этической нормой»⁸.

Этой высшей, по сравнению с капитализмом, формой Туган-Барановский считал социализм, но понимал он социализм отнюдь не догматически. Социализм в понимании Тугана-Барановского — это «надисторический

идеал человечества», и поэтому каждая эпоха придает этому идеалу свой неповторимый облик.

XX в. привнес в образ социализма две характерные черты — идею верховной ценности человеческой личности и понимание того, что новое общество должно хозяйствовать таким образом, чтобы дать максимальный импульс развитию производительных сил.

Михаилу Ивановичу Туган-Барановскому не пришлось стать свидетелем того, какие формы приобретало строительство нового общества в России: в январе 1919 г. в возрасте 54 лет он скоропостижно скончался.

О значении теоретического вклада М. И. Туган-Барановского в отечественную и мировую науку удачно сказал выдающийся российский экономист И. Д. Кондратьев: «Михаил Иванович Туган-Барановский в области экономической теории был первым, кто заставил европейскую мысль серьезно прислушаться к движению ее на востоке, в России... Он стал не только в уровень с научно-экономической мыслью передовых стран, но он содействовал прогрессу ее, и в силу этого он больше, чем кто-либо, способствовал тому, чтобы поставить русскую экономическую науку в ряд с европейской»⁹.

Литература

1. Кондратьев Н. Д. М. И. Туган-Барановский. — Пг.: Колос, 1923. — 125 с.
2. Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. — М.: РОССПЭН, 1998. — 663 с.
3. Туган-Барановский М. И. Очерк развития мануфактурной промышленности в России // Приложение к журналу «Вестник мануфактурной промышленности». — М., 1912. — 23 с.
4. Туган-Барановский М. И. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь. СПб., 1894. — 512 с.
5. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Харьков: Пролетарий, 1926. — 448 с.
6. Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. — М.: УРСС, 2003. — 218 с.
7. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход // Классики кейнсианства. — М.: Экономика, 1997. Т. 2. — 431 с.

⁸ Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. М: УРСС, 2003. 193 с.

⁹ Кондратьев Н. Д. М. И. Туган-Барановский. Пг.: Колос, 1923. С. 7, 18.

Представления о личностных особенностях российских бизнесменов

*Ж. В. Коробанова, Ю. Е. Мужичкова**

Аннотация. Статья посвящена анализу представлений о личностных особенностях бизнесменов. На основе обзора научной литературы авторы выделяют основные психологические характеристики личности предпринимателя, отдельно рассматривая личность крупного бизнесмена. Авторы приводят результаты собственного исследования, посвященного выявлению представлений о психологических качествах известных бизнесменов, сопоставляя их с качествами «идеального бизнесмена».

Ключевые слова: лидеры бизнеса; личные качества бизнесмена; нравственные особенности; социальная ответственность.

Последние два десятилетия в российском обществе сформировалась и прочно заняла свои позиции новая социальная группа — предприниматели, или бизнесмены. Деятельность людей, владеющих и развивающих собственный бизнес, протекает в крайне специфических условиях рынка. В первую очередь, это высокие риски и неопределенность условий, а также быстрая изменчивость ситуации. Особые характеристики предпринимательской деятельности определяют и личность человека, который стремится организовать и развивать собственный бизнес. Кроме того, личностные качества предпринимателей являются фактором, оказывающим значительное влияние на происходящие перемены в социально-экономической сфере России.

В научной литературе в последние годы встречаются различные исследования, посвященные психологическим особенностям

предпринимателя. Изучается как сам феномен предпринимательства, так и психологические факторы, влияющие на эффективность предпринимательской деятельности.

Так, отмечается, что предпринимательство в России отличается специфичностью, природа которой лежит в особенностях становления данного класса. Стремясь к стандартам западного, образцового предпринимательства, российский бизнесмен не в силах игнорировать давно сложившиеся патриархальные традиции¹. Несовершенство правового пространства породило зависимость предпринимательской деятельности от установленных личных связей на разных уровнях. Зачастую успешность достижений предпринимателя определяется его коммуникативными способностями, а также не зависящими от него факторами, такими как семейные и родственные связи, место рождения, место учебы и т. п. В исследованиях,

* *Коробанова Жанна Владимировна* — кандидат психологических наук, заместитель заведующего кафедрой «Прикладная психология» Финансового университета. E-mail: korobanova_j@mail.ru

Мужичкова Юлия Евгеньевна — кандидат психологических наук, заместитель заведующего кафедрой «Прикладная психология» Финансового университета. E-mail: borjulia@mail.ru.

¹ *Степанова А. И.* Особенности российского предпринимательства на современном этапе // Успехи современного естествознания. 2008. № 11. С. 44–47.

посвященных оценке индивидуально-психологических особенностей предпринимателей, отмечены такие личностные характеристики, как потребность в независимости, повышенная готовность к риску, решительность, энергичность, вера в себя, оптимизм, потребность в доминировании, соревновательность, ориентация на собственное представление решения проблем, умение обучаться, изменяться сообразно ситуации².

Существуют также исследования, посвященные нравственным особенностям бизнесменов. Так, например, отмечается, что мотивы получения прибыли и мотивы благотворительности находятся в душах предпринимателей в постоянном противоречии, вызывают определенное напряжение в самоощущении и восприятии, а в отдельных случаях сказываются на психическом состоянии бизнесменов³. Однако в последние годы в предпринимательской среде появилась генерация в основном молодых людей, руководствующихся позитивной установкой: «Цивилизованно и этично — значит выгодно!» Тезис о том, что соблюдение законов и этических норм является своеобразным гарантом успеха, безопасности и самого существования бизнеса и бизнесмена, поддерживают 43% опрошенных предпринимателей⁴.

Между тем, предприниматели как социально-профессиональная группа достаточно разнообразна и многолика, что определяется множеством причин: и конкретной сферой предпринимательской деятельности, и степенью развитости бизнеса, и индивидуально-психологическими особенностями предпринимателя. Отдельно существует категория наиболее ярких фигур бизнеса, которые широко известны, способны влиять на общественное мнение и представляют определенный интерес для анализа их психологических особенностей и нравственных качеств. Например, одним из наиболее известных представителей

российского бизнеса является Роман Абрамович. По мнению журнала «Большой Бизнес», Роман Абрамович «при жизни стал героем народного эпоса»⁵. В средствах массовой информации он представлен как выходец из народа, который стал поистине успешным человеком в бизнесе благодаря таким психологическим и деловым качествам, таким как: стремление к самостоятельности, независимости; стремление к достижениям в трудовой деятельности, к карьере и власти; инициативность и предприимчивость, деловая активность; умение действовать в критических ситуациях, в условиях недостатка информации; настойчивость и умение брать ответственность на себя. Также отмечается, что Р. Абрамович преуспел не только в бизнесе, но и в политике, а также в меценатстве. Ему присущи основные черты мецената: хозяйственность, связанная с рациональным ведением дел, разумной экономией и бережливостью; деловая мораль, верность договору и строгое ведение отчетности. Журнал «Эксперт» в апреле 2013 г. опубликовал статью, в которой Р. Абрамович назван самым щедрым российским бизнесменом, так как за последние три года он выделил из своего состояния в 12,8 млрд долл. примерно 310 млн долл. на благотворительность⁶.

В исследованиях, посвященных психологическим особенностям крупных бизнесменов, отмечается, что лидеры бизнеса отличаются адекватностью самооценки, не демонстрируют эффекта ее завышения. Они спокойно относятся к своим недостаткам, не пытаются их нивелировать или интерпретировать особым образом. Психологическая защита бизнесменов не отличается ригидностью, хотя нарушить их личностное пространство достаточно сложно. К числу личностных черт, обеспечивающих бизнесменам эффективность, относятся следующие: способность быстро принимать неожиданные решения; умение

² Глушач Н. Н. Индивидуально-психологические особенности предпринимателей: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М, 1998.

³ Степанова А. И. Особенности российского предпринимательства на современном этапе // Успехи современного естествознания, 2008. № 11. С. 44–47.

⁴ См.: Петров Н. Поделится ли предприниматель качеством жизни? // Стандарты и качество, 2006. № 1. С. 68.

⁵ Блант М. 50 людей большого бизнеса // Большой Бизнес, 2012. № 6 (92). С. 27.

⁶ Самый щедрый // Эксперт [Электронный ресурс] URL: <http://expert.ru/2013/04/23/samyij-schedryij> (дата обращения: 21. 05. 2013).

Таблица 1

Шкалы опросника «Личные качества бизнесмена»

1	неизвестный	—	известный
2	рациональный	—	интуитивный
3	консервативный	—	гибкий
4	открытый	—	закрытый
5	склонный к риску	—	осторожный
6	независимый	—	зависимый
7	общительный	—	замкнутый
8	активный	—	пассивный
9	прямолинейный	—	хитрый
10	жесткий	—	мягкий
11	черствый	—	отзывчивый
12	расслабленный	—	напряженный
13	непривлекательный	—	привлекательный

рисковать; коммуникативная компетентность; агрессивность; интуитивные способности; устойчивость поведенческих и ценностных стратегий в различных ситуациях⁷.

В нашем исследовании мы предприняли попытку изучить представления о личностных качествах известных российских бизнесменов, а также сопоставить их с качествами «идеального бизнесмена», сделав при этом акцент на характеристиках, определяющих социально-ответственного бизнесмена⁸.

В исследовании приняли участие 111 человек, в возрасте от 23 до 60 лет, госслужащие, представители практически всех регионов России. Следует отметить особенности данной выборки: 90% участников — женщины. По результатам проведенного опроса мы выделили качества, важные для эффективного ведения бизнеса, и составили опросник «Личные качества бизнесмена» на основе методики семантического дифференциала Ч. Осгуда (табл. 1).

Участникам исследования предлагалось оценить качества следующих бизнесменов: Р. Абрамович, Б. Березовский, В. Потанин, М. Прохоров, М. Ходорковский, а также качества «идеального бизнесмена».

В результате оценки различий в полученных профилях бизнесменов установлено, что

в представлениях участников исследования идеальный образ бизнесмена расходится с представлениями о личностных качествах известных бизнесменов (Рис. 1–6). Представления об идеальном бизнесмене включают качества «известный», «рациональный», «гибкий», «открытый», «склонный к риску», «независимый», «общительный», «активный», «прямолинейный», «жесткий», «отзывчивый», «расслабленный», «привлекательный». Степень выраженности указанных качеств представлена на рис. 1.

По большинству шкал оценки бизнесменов значимо отличаются от идеальных качеств. Согласно представлениям респондентов, все оцениваемые бизнесмены характеризуются высокой напряженностью, закрытостью, зависимостью, замкнутостью, черствостью, меньшей активностью, отзывчивостью, гибкостью.

Интерес представляют мнения респондентов об известности бизнесмена, согласно которым идеальный бизнесмен скорее известный, чем неизвестный. При этом известность четырех из пяти оцениваемых бизнесменов превышает степень этого качества в идеале, и одного бизнесмена — ниже идеальной оценки.

Привлекательность как качество идеального бизнесмена оценивается респондентами в целом

⁷ Чирикова А. Е. Психологические особенности личности российского предпринимателя // Психологический журнал, 1998. Т. 19. № 1. С. 62–74.

⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Психологические механизмы социальной ответственности российского бизнеса в сфере финансов», проект № 12–06–00556а.

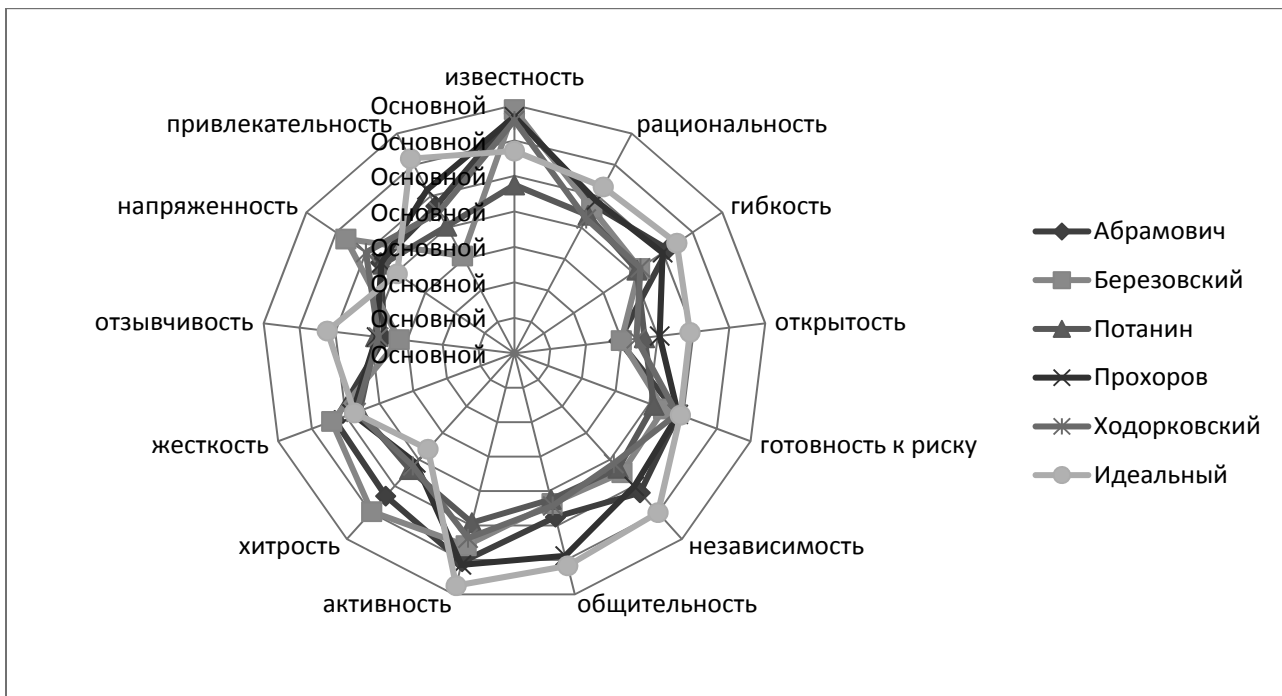

Рис. 1. Оценки личностных качеств бизнесменов

высоко. Оценки привлекательности всех реальных бизнесменов ниже идеальных оценок.

Более удобную для восприятия картину дает сравнение оценок каждого реального бизнесмена и идеального образа. Так, Р. Абрамovich респонденты оценивают как более хитрого и жесткого, скорее интуитивного, зависимого, замкнутого, напряженного, менее активного и отзывчивого в отличие от идеального образа. По шкалам «гибкость» и «склонность к риску» значимых различий нет, то есть по этим характеристикам образ данного бизнесмена схож с идеальным. Следует отметить, что данные представления не

согласуются с образом Р. Абрамovich, формируемым СМИ.

Представления о личностных качествах Б. Березовского значительно отличаются по всем шкалам за исключением «готовности к риску». Б. Березовский оценивается как закрытый, черствый, менее рациональный, гибкий, независимый, активный, более напряженный по сравнению с идеальным образом.

Значимые различия в оценках личности В. Потанина и идеального бизнесмена наблюдаются по всем качествам, кроме жесткости. Степень данного качества — чуть выше среднего — соответствует представлениям об

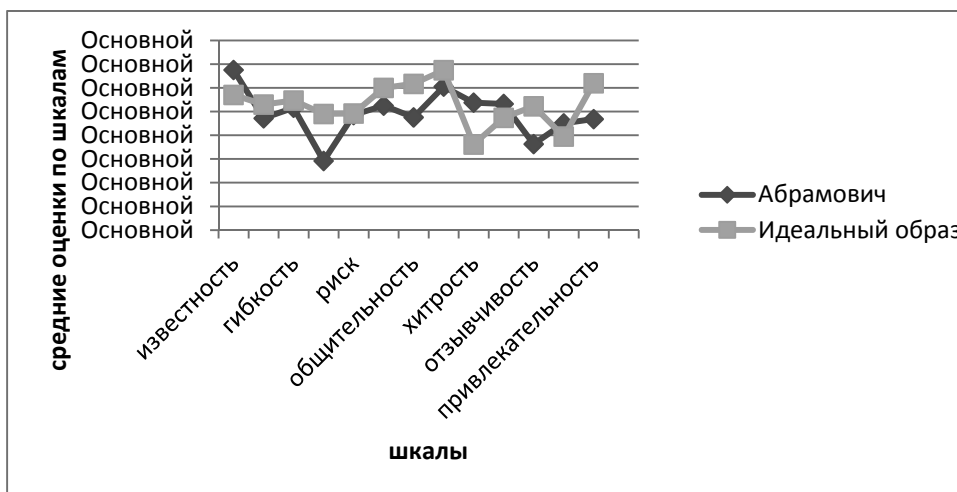

Рис. 2. Оценки личностных качеств Р. Абрамovich и идеального бизнесмена

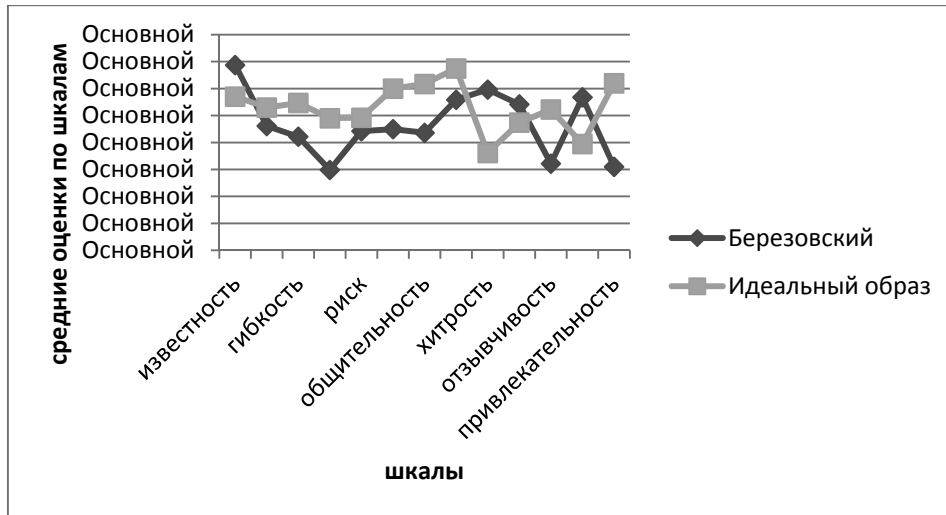

Рис. 3. Оценки личностных качеств Б. Березовского и идеального бизнесмена

идеальном бизнесмене. Заметим, что личностный профиль В. Потанина близок к среднему, так как многие участники исследования давали усредненные оценки, объясняя это отсутствием каких-либо знаний о В. Потанине как о представителе российского бизнеса.

Наиболее близкими к представлениям об идеальном бизнесмене оказались оценки личностных качеств М. Прохорова. Оценки таких качеств, как «рациональность», «гибкость», «склонность к риску», «общительность», «прямолинейность», «жесткость», статистически не отличаются от оценок идеального бизнесмена. При этом М. Прохоров оценивается как более зависимый, закрытый и менее отзывчивый.

Оценки личности М. Ходорковского близки к оценкам идеального бизнесмена по качествам «готовность к риску» и «жесткость».

Другие шкалы значительно отличаются от идеальных представлений.

Корреляционный анализ оценок личностных качеств бизнесменов показал наличие положительных связей между профилями всех оцениваемых личностей (табл. 2).

Таким образом, по личностным качествам бизнесмены А. Абрамович, Б. Березовский, В. Потанин, М. Прохоров, М. Ходорковский воспринимаются и оцениваются респондентами как очень похожие. Отсутствует значимая корреляция только между оценками Б. Березовского и М. Прохорова, то есть представления о личностных качествах этих бизнесменов существенно различаются. Что касается взаимосвязи представлений об известных бизнесменах с образом идеального бизнесмена, то только оценки личности М. Прохорова

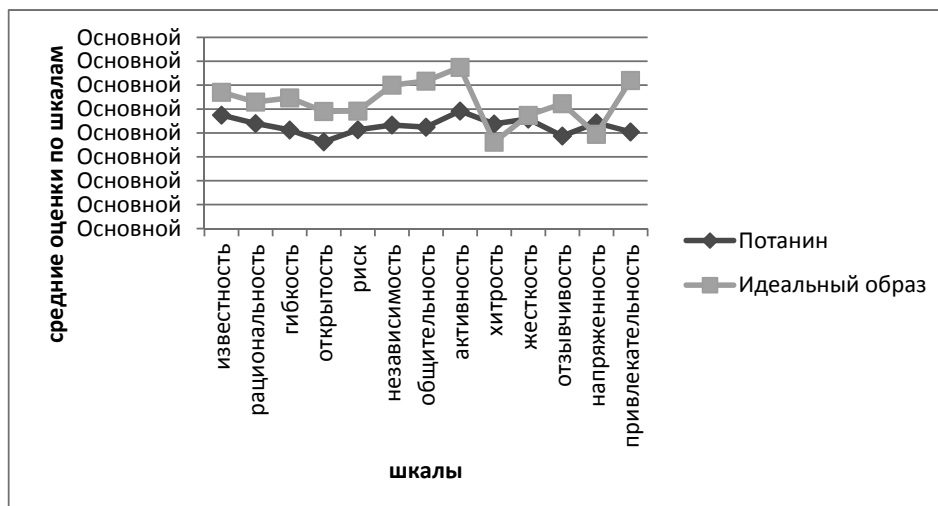

Рис. 4. Оценки личностных качеств В. Потанина и идеального бизнесмена

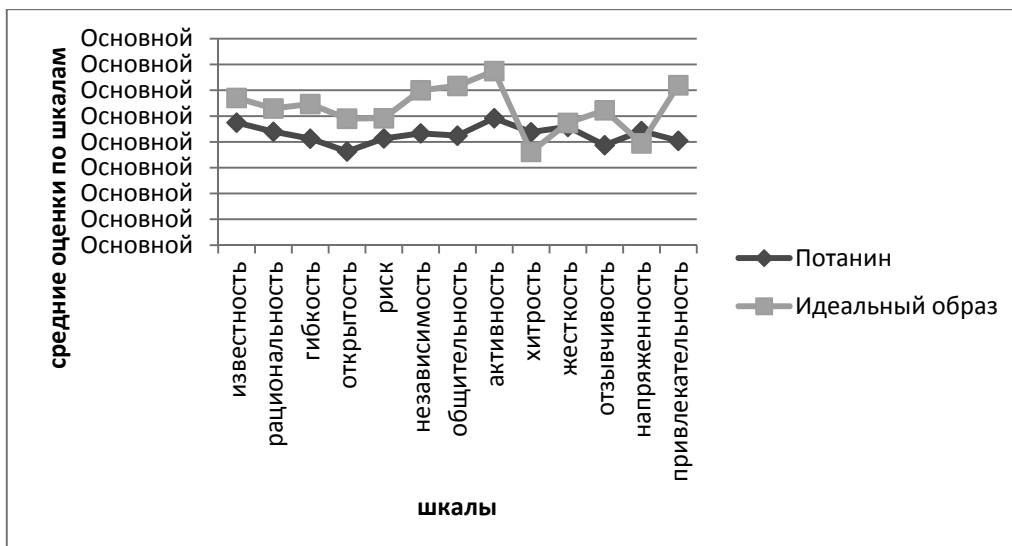

Рис. 5. Оценки личностных качеств М. Прохорова и идеального бизнесмена

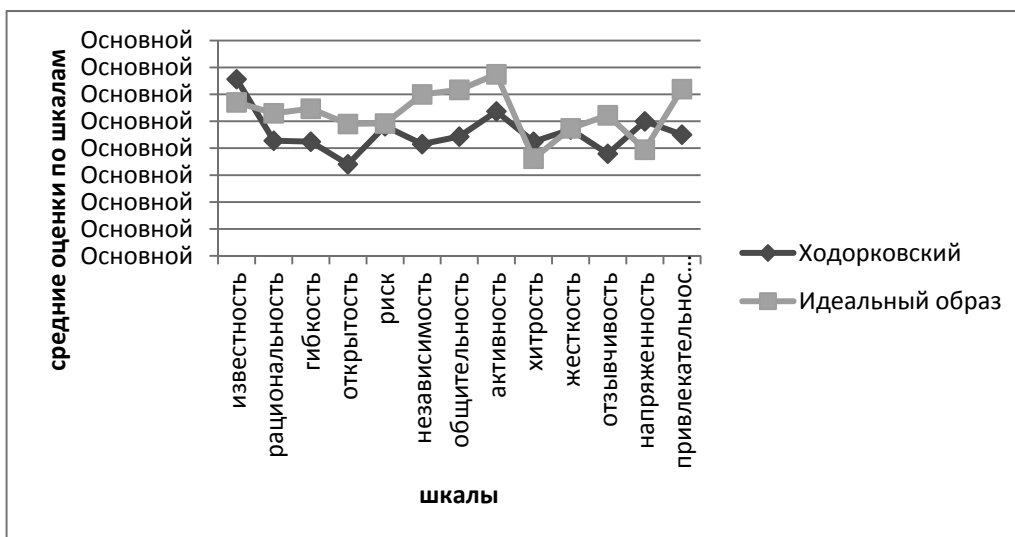

Рис. 6. Оценки личностных качеств М. Ходорковского и идеального бизнесмена

Таблица 2

Корреляции средних оценок личностных качеств бизнесменов

	Роман Абрамович	Борис Березовский	Владимир Потанин	Михаил Прохоров	Михаил Ходорковский	Идеальный бизнесмен
Роман Абрамович		0,811**	0,882**	0,765**	0,826**	0,267
Борис Березовский			0,865**	0,482	0,780**	-0,216
Владимир Потанин				0,666*	0,785**	0,185
Михаил Прохоров					0,792**	0,680*
Михаил Ходорковский						0,209

* $p \leq 0,05$, где p — статистический уровень значимости

** $p \leq 0,01$

положительно коррелируют с оценками идеального бизнесмена.

Анализ результатов предыдущих исследований проблемы социальной ответственности личности позволил нам предположить, что качества «отзывчивость», «открытость», «активность», «мягкость» характеризуют социально ответственного человека⁹. В данной части нашего исследования представления об известных российских бизнесменах и идеальном

бизнесмене расходятся с качествами, ожидаемыми у социально ответственной личности. Также результаты данного исследования не согласуются с образом известного бизнесмена, формируемым СМИ. В дальнейшей работе мы планируем сопоставить представления по позициям «реальный бизнесмен», «идеальный бизнесмен», «социально ответственный бизнесмен» и провести психологический анализ полученных сходств и различий.

Литература

1. *Блант М.* 50 людей большого бизнеса // Большой Бизнес. — 2012. — № 6 (92). — С. 27
2. *Глушац Н. Н.* Индивидуально-психологические особенности предпринимателей: автореф. дис... канд. психол. наук. — М, 1998.
3. *Коробанова Ж. В.* Локус контроля как механизм социальной ответственности личности // Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика: Сб. науч. статей / Отв. ред. А. Н. Лебедев. — М.: Экон-информ, 2013. — С. 48–55.
4. *Мужичкова Ю. Е.* Особенности представлений о социальной ответственности личности // Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика: Сб. науч. статей / Отв. ред. А. Н. Лебедев. — М.: Экон-информ. — 2013. — С. 65–75.
5. *Петров Н.* Поделится ли предприниматель качеством жизни? // Стандарты и качество. — 2006. № 1. — С. 68
6. Самый щедрый // Эксперт [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2013/04/23/samyij-schedryij> (дата обращения: 21.05.2013).
7. *Степанова А. И.* Особенности российского предпринимательства на современном этапе // Успехи современного естествознания. — 2008. — № 11 — С. 44–47
8. *Чирикова А. Е.* Психологические особенности личности российского предпринимателя // Психологический журнал. — 1998. — Т. 19. — № 1. — С. 62–74.

⁹ *Коробанова Ж. В.* Локус контроля как механизм социальной ответственности личности // Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика: Сб. науч. статей / Отв. ред. А. Н. Лебедев. М.: Экон-информ, 2013. С. 48–55; *Мужичкова Ю. Е.* Особенности представлений о социальной ответственности личности // Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика: Сб. науч. статей / Отв. ред. А. Н. Лебедев. М.: Экон-информ. 2013. С. 65–75.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Инновационное общество и активные процессы в русскоязычной коммуникации

*Е. А. Федорова, Е. Н. Нестерова**

Аннотация. *Вопрос сохранения, укрепления и распространения национального языка становится сегодня первостепенным, определяя цель и содержание языковой политики государства. Система государственных мер строится с учетом тенденций развития общества в языкотворческой сфере. В статье анализируются активные процессы в русскоязычной коммуникации, участниками и творцами которых являются как лингвисты-нормализаторы, так и носители языка и которые определяют структурные особенности общества нового типа — инновационного общества.*

Ключевые слова: *активные процессы; инновационное общество; лексический состав; русскоязычная коммуникация; язык сетевого общения; языковая политика; языковые изменения.*

Основные тенденции развития современного общества, в первую очередь глобализация экономических, политических, социальных процессов и внедрение инновационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека, оказывают существенное влияние на формирование национальной и межнациональной коммуникационной среды. В этих условиях вопрос сохранения, укрепления и распространения национального языка становится первостепенным, определяя концептуально и практически цель и содержание языковой политики государства.

Для такой многонациональной и многоязычной страны, как Россия, где русский язык на протяжении длительного времени способствовал становлению и обогащению языков и литератур многих народов, а письменная

национальная культура создавалась благодаря усилиям многонациональных коллективов профессиональных лингвистов, вопрос о сохранении единого национального языка (как средства межнационального общения), равно как и вопрос о культуре общения, лингвострановедческой толерантности, сохраняет свое значение на новом этапе развития общества, государственности.

В современных условиях русский язык на государственном уровне рассматривается как важнейшее средство консолидации российского общества, усилия которого должны быть направлены на формирование единого экономического, гуманитарного, правового пространства СНГ, что отражено в таких важных документах, как Закон о русском языке (2005 г.)¹ и Федеральная целевая

* *Федорова Елена Алексеевна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык» Финансового университета. E-mail: ea.fedorova@gmail.com.

Нестерова Елена Николаевна — доцент кафедры «Русский язык» Финансового университета. E-mail: nesten77@mail.ru.

¹ Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/12140387> (дата обращения 24. 07. 2013).

программа «Русский язык» (2011–2015 гг.; 2006–2010 гг.)².

Задачами Программы (2011–2015 гг.) являются обеспечение реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации; создание условий для его функционирования как средства межнационального общения народов РФ, поддержка русского языка как основы развития интеграционных процессов в государствах — участниках Содружества Независимых Государств; удовлетворение языковых и культурных потребностей соотечественников, проживающих за рубежом. Предусмотрена серия конкретных мероприятий, обеспечивающих создание условий для привлечения большого числа представителей различных социальных групп не только для осуществления вышеуказанных задач, но и для мотивации практической деятельности в сфере функционирования русского языка как средства обогащения и развития культур народов РФ, в области его сохранения и распространения как средства российской словесной культуры.

Нельзя, кроме того, не отметить, что русскоязычное сообщество с пониманием и энтузиазмом восприняло утверждение на государственном уровне ежегодного празднования с 2011 г. Дня русского языка «в целях сохранения, поддержки и развития русского языка как общенационального достояния народов Российской Федерации, средства международного общения и неотъемлемой части культурного и духовного наследия мировой цивилизации»³.

Признание высокого статуса русского языка в инновационной геополитической реальности дает новый импульс лингвистическим исследованиям, направленным на описание и интерпретацию в синхроническом и диахроническом аспектах всех происходящих в языковой среде изменений. Ведь, являясь национально-культурным феноменом, русский язык, как любой естественный язык, не остается чем-то застывшим, неизменным: он развивается во всех сферах своего функционирования в соответствии

с основными тенденциями социальных, политических, экономических взаимодействий.

Лингвисты, исследующие и интерпретирующие активные процессы в современном русском языке, или, говоря шире, в русскоязычной коммуникации, выделяют следующие наиболее яркие тенденции языковых (в широком понимании термина) изменений:

- изменение лексического состава литературного языка и его функциональных разновидностей: экспансия англо-американских заимствований (не только в области деловой, профессиональной коммуникации);
- снижение общего уровня речевой культуры, прежде всего у учащейся молодежи, в средствах массовой информации, в политическом дискурсе;
- негативное влияние сетевого общения — Интернет-среды (Рунета).

Остановимся подробнее на каждой из этих тенденций.

1. *Изменение лексического состава литературного языка.* Начиная с середины 80-х гг. XX в. с развитием в России экономики нового типа, усилением деловых международных контактов на общегосударственном и частном уровнях в русский лексикон пришло огромное количество иностранных слов, в основном англо-американского происхождения.

Примеры достаточно хорошо описаны в специальной литературе (исследования Л. П. Крысина, В. Г. Костомарова, Л. М. Баш и многих других). В их числе указывают

- а) экономическую терминологию (*бизнес, маркетинг, брокер*);
- б) названия новых профессий / сфер профессиональной деятельности (*андеррайтер, сурвейер, мерчандайзер; логистика*);
- в) политические термины (*рейтинг, импичмент, электорат*);
- г) названия технических приспособлений, главным образом связанных с инновационными технологиями (*ноутбук, смартфон, девайс, гаджет*);

² Федеральная целевая программа «Русский язык» 2011–2015 гг. № 492 [Электронный ресурс] URL: <http://rs.gov.ru/node/17783> (дата обращения 23. 07. 2013); Федеральная целевая программа «Русский язык» (2006–2010 годы) [Электронный ресурс] URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_107266.html (дата обращения 23. 07. 2013).

³ Указ Президента Российской Федерации от 06 июня 2011 г. № 705 «О Дне русского языка» [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/news/11481> (дата обращения 23.07. 2013).

д) специальную сетевую терминологию, проникающую в общеупотребительный язык через жаргоны молодежи, компьютерщиков (*блогеры, кликнуть, аппликаха, ангрейт*);

е) названия понятий из бытовой сферы (*мейкап, боди-арт, блокбастер*);

ж) речевые формулы (*о'кей, ноу-проблем, фифти-фифти*) и др.

Ряд лингвистов характеризовали данный процесс как «порчу» русского языка; другие проводили типологические сопоставления, напоминая о тех исторических этапах, когда русский язык (как установили представители исторического языкознания) пережил, в частности, южнославянские влияния, период «славяно-русской диглоссии», пренебрежение к национальным корням и моду на французский язык и культуру у русской аристократии XIX в.

И среди самих носителей языка, подчас далеких от историко-лингвистических штудий, наблюдалось резко отрицательное, осуждающее отношение к заимствованиям: «Неужели вместо *масс-медиа* нельзя сказать *средства массовой информации*? А *спонсор*, а *ноу-хау*?.. Страшные вещи творятся! Мы все подвергаемся гипнотическому воздействию американского языка! Это наводнение! Оно грозит затопить наш русский словарь! (Известия. 1985)»⁴. В этом же ряду стоят попытки ряда депутатских групп противостоять данным лексическим процессам законодательно.

Прошло почти три десятилетия, и стало понятно, что новомодная тенденция является устойчивым трендом, который лингвисты воспринимают «без нервного срыва» (термин М. Кронгауза)⁵, разделяя точку зрения великого поэта, нашей национальной гордости: «*Русский язык снисходителен к чужим словам, переимчив и общежителен, способен принять многое, сохраняя себя*» (А. С. Пушкин). Могучий от природы русский язык от вторжения иностранных слов становится лишь более гибким и соответствующим современной действительности.

В этой связи достаточно показателен следующий пример. На весьма авторитетном портале

gramota.ru всерьез обсуждают, как правильно писать (с дефисом или без) «*сок фреш*» или «*сок-фреш*». При этом никого, по-видимому, не смущает, что по каким-то причинам носители языка пренебрегают исконно русским словосочетанием «*свежевыжатый сок*». Очевидно, что в данном и множестве подобных случаев вступают в силу законы, по которым существует естественный язык в различных функциональных разновидностях:

- закон экономии языка (*джип* вместо «*автомашина повышенной проходимости*»);
- закон ориентации на более престижный, авторитетный, модный на данном отрезке времени источник (*стилист* вместо *парикмахер* — заметим, оба слова являются заимствованными);
- закон необходимости смысловой дифференциации, позволяющей смягчать оттенки смысла (*счетовод* — *бухгалтер*, *продажный* — *ангажированный*);
- закон стремления к интернационализации в сфере научно-технической, финансово-банковской, военной терминологии и т. д.

Народы никогда не существуют изолированно. Они взаимодействуют, и в процессе такого взаимодействия (торгового, промышленно-экономического, культурно-политического) идет взаимообмен элементами жизнедеятельности, реалиями, а следовательно, и элементами лингво-коммуникативных систем. Технический прогресс существенно ускоряет подобные процессы, делает их лавинообразными.

Адекватное понимание данной проблематики продемонстрировали многие деятели отечественной культуры, языкознания, литературы, проявлявшие лингвистическую прозорливость и отличный языковой вкус. Еще в 60-е г. XX в. писатель, исследователь языка К. И. Чуковский (книга «*Живой как жизнь*» в свое время стала настоящим бестселлером) приветствовал иностранные слова в русском языке: «Только простакам и невеждам можно навязывать мысль, будто русский язык терпит хоть малейший

⁴ Баландина Л. А., Симонова Е. П., Федорова Е. А. Традиции и инновации в русском гуманитарном образовании (Из опыта преподавания дисциплин «Русский язык» и «Русский язык и культура речи» студентам-экономистам) // Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры: Сборник докладов конференции МАПРЯЛ (Болгария, Пловдив 31 октября–3 ноября 2006 г.). Пловдив, 2007. С. 231.

⁵ См.: Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008 г.

ущерб от того, что наряду со словом *вселенная* в нем существует слово *космос*, наряду с *плясками — танцы, мышцами — мускулы, сочувствием — симпатия, вопросами — проблемы, воображением — фантазия, предположением — гипотеза, полосой — зона, спором — дискуссия, указателем цен — прейскурант, языковедом — лингвист*»⁶.

Национальное своеобразие, особенности родного языка, через призму которого каждый человек воспринимает окружающий его мир, составляют специфику национально-менталитета. В этой связи заимствования в лингвистическом понимании этого термина — элемент лексической системы любого языка. С точки зрения инновационного общества с его стремлением к глобализации очевидно, что ведение современного международного бизнеса невозможно без постоянной коммуникации. Оно основывается на системе ценностей, совместно разделяемой представителями различных культур, и на осознании глобального разнообразия деловых культур. Не случайно сегодня такое значение придается и общностям, и различиям в лингвокультурологической и ментальной сферах, межкультурной коммуникации.

Современные лингвисты ставят вопрос о необходимости серьезных системных исследований, на базе которых можно было бы сделать выводы о том, когда «порог заимствованных слов» завышен, что, собственно говоря, и может привести к сдвигам в самобытной языковой картине мира, к разрушению особой лингвистической ментальности.

2. *Снижение общего уровня речевой культуры.* В речи наших современников, в частности учащейся молодежи, студенчества, имеют место многие негативные явления, связанные с нарушениями норм литературной речи: неумение продуцировать текст определенной стилистической отнесенности; нарушение общей логики высказывания; бедность словаря, низкий уровень лексической эрудированности; перенасыщенность речи жаргонизмами; большое количество грамматических, речевых, орфоэпических ошибок и т. п. — все это оказывает

негативное влияние на речевой имидж, приводит к неэффективной коммуникации, не способствует карьерному росту.

Причина кроется в том, что существуют определенные «ножницы» между требованиями государственных образовательных стандартов и реальным уровнем общеязыковой грамотности и культуры владения устной и письменной нормативной речью у выпускников средних учебных заведений, студенческой молодежи. Далеко не все они соответствуют уровню «зрелой языковой личности», демонстрируя недостаточное владение следующими коммуникативно-речевыми компетенциями:

- обладать значительным лексическим запасом, развитым (нормативным для данного возраста и образования) кругозором и когнитивным мышлением;
- знать (в определенной степени) грамматическую систему родного языка — как следствие обучения в средней школе;
- владеть принятыми на данном этапе в данном обществе речевыми и языковыми, а также коммуникативными нормами;
- владеть «операциями переключения» с одного коммуникативного кода на другой, обнаруживая если не полный автоматизм, то понимание, *где — что — и как* можно сказать или зафиксировать письменно и какую коммуникативно-речевую модель выбрать в зависимости от ситуации.

Нередко видимая свобода и раскованность публичного дискурса, за которыми стоит, например, борьба за целевую аудиторию (в частности, теледебаты, реалити-шоу, политические дискуссии в СМИ), воспринимается такой незрелой личностью как лингвистическая вседозволенность, перенесение в функциональные сферы кодификационного (закрытого и достаточно жестко регламентируемого) характера специфики открытых коммуникативных сфер — разговорной речи, просторечия, социальных жаргонов. В этом случае сниженная лексика: *беспредел, замочить, разборки* — становится не маркером «свой-чужой» в речи авторитетного оратора, а явной вульгаризацией, снижением интеллектуального индекса,

⁶ Чуковский К. И. Живой как жизнь (Разговор о русском языке). Гл. III. М.: Зебра-Е, 2009 г.

опустошенной метаязыковой рефлексией незрелого индивида.

3. *Особенности сетевого общения, Интернет-среды.* Современный пользователь Рунета обладает определенным речевым имиджем, который нередко связывают с компьютерным жаргоном («язык афтаров», «компьютерный инглиш»). Влияние инновационных технологий на лингвистическую среду очевидно: здесь на первый план выступают такие факторы, как скорость передачи информации; создание системы графических символов — особой знаковой системы, позволяющей наряду с информацией передать эмоциональный комментарий; смешение графических символов различных языковых систем (латиница — кириллица — цифровой набор) и др.

Отметим некоторые лингвистически значимые для сетевого мышления характеристики:

- невнимание к соблюдению орфографических и пунктуационных норм, создание антиорфографии, а также миф о неважности грамотного оформления письменного текста при наличии текстовых редакторов;
- отсутствие лингвистического самоконтроля — неумение переключать соответствующие коды — при оформлении продуцируемого в сети речевого произведения (ведь по своей сути письменное общение в Интернете гораздо ближе к устному общению);
- последующий перенос особенностей сетевой коммуникации, в частности, в сфе-

ру создания нормативных текстов в условиях школы или вуза;

- агрессивный характер сетевого общения; отсутствие авторитетов (при общей анонимности), возможность высказаться практически по любой проблеме, не подкрепляя свое мнение достаточным фундаментом знаний, системной логикой⁷.

Понимание сути происходящих в рамках инновационного общества активных языковых и коммуникационных процессов, борьба с негативными явлениями и их устранение обеспечат простоту, чистоту и языковую точность речи как необходимые условия речевой культуры самой широкой аудитории.

Вот почему вопросы экологии родного языка, повышения культуры речи, овладения законами эффективной коммуникации в русскоязычной и межнациональной среде должны оставаться неотъемлемой частью образовательного процесса российской высшей школы, реализовываться через систему приемов активной педагогики, инновационных педагогических технологий. Результатом должно стать решение ряда задач, вплоть до укрепления государственности, национальной безопасности и престижа страны, развития интеграционных процессов в государствах — участниках СНГ, полноправное вхождение России в мировое политическое, экономическое, культурное и образовательное пространство.

Литература

1. Баландина Л. А., Симонова Е. П., Федорова Е. А. Традиции и инновации в русском гуманитарном образовании (Из опыта преподавания дисциплин «Русский язык» и «Русский язык и культура речи» студентам-экономистам) // Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры: Сборник докладов конференции МАПРЯЛ (Болгария, Пловдив 31 октября–3 ноября 2006 г.). — Пловдив, 2007. — С. 318–326.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 242 с.
3. Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета // Русский язык в научном освещении. — 2006. — № 2 (12). — С. 165–185.
4. Чуковский К. И. Живой как жизнь (Разговор о русском языке). М.: Зебра-Е, 2009. — 304 с.

⁷ См.: Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета // Русский язык в научном освещении. № 2 (12). М., 2006.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Использование интерактивных технологий в итоговом контроле при изучении иностранных языков

*Н. А. Прохорова**

Аннотация. Статья посвящена актуальному вопросу современной теории и практики преподавания иностранных языков — использованию интерактивных технологий. Автор подчеркивает, что интерактивные методы имеют большой потенциал развития и применения, и предлагает использовать проект «Экономическая конференция» как вариант осуществления комплексного итогового контроля по завершении работы над модулем «Язык специальности».

Ключевые слова: интерактивный контроль; интерактивные технологии; концепция обучения; методические инструменты; обучение; потенциал; экономическая конференция; язык специальности.

Цель предлагаемого материала — поделиться опытом использования проектной технологии при проведении комплексного итогового контроля по завершении работы над модулем «Язык специальности».

Предварительно следует сделать несколько замечаний.

Во-первых, программа кафедры немецкого языка Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) «Немецкий с нуля», основоположником которой был проф. Б. С. Кандинский, включает три базовых аспекта: общий язык (Allgemeinsprache), деловой / профессионально ориентированный язык (Berufssprache/Sprache für den Beruf) и язык специальности (Fachsprache), что соответствует методике и дидактике, принятой в германистике¹.

Актуальность модуля «Язык специальности» определяется многоплановостью международ-

ных связей с зарубежными партнерами в самых разнообразных сферах — бизнеса, науки, культуры, социальных программ и т. п. На современном этапе развития общества при постоянных информационных контактах крайне востребован язык специальности, который занимает значительное место в общем объеме производственной работы профессионала-международника. Очевидно, чтобы в области профессиональных дисциплин (менеджмента, маркетинга, финансов и т. д.) чувствовать себя уверенно, следует получить специальное языковое образование. Образовательная система должна давать знания и формировать умения, которые востребованы на рабочем месте².

Во-вторых, методическим и дидактическим фундаментом всей программы «Немецкий с нуля» является концепция обучения, ориентированного на действие (Handlungsorientierung)³.

* Прохорова Нина Анатольевна — кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ). E-mail: nina-prokhorova@yandex.ru.

¹ Funk Hermann. Berufsbezogener Deutschunterricht: Grundlagen — Lernziele — Aufgaben. Fremdsprache DEUTSCH. Sondernummer, 1992. S. 4–8.

² Равен Джон, Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М.: Когнито-Центр. 2002. С. 15.

³ Bach Gerhard, Timm Johannes-Peter. Handlungsorientierung als Ziel und als Methode. In: Bach & Timm. 2009. S. 8–13.

Английский философ Спенсер еще в XIX в. отметил: «Цель образования — это не знание, а действие». В настоящее время данное положение, особенно актуальное для профессионально ориентированного обучения иностранному языку, находит все большее признание как в отечественной, так и в зарубежной теории и практике преподавания иностранных языков⁴.

Умение действовать на языке вытекает из сплава профессиональных и языковых знаний, методических умений и навыков, а также социальной зрелости и наличия профессионально ориентированных личностных качеств. Наиболее удачно и наглядно эта идея отражена в модели обучения, разработанной в конце 90-х годов в учебном центре АО «Mercedes-Benz», на которую ссылаются некоторые исследователи⁵. Графическое изображение образовательной модели показывает, как из соединения профессиональной компетенции (Fachkompetenz), методической компетенции (Methodenkompetenz) и социальной компетенции (Sozialkompetenz) рождается компетенция действия (Handlungskompetenz), ожидаемая и востребованная от современного специалиста.

В-третьих, урок, ориентированный на действие (handlungsorientierter Unterricht), имеет свои инструменты: ролевые игры, конференции, дискуссии, круглые столы и т. п., которые объединяются в группу с общим названием «интерактивные технологии»⁶. Задача последних, с одной стороны, инициировать познавательную активность студентов, их умение ориентироваться в профессионально значимых ситуациях общения, а, с другой стороны, — формировать самодостаточную личность, обладающую всеми необходимыми компетенциями⁷.

Следует особенно подчеркнуть, что постоянно совершенствующиеся интерактивные

методы, ставшие неотъемлемой составляющей процесса обучения, имеют большой потенциал развития и применения. Так, например, проект как организованный структурированный способ достижения конкретного результата при сложной задаче⁸ представился интересным вариантом осуществления комплексного итогового контроля аспекта «Язык специальности».

Оставляя в стороне теоретические положения, связанные с проектной технологией, опишем наш пример.

Комплексный итоговый контроль предусматривает проверку в рамках одного мероприятия, решены ли задачи и достигнуты ли цели соответствующего раздела программы.

Цели и задачи модуля «Язык специальности» формулируются следующим образом:

- 1) овладеть экономической терминологией;
- 2) научиться читать литературу по специальности, осуществлять самостоятельно поиск материалов по заданной тематике и использовать их для дальнейшей обработки;
- 3) ознакомиться со спецификой немецкой интерпретации научной дисциплины «Экономика» и научиться сравнивать немецкоязычную концепцию с отечественным видением предмета;
- 4) научиться воспринимать на слух язык специальности;
- 5) научиться высказываться на экономические темы, задавать вопросы, давать комментарии, вести дискуссии;
- 6) научиться реферировать в устной форме любую экономическую тему, проводить ее презентацию;
- 7) овладеть умением представить материал презентации в письменной форме (например, в форме статьи);
- 8) научиться адекватно перевести фрагменты иностранного научного текста;

⁴ См.: Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Страсбург: Департамент по языковой политике; МГЛУ (русская версия), 2003.

⁵ Fearn Anneliese, Lévy-Hillerich Dorothea. Kommunikation in der Wirtschaft. München, Goethe-Institut / Plzeň, Frans / Berlin, Cornelsen, 2009. S. 11.

⁶ Handlungsorientierter Unterricht / Wikipedia [Электронный ресурс] URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Handlungsorientierter_Unterricht (дата обращения 02. 08. 2013).

⁷ Николаева Т. Н. Инновационные подходы в обучении иностранным языкам. Гуманитарные науки. Вестник Финансового Университета № 1 (5). М.: 2012. С. 149.

⁸ Ньютон Ричард. Управление проектами от А до Я. М.: Альпина Паблишер, 2012. С. 17; Pionczyk Artur. Projekt-management. Mannheim. Zürich, Dudenverlag, 2011. S. 6–11, S. 37–62.

9) научиться составлять на русском языке информационную справку по изучаемому вопросу;

10) овладеть умением создать на русском языке аннотацию своей презентации и ее письменных материалов.

Работа над модулем завершается экономической конференцией, задача которой — ответ на вопрос, достигли ли студенты такого уровня профессиональной, языковой, методической и социальной компетенции, который позволяет им в самостоятельном режиме:

- найти, выбрать, изучить, обработать, презентовать (в устной и письменной форме) новый, не изученный ранее на занятиях материал;
- организовать и провести публичное мероприятие.

По характеру поставленной задачи конференцию действительно стоит рассматривать как проект, так как здесь присутствуют необходимые взаимосвязанные характеристики: объем и сложность работ, параметры качества, сроки, стоимость и риски⁹.

Для того чтобы обеспечить проекту успех, необходимо четкое уяснение его смысла, целей и конечных результатов, а также четкое планирование и контроль выполнения.

Проект «Конференция» предусматривает двухплановое решение задач: в сфере языковой и управленческой.

Языковые задачи

Студенты самостоятельно:

1) изучают новую тему по базовым учебным материалам с привлечением дополнительных источников;

2) выбирают конкретный вопрос в рамках общей тематической проблематики для последующего выступления на конференции;

3) по желанию формируют команду разработчиков выбранного вопроса;

4) определяют форму презентации материала;

5) готовят выступление на конференции в рамках регламента;

6) составляют сопроводительный информационный рекламный лист, в который входят план выступления, список базовой лексики с переводом, цитаты и т. п., а также краткая аналитическая справка на русском языке;

7) готовят письменно материалы презентации в виде статьи для возможной публикации.

Управленческие задачи

Студенты самостоятельно готовят и проводят конференцию на немецком языке. При этом они создают ряд проектных групп, каждая из которых решает конкретную задачу:

- разработка общей концепции и сценария;
- конференс;
- реклама и дизайн;
- техническое обеспечение и медийная поддержка;
- учреждение номинаций и поощрительных премий;
- организация фуршета;
- сопровождение гостей и т. д.

Таким образом, каждый студент является не только автором и создателем собственного продукта (презентации и статьи), но творцом и участником общего, коллективного мероприятия, приобретая тем самым опыт как языковой, так и управленческий.

При организации масштабного проекта необходимо учитывать, что его нельзя пускать на самотек. Именно от организатора ожидается принятие решений, планирование действий и организация контроля. Управление проектом — процедура психологически и эмоционально весьма затратная, так как по сути это управление людьми: необходимо выслушать, объяснить, отследить, проинструктировать, направить, похвалить, поддержать, мотивировать, скорректировать. Успех зависит от эффективности общения со студентами, от умения создать комфортную атмосферу как в аудитории, так и вне. Проект требует предельной концентрации внимания и постоянного мониторинга действий всех участников, а чем больше участников, тем сложнее логистика управления.

Базовым инструментом управления проектом является план, на основе которого

⁹ Ньютон Ричард. Управление проектами от А до Я. М.: Альпина Паблишер, 2012. С. 17; Pionczyk Artur. Projekt-management. Mannheim. Zürich, Dudenverlag, 2011. S. 6–11, S. 37–62.

вырабатывается определенный алгоритм, так называемая «пошаговость», или «поэтапность», развития проекта. Первый «шаг» — это стартовая встреча: знакомство с описанием проекта; а последний шаг — это завершение проекта: оценка и анализ результатов. В нашем случае оценка проекта в целом и его участников в отдельности осуществляется многопланово — это и самооценка, и оценка преподавателей, и оценка со стороны всех участников.

Многолетний опыт проведения конференций на основе проектной технологии, а самое главное — достижение при этом поставленных целей, доказали эффективность нашего эксперимента.

И еще один интересный факт. Проект «Конференция», инициированный на кафедре немецкого языка ВАВТ как интерактивная форма комплексного итогового контроля студентов факультета экономистов-международников, постепенно расширял свои границы и привлекал к участию студентов других факультетов. С 2011 г. конференция приобрела статус Межвузовской научной конференции немецкоговорящих студентов, и в ней принимают участие студенты Финансового университета при Правительстве РФ. По итогам

прошедших межвузовских конференций уже вышли сборники¹⁰, в которые вошли материалы выступлений студентов на немецком языке, сопровождающиеся аннотациями на русском языке. Работы студентов представляют несомненный интерес, так как многие оригинальные положения по обсуждавшейся на конференции проблематике, а также изложенные в материалах факты и их интерпретация основаны на данных иностранных, прежде всего немецкоязычных, источников.

Разработав идею и создав общие рамочные условия проекта, я каждый год с нетерпением ожидаю, в какой конкретной форме студенты его организуют и проведут. Каждая прошедшая экономическая конференция, а их состоялось уже десять, была уникальна и становилась настоящим праздником немецкого языка и экономической науки. Меня как руководителя проекта искренне радует большой интерес и творческий подход студентов к этому мероприятию.

В заключение присоединюсь к словам старинной мудрости: «Многому я научилась у своих наставников, еще большему — у своих товарищей, но больше всего — у своих учеников».

Литература

1. *Bach Gerhard, Timm Johannes-Peter.* Handlungsorientierung als Ziel und als Methode // *Bach & Timm.* — 2009. — S. 8–13.
2. *Fearns Anneliese, Lévy-Hillerich Dorothea.* Kommunikation in der Wirtschaft. — München, Goethe-Institut / Plzeň, Frans / Berlin, Cornelsen, 2009.
3. *Funk Hermann.* Berufsbezogener Deutschunterricht: Grundlagen — Lernziele — Aufgaben. Fremdsprache DEUTSCH. — Sondernummer, 1992.
4. *Funk Hermann.* Berufsbezogener Deutschunterricht: Grundlagen — Lernziele — Aufgaben. Fremdsprache DEUTSCH. — Sondernummer, 1992.
5. *Pionczyk Artur.* Projekt-management. Mannheim. Zürich, Dudenverlag, 2011. — S. 6–11, S. 37–62.
6. *Николаева Т. Н.* Инновационные подходы в обучении иностранным языкам // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* — 2012. — № 1 (5). — С. 147–150.
7. *Ньютон Ричард.* Управление проектами от А до Я. М.: Альпина Паблишер, 2012. — С. 17.
8. *Равен Джон.* Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. — М.: Когнито-Центр. 2002. — 396 с.

¹⁰ См.: Финансовые аспекты развития: состояние и перспективы: Материалы I-ой Межвузовской научной конференции немецкоговорящих студентов (Москва, ВАВТ, апрель 2011). М.: ВАВТ, 2012; Финансовые аспекты развития: состояние и перспективы: Материалы II-ой Межвузовской научной конференции немецкоговорящих студентов (Москва, ВАВТ, апрель 2012). М.: ВАВТ, 2013.

Советская и китайская модели социализма: анализ на основе исследований китайских ученых

Чжао Янь*

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ советской и китайской моделей социализма на основе исследований китайских ученых. Автор приходит к выводу, что путь социализма с китайской спецификой является путем научного социализма, соответствующего национальным условиям и реалиям развития и прогресса современного Китая. В статье раскрывается солидарная борьба партии и народа за соединение научного социализма с китайской действительностью в контексте требования современной эпохи.

Ключевые слова: гармоничное социалистическое общество; китайская модель социализма; китайская специфика; марксизм; политический прогресс; развитие общества; советская модель социализма; социализм; экономическое процветание.

В последние годы по вопросу соотношения советской и китайской моделей социализма проводится (и не прекращается) дискуссия среди китайских ученых. Одни считают, что китайская модель — это полное отрицание модели советской, которая является тупиком. А по мнению других, модели по существу и в основных принципах одинаковы: китайская модель преобладала и развивала советскую. Как монета с двумя сторонами, каждый взгляд несет некоторую долю истины.

Как правильно познать общие и отличительные черты двух моделей, как научно оценивать советскую модель и как с точки зрения исторического материализма смотреть на эти две модели, поскольку речь, в конечном итоге, идет о том, в каком направлении продвигается человеческое общество, имеет ли перспективу мировая система социализма. Поэтому

стремление разобраться в связи между китайской и советской моделями имеет большое теоретическое и практическое значение.

«Советская модель и китайская модель имеют не только тесную связь, но и очевидные отличия. Они являются двумя моделями современного социализма. То есть один социализм, две модели. Трудно дать оценку одной модели без внимания к другой»¹. Мы постараемся проанализировать две модели и связь между ними на основе исследований китайских ученых.

1. О понятии двух моделей

О советской модели

Как известно, о том, что такое советская модель, нет единого мнения у китайских ученых. По этой проблеме существует несколько точек зрения.

* Чжао Янь — доктор философии, доцент Народного университета Китая. E-mail: rangnazhao@mail.ru.

¹ Хуан Цзунлянь, С модели Советского Союза до социализма с китайской спецификой // Исследование истории компартии Китая, 2010. № 7.

Во-первых, в советской модели была велика роль лидера компартии Советского Союза в процессе строительства социализма, в том числе и в период нэпа и «военного коммунизма» при Ленине. Научный сотрудник АОН Китая У Эньюань отметил, что с точки зрения содержания в советской модели сформировались способы, с использованием которых строился социализм в Советском Союзе. В содержание модели входили не только экономика, политика, но и культура, дипломатия и т. п.²

Согласно другому варианту советская модель — это социалистическая система с высоким уровнем концентрации советской власти в экономике и политике, сложившаяся после Октябрьской революции в первой социалистической стране, вставшей на путь строительства и находившейся в капиталистическом окружении. Можно сказать, что эта модель начала складываться при В. И. Ленине, а сформировалась при И. В. Сталине³.

Во-вторых, советская модель — это и есть сталинская модель. Так считают многие ученые. Например, Ван Шухуай отмечает, что советская, или сталинская, модель создавалась Сталиным с конце 20-х годов до начала 50-х годов XX в. И в сталинский, и в послесталинский периоды проводились некоторые реформы, в том числе при Хрущеве и Брежнев, но сама модель по существу не изменилась и в конечном итоге привела к застою, окостенению⁴. Гу Хайлян в своей книге «История развития марксизма» пишет, что советская социалистическая модель является способом, или путем, сформировавшимся в ходе строительства социализма под руководством Сталина, что это и есть форма конкретной реализации социализма в Советском Союзе. По его словам, Сталин является главным создателем советской модели⁵.

И как показывает история, все так называемые реформы, проводимые после Сталина руководителями бывшего Советского Союза, в основном проходили в русле сталинской модели. Поэтому когда речь идет о советской модели социализма, мы обычно имеем в виду сталинскую модель. Это положение практически не оспаривается китайскими учеными.

А что касается исходной и конечной точек советской модели, здесь тоже нет единого мнения. Одни считают, что советская модель началась с 1917 г., то есть с поиска Лениным путей построения социализма после победы Октябрьской революции. Другие относят возникновение советской модели к послеленинскому периоду, то есть с 1923 г. Но несмотря на то с какого периода началось формирование советской модели, туда не была включена гуманистическая и демократическая реформа, проводимая М. С. Горбачевым.

О китайской модели

С 80-х годов XX в. вопрос о пути развития Китая начал вызывать интерес у международной общественности. Было выдвинуто понятие «китайская модель». А после входа в XXI в. «китайская модель» оказалась в центре внимания международной общественности, потому что Китай играет все большую роль на международной арене.

Но что такое китайская модель? Как понимается ее сущность учеными?

Из работ иностранных ученых и политиков мы видим, что понятие «модель» имеет много оттенков. Под моделью они понимают «путь развития», «опыт развития», «концепцию развития», а иногда «конкретные курсы и политики». Поэтому вместе со словосочетанием «китайская модель» они параллельно употребляют «китайский опыт», «китайский путь», «пекинский консенсус (Beijing

² У Эньюань (историк, научный сотрудник АОН Китая, направление исследования: история России), См. работу: Анализ отношений между социализмом с китайской спецификой и советской моделью // Исследование марксизма, 2007. № 8.

³ Фэн Яньли, Сравнительный анализ социализма с китайской спецификой и социализма советской модели // Трибуна Цзяньхань, 2007. № 11.

⁴ Ван Шухуай, Социализм с китайской спецификой — основное отрицание советской модели // Поиски и споры, 2007. № 12.

⁵ Гу Хайлян, История развития марксизма. Пекин: Народный университет Китая, 2009.

⁶ Rato, Joshua Cooper (Джошуа Рато), The Beijing Consensus: notes on the new physics of Chinese power. L.: The Foreign Policy Centre, 2004.

Consensus)⁶ и т. п. А эти понятия часто по-разному воспринимаются и некоторыми китайскими учеными.

Ма Шаньлун сравнил социализм с китайской спецификой и социалистическую модель Советского Союза, пришел к выводу, что китайская модель является моделью строительства социализма в Китае, что социализм с китайской спецификой — это путь развития, который открыли сами китайцы, не копируя опыт других стран и не заимствуя другие западные модели⁷.

Хуан Цзунлянь считает, что под моделью здесь подразумеваются политические и экономические системы, основные теории и опыт. Проще говоря, китайская модель — социализм с китайской спецификой⁸.

Цинь Сюань — профессор Народного университета Китая, крупный ученый в области исследования марксизма и современных китайских вопросов, считает, что китайская модель — это путь развития социализма с китайской спецификой и удачный опыт, накопленный КПК на этом пути развития⁹. В статье «Анализ понятия китайской модели»¹⁰ Цинь Сюань проанализировал это понятие и пришел к некоторым выводам. Во-первых, китайская модель сформировалась и развилась в Китае, и она, главным образом, решает проблемы Китая. Во-вторых, название «китайская модель» получено в результате сравнения с другими моделями, такими как американская модель, немецкая модель, японская модель и т. п. В-третьих, исходная точка формирования и развития китайской модели началась после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г. Китайская модель сформировалась и развивалась в новый исторический период реформ и открытости.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод: китайская модель является моделью развития общества, в основу которого положены теоретические положения и практика

построения социализма с китайской спецификой. Проще говоря, китайская модель — это модель развития общества с учетом опыта проведения политики реформы и открытости за 30 лет.

Однако нужно отметить, что нельзя упрощать китайскую модель, как это делают зарубежные страны, считая, что китайская модель — это соединение свободы в экономике и деспотизма в политике. И нельзя поверхностно подходить к пониманию китайской модели построения социализма.

2. Отличительные черты советской и китайской моделей социализма

Советская модель является первой в мире моделью социализма. Она была провозглашена как единая для всех стран модель социализма. В начальный период строительства социализма в Китае Коммунистическая партия Китая (КПК) в основном ее копировала. Благодаря этому Китаю успешно удалось следовать основным социалистическим принципам: Китайская Народная Республика (КНР), преодолевая много трудностей, встала на путь индустриализации. Но со временем злоупотребления плановой экономической системой, скопированной с советской модели, привело к трудностям на пути модернизации Китая. Без реформ нет развития. Проведение политики реформ и открытости, строительство социализма с китайской спецификой — это результат поисков и усилий руководителей нескольких поколений Китая, позволивший встать на свой путь развития, доказавший его правильность на протяжении последних 30 лет.

Как рассматриваются соотношения между китайской и советской моделями? Китайские ученые об их отличительных чертах почти не спорят.

Во-первых, китайская модель (социализм с китайской спецификой) является системой

⁷ Ма Шаньлун, Социализм с китайской спецификой и есть китайская модель // Теория и современность, 2008. № 7.

⁸ Хуан Цзунлянь, С модели Советского Союза до социализма с китайской спецификой // Исследование истории компартии Китая, 2010. № 7.

⁹ Цинь Сюань, Рассудочное и разумное мышление о социализме с китайской спецификой // Исследование социализма с китайской спецификой, 2005. № 2.

¹⁰ Цинь Сюань, Анализ понятия китайской модели // Франт, 2010. № 2.

социалистической рыночной экономики, а советская модель социализма основывалась на плановой экономике, которая полностью вытеснила рыночную. Советская модель стояла на позициях общественной собственности на средства производства, которые развивались на основе плановой экономики при чрезмерной концентрации власти и отрицании роли рыночного регулирования. Экономическая деятельность в СССР целиком определялась директивными планами. А китайская модель от нее отказалась, потому что плановая экономика — это еще не социализм, а рыночная экономика — не капитализм. Китай пошел по пути использования рыночной экономической системы. Как об этом говорил Дэн Сяопин: «Рыночная экономика не синоним капитализма», «Неважно, какого цвета кошка — белая или черная. Лишь бы она хорошо ловила мышей».

Во-вторых, в экономической сфере Китай придерживается положения о доминировании общественной собственности. Но при этом развиваются различные секторы экономики, что образует новую архитектуру, характеризующуюся экономически справедливой конкуренцией и совместным развитием всех форм собственности. Принцип распределения по труду остается главной формой распределения. В то же время допускаются и другие формы, дополняющие его. Социализм советской модели характеризовался низким уровнем производительных сил. Его ориентация прежде всего на общественную форму собственности делала другие формы собственности малозначимыми, а высокая концентрация внимания на плановом характере экономики и чрезмерная централизация власти фактически сводили к нулю роль рыночного регулирования. Отсюда экономическая деятельность целиком определялась директивными планами.

В-третьих, китайская модель придерживается политики реформ и открытости, тогда как советская модель являлась фактически закрытой и обнаруживала явные признаки застоя. В итоге застой и замкнутость неизбежно вошли в противоречие с быстро растущей экономической глобализацией, в результате

чего замедлились темпы экономического развития, ослабли научно-технические и культурные связи между Востоком и Западом, увеличился разрыв между ними. Новая концепция Дэн Сяопина определила направление развития Китая. Политика реформ и открытости отвечает требованиям эпохи и национальным особенностям. Привлечение капитала капиталистических стран, усвоение их передовой техники и опыта управления способствовали и способствуют развитию производительных сил, укрепляют мощь страны. За три последних десятилетия Китай добился выдающихся результатов благодаря политике реформ и открытости.

В-четвертых, главными принципами китайской модели являются развитие производительных сил, ликвидация эксплуатации, классового расслоения и достижение, в конце концов, более высокого уровня жизни. Всеобщее благосостояние, процветание страны стали критерием оценки работы как самих трудящихся, так и руководства страны. Советская модель имела явный перекося в сторону милитаризации экономики. Не провозглашая непосредственно идею «мировой революции» Советский Союз, тем не менее, был ориентирован на лидерство в мировых делах. Внутри страны основное внимание уделялось развитию военной промышленности, что препятствовало повышению уровня жизни народа. На мировой арене развернулась гонка вооружений, шла острая борьба в третьем мире, истощались людские, материальные и финансовые ресурсы. Такая модель развития пагубно сказывалась на развитии страны.

В-пятых, отличие двух моделей проявляется еще в теоретических основах, стратегии развития, политических и культурных системах. Единая плановая экономика Советского Союза вытесняла рыночную экономику. Советский Союз торопился со строительством социализма и переходом к коммунизму. А в китайской модели подчеркивалось, что Китай все еще находится на начальном этапе социализма. Основной задачей, стоящей перед нацией, является создание социалистической рыночной экономики, а Советский Союз ставил целью догнать и перегнать развитые

капиталистические страны в экономике за короткое время. Китайская модель выдвинула стратегию «трех шагов», подчеркивая всестороннее, гармоничное и продолжительное развитие. Советская модель характеризовалась высокой концентрацией власти, тоталитарной идеологией. Китайская же модель придерживается демократического централизма и коллективного руководства.

Одним словом, советская и китайская модели имеют яркие отличительные черты, но их общие черты тоже очевидны, например, обе модели придерживаются социализма, руководства марксизма и компартии, диктатуры пролетариата, системы общественной собственности и принципа распределения по труду. Однако если пристальнее рассмотреть эти общие черты, можно найти еще много конкретных отличий.

3. Преемственность, творческое развитие или полное отрицание?

Среди китайских ученых существует два противоположных мнения о связи между советской и китайской моделями социализма. Первое мнение: две модели по существу и основным принципам одинаковы, китайская модель — это преемствование и творческое развитие советской модели, главные отличия между ними отражаются в их конкретных формах и системах. Это мнение присуще Чжоу Синьчэн¹¹, Лю Шулинь¹² и др. Другое мнение: две модели совсем разные, китайская модель — это прорыв или полное отрицание советской модели, советская модель — тупик. Поддерживающими это мнение учеными являются Лу Наньцюань¹³, Ма Луншань¹⁴, Цзо Фэнжун¹⁵ и др.

По мнению Чжоу Синьчэна, Лю Шулиня и других в советской и китайской моделях выделяются два момента: основные сущность и строй и конкретные системы. По существу

и основному строю две модели одинаковы. Китайская модель преемствовала сталинскую модель. В таком случае нельзя говорить, что китайская модель — это полное отрицание сталинской модели. А конкретные системы советской модели имели и положительную сторону, и отрицательную. Поэтому нельзя полностью отрицать сталинскую модель, необходимо ее научное осмысление. Можно сказать, что в конкретных системах китайская модель творчески развивала советскую, являясь другой моделью социализма.

Ученые с противоположным мнением считают, что теория, строй и системы были направлены против марксизма-ленинизма, не отвечали требованиям научного социализма, не шли в ногу со временем. «На каких аспектах мы ни останавливаемся, социализм с китайской спецификой является полным отрицанием сталинской модели. Это уже было доказано историей реформ и открытости Китая»¹⁶. По их мнению, процесс реформ и открытости в Китае является именно процессом полного отрицания советской модели. Некоторые ученые после всестороннего анализа существенных отличий двух моделей отметили, что китайская модель и советская модель — это две совсем разные модели социализма.

Нужно отметить, что обе стороны единоклассны по вопросу признания китайской модели (то есть социализма с китайской спецификой). Все они высоко несут знамя социализма с китайской спецификой, руководствуются четырьмя основными принципами и поддерживают реформы и открытость. Их спор заключается именно в понимании советской модели.

Ученые с первым мнением в основном приняли советскую модель, считая, что она поддерживала основные принципы социализма. При таком подходе анализ недостатков

¹¹ Чжоу Синьчэн — проф. Народного университета Китая, долгие годы занимается исследованием социализма Советского Союза.

¹² Лю Шулинь — проф. Цинхуаского университета, имеет много публикаций о сталинской модели и о распаде Советского Союза.

¹³ Лу Наньцюань — проф. АНК, специалист по вопросам Советского Союза.

¹⁴ Ма Луншань — научный сотрудник АНК, исследователь истории культуры Советского Союза.

¹⁵ Цзо Фэнжун — специалист по исследованию проблем сильного изменения Советского Союза. См. его работу: Реформы и открытость Китая — это отрицание сталинской модели // Исследование социализма с китайской спецификой, 2007. № 1.

¹⁶ Лу Наньцюань, Отсеивать сталинскую модель, идти по пути социализма с китайской спецификой // Поиск и споры, 2009. № 2.

советской модели и рассмотрение отношений между двумя моделями — это путь, приводящий к выводу о том, что основные принципы двух моделей одинаковы, а их различия проявляются в конкретных системах, которые определяются разными временами и разными историческими условиями. По мнению Чжоу Синьчэна, корень резкого изменения Советского Союза по отношению к Китаю заключается в том, что руководители КП Советского Союза встали на путь ревизионизма, изменив социалистическим принципам. Из этого Китай должен был извлечь урок и настойчиво руководствоваться четырьмя основными принципами. Отрицание советской модели значит отрицание четырех основных принципов и социалистического направления.

Другие ученые считали, что основные положения теории, принципы советской модели разошлись с положениями научного социализма, не отвечали требованиям ситуации, в которой находился Советский Союз. Советская модель — это догма, застой, острые противоречия, отрыв руководителей от народа. Ма Луншань отметил, что советская, то есть сталинская модель, не является настоящим социализмом, так как Сталин искажил марксизм-ленинизм и научный социализм¹⁷. Большое внимание эта группа ученых уделяет анализу недостатков советской модели. Ученые подчеркивают, что Китай совершил ошибки при изучении советской модели. Реформы и открытость при построении социализма с китайской спецификой прежде всего должны были показать ограниченность советской модели. Главный упор этих ученых сделан на реформах и открытости, на роли инновации в системах. Пустые разговоры о четырех основных принципах без акцентирования внимания на огромных достижениях, достигнутых благодаря реформам и открытости, не позволяет понять суть развития социализма с китайской спецификой. Продолжать использовать советскую модель в Китае — это неизбежный путь повторения ошибки Советского Союза.

Эти споры идут и сегодня. Можно сказать, что каждое мнение имеет рациональное звено и недочеты. А самое главное — нужно дать научные оценки советской модели.

4. Советская модель в оценках китайских ученых

Как оценивать советскую модель — это принципиальный вопрос. Ответ на него затрагивает проблему, по какому пути должен идти Китай. Так как будущее направление развития Китая тесно связано с учетом уроков, которые необходимо извлечь из эволюции Советского Союза.

Проф. Чжоу Синьчэн отметил, что оценка советской модели — это не только научный, но и важный политический вопрос, связанный с судьбой компартий и социалистических стран. Мы должны стоять на позициях пролетариата, использовать метод марксизма, научно и позитивно оценивая эту модель. Советская модель — это сочетание основных принципов марксизма с реальными обстоятельствами. Советский Союз — это первая в мире социалистическая страна, которая не имела никакого опыта. Поэтому удачный или неудачный поиск своего пути стал драгоценным опытом для международного коммунистического движения и предоставляет значимый интерес для народов и стран, вставших на путь социалистического развития. Мы должны с вниманием относиться к ошибкам и недостаткам, допущенным в процессе поиска. Нельзя смеяться над предшественником, тем более атаковать его. Нельзя и полностью отрицать его, так как это не соответствует марксистскому отношению к вопросу. По этой же причине нельзя то и дело говорить о «поражении»¹⁸.

У Эньюань считает, что без заимствования опыта Советского Союза, который построил первый в истории человечества социализм, не обойтись. И хотя современники по-разному оценивают советскую модель, следует все-таки признать, что она решила два важных

¹⁷ Ма Луншань, Превосходство социализма с китайской спецификой над советской моделью // Поиск и споры, 2009. № 2.

¹⁸ Чжоу Синьчэн, Анализ социалистической модели Советского Союза // Наука и исследование, 2004. № 8.

вопроса — возникновение и развитие Советского Союза. Советский Союз не только победил фашистов, но и пошел по пути модернизации страны. Шэнь Цзуну — научный сотрудник Института марксизма-ленинизма Академии общественных наук Китая, автор книги «Современное переосмысление сталинской модели» (2004),¹⁹ подтвердил историческое место и достижения советской модели с точки зрения объективного эффекта. Советская модель сыграла плодотворную роль в быстром осуществлении модернизации, в создании крупной промышленной базы, передовой науки и культуры, в укреплении оборонной основы и в других областях. С точки зрения модернизации, Советский Союз взял на себя большую ответственность за экономику и отсталую культуру, при этом он стоял перед угрозой внутренних и внешних врагов. В такой обстановке советская модель помогла стране быстрым темпом осуществить модернизацию и выйти из трудного положения.

А по мнениям Чжэна Ипина и Гуна Хайлина, советская модель не способствовала решению основных задач социализма, строительству социалистической демократии и законодательства, сплочению народов и расцвету науки и культуры, не соответствовала и ленинским идеям о строительстве социализма и в итоге препятствовала быстрому развитию экономики²⁰.

Сяо Фэн подчеркивает, что советская модель является причудливой и закостенелой моделью социалистической практики. Хотя эта модель сыграла огромную роль в истории страны и позволила добиться больших успехов, но в современных условиях она должна быть полностью преобразована. По его мнению, советская модель не обязательна для других стран²¹.

История, по словам Чжан Гуанмина и Ли Чжунюя, после полувековой попытки реализовать советскую модель показала нам, что модель была неудачна. Она была замкнута

и консервативна, не способна себя регулировать, ограничивала активность масс и задерживала развитие производительных сил общества²². Цзо Фэнжун тоже считает, что в советской модели отсутствовал механизм исправления ошибок, что модель не отвечала требованию развития современного общества.

Хотя ученые дали разные оценки советской модели — и положительные, и отрицательные, — все они пришли к единому мнению: чтобы дать более научные оценки, надо придерживаться позиции марксизма, пользуясь методами диалектического и исторического материализма. Беспристрастный анализ и справедливые оценки помогают нам извлечь уроки из исторического прошлого и приобрести опыт. А все это, несомненно, имеет огромное значение для модернизационного процесса построения социализма с китайской спецификой. Распад Советского Союза стал для нас хорошим уроком: социализм непременно должен отвечать велению времени и сочетаться с реалиями страны; нельзя копировать историю и перенимать модели других стран, а надо искать свою модель, соответствующую реалиям и специфике своей страны.

5. Китайская модель в соответствии с китайской действительностью

Сравнительный анализ двух моделей социализма позволяет нам увидеть, что путь социализма с китайской спецификой является путем научного социализма, соответствующего национальным условиям и реалиям, знаменем развития и прогресса современного Китая, солидарной борьбы партии и всех народов, результатом соединения научного социализма с китайской действительностью и требованиями эпохи.

Во-первых, китайская модель показала жизнеспособность и придала новую силу социализму.

¹⁹ Шэнь Цзуну, Переоценка сталинской модели — необходимость, способ и др. // Исследование марксизма, 2003. № 1.

²⁰ Чжэн Ипин, Гун Хайлин, Переосмысление сталинской модели // Сюехай, 2003. № 2.

²¹ Сяо Фэн, Мой взгляд на Сталинские вопросы. [Электронный ресурс] URL: www.people.com.cn (дата обращения 13.09.2013).

²² Чжан Гуанмин, Основные особенности сталинской модели // Исследование России, 2003. № 1.

Соединяя основные положения научного социализма и марксизма с конкретной действительностью Китая, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао и руководство ЦК партии нашли вариант социализма с китайской спецификой, творчески развили марксизм. Поиски социализма с китайской спецификой китайские коммунисты начали с того, что поставили вопрос о том, что такое социализм и как его строить. После долгого размышления они пришли к выводу, что бедность — не социализм и тем более не коммунизм. А зажиточность и высокое развитие не принадлежат лишь капитализму. Революция производственных отношений, сделанный упор на классовую борьбу, не являются золотым мостом в коммунизм. Социализм должен создать более высокую производительность труда, чтобы достижениями пользовались все трудящиеся. Под руководством китайских коммунистов был успешно осуществлен перенос центра работы на экономическое строительство. Тридцатилетний высокий рост экономики, реформы и развитие общества создали новый имидж социализма: политический прогресс, экономическое процветание, гармоничное социалистическое общество, ориентированное на развитие человека. Это большие эпохальные достижения научного социализма.

Во-вторых, китайская модель представляет собой новую модель развития общества.

Изначально людям говорили, что рыночная экономика присуща лишь капитализму и что только плановая экономика являлась основной характеристикой социализма. В процессе реформ и открытости Дэн Сяопин смело заявил: «Не следует думать, что плановая экономика означает социализм, а рыночная экономика — капитализм. Это не так, и то и другое — средства, рынок тоже может служить социализму». Освободившись от оков традиционных мыслей, китайские коммунисты начали великую практику создания рыночной системы социализма, которая отличается и от традиционной плановой экономики,

и от рыночной экономики капитализма. Она соединила основные принципы социализма и, между прочим, руководствовалась общей закономерностью обобществленного производства. Эта новая модель развития общества (соединение рыночной экономики с социализмом) правильно определила взаимоотношения между социализмом и капитализмом, то есть их противоположность и связь друг с другом, заимствования и сотрудничество. Таким образом, два разных строя смогут сосуществовать и способствовать созданию гармоничного мира.

В-третьих, социализм с китайской спецификой показал пример поиска собственного пути развития для развивающихся стран.

Исходя из действительности, творчески развивая теорию марксизма, Китай сумел накопить опыт, который имеет мировое значение и является полезным для развивающихся стран, встающих на путь собственной модернизации. Соединять марксизм с конкретной действительностью страны, следовать основным принципам социализма при проведении реформ, принципиально изменять конкретную систему, сковывающую возможности развития производительных сил, проводить реформы без изменения сущности социализма — все это является новой основой для строительства и развития научного социализма.

6. Радужная перспектива китайской модели

Полвека назад Китай, наряду с СССР, в глазах «цивилизованного мира» входил в «ось зла». 30 лет назад мир узнал, что и в условиях коммунистической системы можно делать бизнес. Сегодня тот же самый «цивилизованный мир» смотрит на Поднебесную, затаив дыхание, видя в ней новый локомотив мировой экономики²³.

За более чем 30 лет в Китае произошли колоссальные перемены. Немало иностранных друзей при прямых или косвенных контактах

²³ Никонов И., Китай: великий прорыв или великий провал? // Правда [Электронный ресурс] URL: http://wwwpravda.ru/world/asia/foreast/01-02-2013/1143560-china_stagnation-0 (дата обращения 13. 09. 2013).

с Китаем стали свидетелями новой истории страны.

Китайская экономика демонстрировала невероятный рост. Страна энергично пробивалась в ряды мировых держав, буквально расталкивая локтями прочих претендентов. Особенно ярко это проявилось в период кризиса 2008–2009 гг. Китайская экономика развивается уверенными и быстрыми шагами. Среднегодовой прирост ВВП достиг 10%. В 2007 г. он составил более 11%, что в несколько раз превышает рост ВВП в таких странах, как США, ФРГ, Япония. Китай третий год подряд является крупнейшей в мире страной-экспортером и занимает второе место по импорту в период с 2003 по 2011 г. Еще недавно отсталый, Китай сегодня вышел на первое место в мире по производству зерна, хлопка, мяса, яиц, фруктов, аквапродукции, тканей, телевизоров, стали, угля, цемента и т. д. Китайцы активно торгуют на мировом рынке. Китайские товары буквально заполнили полки магазинов в развитых и развивающихся странах мира. Китай уже занимает по объему высокотехнологичного производства второе место в мире, по протяженности скоростных железных дорог — первое место, по общей протяженности скоростных автодорог — второе место, по запасам гидроэнергетических ресурсов, по объему инвалютных резервов, по числу людских ресурсов в сфере науки и техники — первое место в мире. В стране быстро развиваются энергетика, электроника, химическая промышленность. Развитие китайской

промышленности постепенно приобретает инновационный характер. В различных отраслях осваиваются и применяются современные гибкие технологии. В стране широкое распространение получили сотовые телефоны, компьютерная техника, Интернет (второе место по количеству интернет-пользователей). Развитие науки и техники обеспечили выход человека в космос. Китай стал третьей державой мира по созданию пилотируемых космических кораблей.

Американский ученый Т. Г. Карпендер²⁴ отметил, что Китай показал пример развития экономики и процветания общества всему миру. Он даже подтвердил, что Китай не только достиг огромного прогресса в борьбе с бедностью, но и играет все более важную роль в международных делах, активно содействуя решению основных региональных и международных вопросов. Китай неоднократно подчеркивал свой путь мирного развития, процветание Китая является хорошей вестью не только для США, Восточной Азии, но и для всего мира²⁵.

Одним словом, Китай сегодня — это быстро развивающаяся страна с современной промышленностью, развитой наукой и культурой. Путь социализма с китайской спецификой — это путь строительства богатого, могущественного, демократического, цивилизованного и гармоничного модернизированного социалистического государства, путь осуществления великого возрождения нации.

Литература

1. *Ramo, Joshua Cooper (Джошуа Рамо)*. The Beijing Consensus: notes on the new physics of Chinese power. — L.: The Foreign Policy Centre, 2004.
2. В Китае произошли огромные перемены // Агентство Синьхуа Источник [Электронный ресурс] URL: <http://kz.chineseembassy.org> (дата обращения 13. 09. 2013).
3. *Ван Шухуай*, Социализм с китайской спецификой — основное отрицание советской модели // *Поиски и споры*. 2007. — № 12.

²⁴ Т. Г. Карпендер — известный американский специалист по внешней политике, заместитель директора Института Като, следящий за развитием Китая и изучающий Китай.

²⁵ В Китае произошли огромные перемены // Агентство Синьхуа Источник [Электронный ресурс] URL: <http://kz.chineseembassy.org> (дата обращения 13. 09. 2013).

4. Гу Хайлян, История развития марксизма. — Пекин: Народный университет Китая, 2009.
5. Илья Никонов, Китай: великий прорыв или великий провал? // Правда [Электронный ресурс] URL: http://www.pravda.ru/world/asia/foreast/01-02-2013/1143560-china_stagnation-0 (дата обращения 13. 09. 2013).
6. Лу Наньцюань, Отсеивать сталинскую модель, идти по пути социализма с китайской спецификой // Поиск и споры. — 2009. — № 2.
7. Ма Лунишань, Превосходство социализма с китайской спецификой над советской моделью // Поиск и споры. — 2009. — № 2.
8. Ма Шаньлун, Социализм с китайской спецификой и есть китайская модель // Теория и современность. — 2008. — № 7.
9. Сяо Фэн, Мой взгляд на Сталинские вопросы. [Электронный ресурс] URL: www.people.com.cn (дата обращения 13.09.2013).
10. У Эньюань, Анализ отношений между социализмом с китайской спецификой и советской моделью // Исследование марксизма. — 2007. — № 8.
11. Фэн Яньли, Сравнительный анализ социализма с китайской спецификой и социализма советской модели // Трибуна Цзяньхань. — 2007. — № 11.
12. Хуан Цзунлян, С модели Советского Союза до социализма с китайской спецификой // Исследование истории компартии Китая. — 2010. — № 7.
13. Цзо Фэнжун, Реформы и открытость Китая — это отрицание сталинской модели // Исследование социализма с китайской спецификой. — 2007. — № 1.
14. Цинь Сюань, Рассудочное и разумное мышление о социализме с китайской спецификой // Исследование социализма с китайской спецификой. — 2005. — № 2.
15. Цинь Сюань, Анализ понятия китайской модели // Франт. — 2010. — № 2.
16. Чжан Гуанмин, Основные особенности сталинской модели // Исследование России. — 2003. — № 1.
17. Чжоу Синьчэн, Анализ социалистической модели Советского Союза // Наука и исследование. — 2004. — № 8.
18. Чжэн Ипин, Гун Хайлин, Переосмысление сталинской модели // Сюехай. — 2003. — № 2.
19. Шэнь Цзуну, Переоценка сталинской модели — необходимость, способ и др. // Исследование марксизма. — 2003. — № 1.

ХРОНОГРАФ

Издательское дело в моей жизни Профессия — издатель

Б. А. Мясоедов*

Читатель, покупающий или раскрывающий книжку не всегда хорошо представляет, какова «кухня» приготовления взятого в руки фолианта. И здесь возникает тот, кто пестует книгу на всех этапах ее пути, от идеи темы, до читателя. Это издатель. Понятие «издатель» объединяет автора, рецензента, редактора, корректора и много занятий, которые то возникали, то исчезали по ходу прогресса полиграфии и книжной торговли. Издатель — это особая профессия. Надо иметь высокую культуру, широкий кругозор, чувствовать книгу, привлекать к проекту партнеров, подвижников.

Мое становление как издателя прошло несколько этапов. Это дипломная работа «Экономические воззрения А. И. Чупрова» у научного руководителя И. Д. Удальцова, старт в крепком партийном издательстве «Московский рабочий», где в коллективе опытных сотрудников я постигал азы редакторской практики. Затем — по году труда сначала в качестве младшего научного сотрудника кафедры политической экономии Экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по «Курсу политической экономии» Н. А. Цаголова, а затем как консультанта отдела экономических проблем «Экономической газеты» ЦК КПСС. Более пяти лет я был старшим редактором редакции экономической и юридической литературы Главной редакции общественно-политической литературы Комитета по печати при Совете Министров СССР по координированию экономической литературы в СССР.

Работая в издательстве «Статистика», я начал собирать и издавать статистическое наследие. Как заместитель главного редактора три года курировал там выпуск переводной статистической литературы, а в 1969 г. организовал первую в стране редакцию демографической литературы. Когда А. Я. Боярский, директор НИИ ЦСУ, выделил комнату для нашей новой редакции, вот тогда-то я осознал подлинное значение издательской деятельности. С профессором МГУ Д. И. Валентеем мы учредили книжную серию «Народонаселение». В. П. Пискунов, В. С. Стещенко в Киеве стали опорой демографической науки на Украине. С ними мы выпустили избранные труды С. А. Томилина и Ю. А. Корчак-Чепурковского.

Затем были десять лет работы в издательстве «Мысль» и еще многие годы в издательстве «Экономика», куда перевели всю редакцию из «Мысли». Опыт, приобретенный на каждом из этих этапов, вносил свою лепту в формирование у меня вкуса к экономической литературе, творческому наследию экономистов давнего и недавнего прошлого.

К сегодняшнему дню пятьдесят лет посвятил я издательской деятельности в области экономики, из них более тридцати лет прошли в условиях политической цензуры. Книгоиздательская политика страны формировалась в рамках традиций государства. И все мы находились под определенным давлением системы и ее цензуры.

Институт цензуры и запрещенная литература существовали в России с давних

* *Мясоедов Борис Алексеевич* — в 1955 году окончил Экономический факультет МГУ, в 1975 году защитил кандидатскую диссертацию, с экономическими текстами начал работать в 1957 году. Работал в «Экономической газете», Комитете по печати СССР, в издательствах «Московский рабочий», «Финансы и статистика», «Мысль», «Экономика», издательстве Коммерческого института, в настоящее время директор издательства «Русская энциклопедия».

времен — были они и при царизме, и при советской власти. Россию всегда отличала интенсивность духовной жизни, но большевистское идеологическое удушение возникающие резервации русского духа старалось уничтожить в зародыше. Уже 24 марта 1918 г. был первый суд над словом. Судили по делу «Русских ведомостей» редактора П. В. Егорова, и за что? — за попытку воздействия на умы! На долгие годы была отключена или искажена историческая память народа. Как это происходило, весьма красноречиво показывает эволюция литературной критики. Если великий критик и публицист В. Г. Белинский давал ежегодные обзоры вышедших книг, то И. В. Сталин на горьковской поэме «Девушка и смерть» просто написал кратко: «Эта штука сильнее «Фауста» Гёте». А вот его оценка поэта: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Я помню распространенное суждение о книгах: «Не впечатляет!». И такое суждение оказывалось решающим в эпоху цензуры. Автору говорили: «Мы послали в инстанции, а там сказали: не впечатляет». Искать, кого и что не впечатляет, было бесполезно. Под влиянием идеологического воздействия общество, его люди теряли традиционные, веками складывавшиеся, привычные ценности, жизнь тупела.

В СССР право на издание своих трудов потеряли авторы, отверженные Октябрьской революцией (философ Н. Бердяев, экономист В. Леонтьев, социолог П. Сорокин), а затем и репрессированные. С конца 1920-х гг. в СССР усилилась изоляция от общественной деятельности ученых-экономистов. Массовые репрессии 1930-х гг. не благоприятствовали научным изысканиям и широким теоретическим обобщениям. Ученые подвергались гонениям, многим из них приходилось переключаться на практическую работу. Так завершилась творческая судьба известных в СССР экономистов и государственных деятелей — В. А. Базарова, Я. М. Букшпана, Н. И. Бухарина, В. Г. Громяна, Н. Д. Кондратьева, Е. А. Преображенского, И. И. Рубина, А. В. Чаянова.

Я помню цензуру, помню, как беспощадно обходились с текстами, как безжалостно цветными карандашами расчеркивали. Чтобы

получить разрешение на публикацию у Главлита (органа, осуществлявшего цензуру всех изданий в стране и всей ввозимой литературы), издательства требовали от автора: *выделите красным мысли, взятые из произведений классиков марксизма-ленинизма; синим — взятое из «Большевика», «Правды» и других партийных изданий; зеленым — из прессы; особо отметьте авторские мысли; на полях текста проставьте источники.* Участь «раскрашенной» таким образом рукописи была печальна. Авторские мысли выбрасывались вовсе. Из подчеркнутого зеленым оставалось процентов двадцать. Из уцелевшего текста профессионал-редактор делал очередную жвачку, твердо зная, что за выброшенный текст и текст, взятый из большевистских изданий, он не несет ответственности. Двойное сито «редактор-цензор» сделало серым поток книг. Я помню слова директора издательства, когда в Ленинграде вышли три ярчайших романа Ремарка: «А нам нужна хорошая серая книга».

В советское время в издательствах массовыми тиражами и по приемлемым ценам выходило довольно много книг, а на полках стояли произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина и комментарии к ним, затем добавились произведения Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко, М. С. Горбачева. Антимарксистским, антиленинским взглядам редакторы издательств и цензоры Главлита ставили непреодолимые барьеры. По спискам цензуры из библиотек изымались книги. Наличие запрещенных книг в домашней библиотеке грозило солидным сроком. Мои сослуживцы по издательству «Мысль» в 1983 году получили тринадцать выговоров за то, что «осмелились» выпустить маленькую книжечку А. Ф. Лосева «Соловьев».

Объяснение, почему именно такими были книги, журналы, газеты ушедшего вместе с Советским Союзом времени, дают слова Н. Н. Миклухо-Маклая по поводу специфического толкования слов и понятий в России: «*Дикая татаро-монгольская орда с ее свирепой жестокостью, презрением к духовным ценностям и разделением общества на рабов и вождей принесла и укрепила на века в русском государстве положение, при котором право думать*

получили только те из нижестоящих, кто, думая, в мыслях своих угадывал желание вождя. А коль всякое слово толковать можно по-разному, и человек, намереваясь сказать одно, невольно может дать повод понимать его иначе, из страха не угодить вождю, родилась привычка говорить и писать пространно, все со всех сторон обсказывать, обтолковывать, дабы понятным быть в одной лишь позволительной плоскости. Все речи заведомо строились с расчетом на понимание примитивное, и потому развитию мышления у тех, кто читал их или слушал, они не способствовали».

Почему десятки лет издавалось одно и то же, а что не то же, то в духе одного? И этим занимался огромный идеологический аппарат, люди которого знали, что можно, а чего нельзя. Именно это и было их специальностью. В таких условиях исчезал автор как личность, ибо за него все вопросы решали редактор и цензор, уполномоченный Главлитом. На глазах поколения умирало само творчество. Об исчезновении подлинного автора рассказал мне С. З. Гуров, секретарь наркома А. В. Луначарского. Он работал в конце 1950-х гг. в издательстве «Московский рабочий», и именно от него я узнал, что в какой-то момент вместо *Автора* на авансцену вышел литературный негр, литературный обработчик — лицо, пишущее книги, статьи за другого, к примеру, за руководящего политического, государственного деятеля или за человека, имеющего известность и желающего либо защитить диссертацию, либо издать книгу. Иногда имя «негра» указывалось в выходных данных книги. (Сегодня мы то и дело сталкиваемся с этим явлением, засорившим научно-учебный процесс от курсовой работы до докторской диссертации.)

У науки и цензуры функции разные. Наука поставляла в издательство рукописи, цензоры противостояли им на выпуске (хотя, надо сказать, по жизни самых умных людей встречал я и в науке, и в цензуре). Но времена меняются, жизнь меняется, меняется общество, отношения к происходящему переоцениваются, отношение к изданному обретает новый смысл. Наличие цензуры — признак тоталитарного режима. Новые же реалии потребовали отмены цензуры. В условиях постепенной замены марксистско-ленинского единомыслия

идеологическим плюрализмом происходит ранжирование идей и знаний признанием обществом, нужностью государству. Идет совмещение потоков общественных наук России таким образом, что остается то ценное, что дала Страна Советов; вливается из дореволюционного то, что было до большевистского переворота; реабилитируется то, что было задушено большевиками; возвращается то, что эмигрировало; переводится то, в чем нуждается общество. И ныне на полках мы можем видеть книги всех, кто писал и издавался от И. В. Сталина до Л. Д. Троцкого, хотя и малыми тиражами и дороже.

Многие из тех, кого уже опубликовали, — это золотой фонд отечественной экономической науки 20-х гг. прошлого века. Только глядя на нескончаемый поток нового, что идет ныне из СМИ, Интернета и сравнивая с тем скудным пайком, которым нас обеспечивали в студенческие и последующие годы, приходишь к пониманию, что на протяжении нескольких десятилетий в нашей стране в области экономики подлинно научных трудов практически не создавалось. Это стало видно особенно наглядно, когда рядом с произведениями «классиков марксизма-ленинизма» встали работы Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, П. А. Сорокина, Н. Д. Кондратьева, Л. Н. Юровского. Но нам еще предстоит возратить и систематизировать весь огромный научный потенциал, который страна потеряла за три волны эмиграции и в застенках ГУЛАГа. Это тем более важно, что научные идеи не рождаются ежеминутно и не распространяются столь же быстро. Идет процесс накопления, обкатки идей. Идет их корректирование, уточнение. И часто многие идеи, которые были не востребованы в прошлом, приобретают актуальность в настоящем и еще могут понадобиться в будущем.

«Экономическое наследие»: история издательской серии

Как родилась идея. Судьба с детства вела меня к выпуску литературы по политической экономии и истории экономической мысли, по возвращению экономического наследия, важным эпизодам его создания и издания книг. К тем событиям, которые соединили разорванную нить

экономической мысли России, сделали всеобщим достоянием работы западных экономистов, долго остававшиеся за железным занавесом.

В свое время огромное впечатление произвел на меня рассказ Андрея Тимофеевича Тарарухина, заведующего редакцией, где я когда-то работал, о том, как перед Великой Отечественной войной, ему удалось в ведущих библиотеках страны, особенно Москвы, Ленинграда и Киева сохранить предназначенные к уничтожению книги: *«Был я до войны начальником Мособлгорлита и меня вызвали в Ленинку, где уже работали эмиссары из ведомства Л. З. Мехлиса, санкционировать отправку на бумажную фабрику в Ногинск произведения врагов народа. Со стеллажей хлопцы брали книги, вырывали предисловия или целиком скидывали в кучу книги, чтобы погрузить для уничтожения... Я остановил их работу... Заперся в своем кабинете и написал служебную записку на имя товарища Сталина и членов Политбюро... Отправил документ по адресам и стал ждать... Через несколько страшных для меня дней и ночей я был вызван на Политбюро. Сталин, который его вел, сказал: «Послушаем, что нам здесь Тарарухин предлагает». Суть моего выступления сводилась к сохранению книг и созданию для этих целей спецхрана. Я добавил, что при царизме листовки и революционные книги хранились особо... Наступила мучительная для меня пауза тягостного молчания. Ее без обсуждения нарушил Сталин: «А ведь дело предлагает Тарарухин...». Когда я уходил, наши взгляды с Л. З. Мехлисом встретились. Его взгляд не забуду всю жизнь. В ряде библиотек страны были созданы спецхраны, где эти книги сохранились до сих пор». (К слову сказать, много лет спустя сохраненные А. Т. Тарарухиным книги Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова мы брали в библиотеках для переиздания в серии «Экономическое наследие»).*

Я четко осознавал, что анализ экономических реалий не станет полноценным, если исследователь не имеет возможности опереться на всемирное наследие ученых, на критически переосмысленные труды представителей разных научных направлений, в том числе виднейших буржуазных ученых. Нельзя глубоко понять современное состояние экономики без изучения

работ, отразивших многовековой опыт хозяйствования, интенсивные поиски механизма, обеспечивающего рост благосостояния стран и народов. Развитие исследований по истории экономической мысли и народного хозяйства тормозилось ограниченностью или даже отсутствием доступа к таким работам. Реабилитировать книги, вернуть их из спецхрана на полки библиотек (а надо иметь в виду, что некоторые книги тех времен сохранились в стране в одном-двух экземплярах), превратить их в тот родник, из которого студент, преподаватель и власть могли бы черпать знания, — это желание и породило идею создания в издательстве «Экономика» книжной серии «Экономическое наследие».

К работе по формированию концепции серии и составлению ее плана были привлечены специалисты ведущих научно-экономических центров страны (Москвы, Ленинграда, Урала, Сибири, Украины, Прибалтики, Средней Азии, Закавказья), представители как академической, так и вузовской науки. Издательство обратилось с просьбой к экономическим институтам, вузам, редакциям журналов дать предложения и замечания по проекту разосланного плана.

И вот летом 1987 г. Бюро Отделения экономики АН СССР приняло постановление «О развитии историко-экономических исследований». Было решено наладить систематическое переиздание трудов экономистов прошлого в рамках серии «Экономическое наследие». Эта работа была поручена издательству «Экономика» совместно с Отделением экономики АН СССР, Институтом экономики АН СССР. Параллельно предполагалось расширение выпускаемой издательством «Прогресс» серии «Экономическая мысль Запада». Намечалось также организовать выпуск книг историко-экономического характера в издательствах «Наука» и «Политиздат».

Научное руководство по изданию «Экономического наследия» возлагалось на редакционную коллегию, в состав которой вошли известные ученые-экономисты, историки, представители печати¹. Создание серии — дело сложное, требующее большой организационной работы. Советским читателям возвращалась и заново открывалась экономическая

литература огромного теоретического богатства — и отечественная, и зарубежная.

Как заведующий редакцией литературы по политической экономии социализма и коммунизма с более чем 30-летним стажем издательской деятельности я пользовался у директора и главного редактора издательства полным доверием в формировании тематического плана. Гвоздем плана на годы вперед стала серия «Экономическое наследие». Однако без поддержки людей, прекрасно понимавших необходимость сберечь экономическое наследие, стимулировать интерес к его изучению, людей, обладавших гражданской смелостью, чтобы своим авторитетом защитить идею публикации книг не марксистско-ленинского направления, а затем вместе с издателями готовить труды «забытых экономистов» к печати, этот проект тогда реализовать мне вряд ли удалось бы. В то ушедшее время определить «судосходность» идеи было трудно: слишком много барьеров согласования стояло на пути реабилитации русского мировоззрения, «очищенного» политикой и цензурой от инакомыслия.

Роль Леонида Ивановича Абалкина и Николая Андреевича Климова². Академик Л. И. Абалкин являлся главным редактором журнала «Вопросы экономики», председателем диссертационного совета ИЭ РАН по защите докторских диссертаций. Читал цикл лекций в Институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Он опубликовал около 800 печатных работ, в том числе 24 индивидуальных монографии. Будучи крупным специалистом в области методологии экономической науки, проблем экономической политики и хозяйственного механизма, свои главные научные интересы он сосредоточил на разработке путей преобразования российского общества, осмыслении культурно-исторического фона и перспектив экономических реформ. Широкий теоретический кругозор Л. И. Абалкина позволял ему быть координатором многих

научных исследований, видеть место и значение как целых научных направлений, так и отдельной экономической проблемы. Вот такой ученый и возглавил редакционные советы издательских серий «Экономическое наследие» и «Памятники экономической мысли». И это, пожалуй, самая интересная грань научной деятельности академика Л. И. Абалкина.

В 1987 г. Л. И. Абалкин перешел на работу директором Института экономики АН СССР. В это время в редакции литературы по политической экономии социализма издательства «Экономика», где я работал заведующим, издавалась его монография «Новый тип экономического мышления». В одну из встреч у нас состоялся содержательный разговор об экономической литературе, к которому Леонид Иванович привлек своего заместителя по науке Николая Андреевича Климова. Л. И. Абалкин и Н. А. Климов были людьми новых экономических воззрений. Экономисты, мыслители, потомственные интеллигенты, в облике своем они объединяли человеческие, познавательные, творческие стороны незаурядных личностей (всегда буду помнить их жизнерадостную реакцию на идею книги «Политическая экономия для школьников»). Они раньше других уловили духовное движение общества и, когда в людях созрела готовность воспринимать прошлое любознательные России, они стали надежной опорой и поддержкой благородному делу. Они хотели, чтобы несправедливо осужденные авторы вновь заговорили с обществом и новым читателем. И многое, очень многое делали для этого. Они знали, какие организационные рычаги задействовать, как поднять интерес к экономике в стране в целом и к изданию экономических работ в частности. Им по плечу пришлось роль ученых, реабилитирующих книги из спецхрана. Их определяющая роль в этом деле дала зримый импульс к оживлению исследований в области русской и мировой экономической мысли. В своем предсмертном письме

¹ Редакционная коллегия серии «Экономическое наследие» выглядела следующим образом: Абалкин Л. И., академик (председатель), Аганбегян А. Г., академик; Баранов А. А., д. э. н.; Волобуев П. В., член-корр. АН СССР; Гатовский Л. М., член-корр. АН СССР; Жамин В. А., д. э. н. (зам. председателя); Климов Н. А., д. э. н.; Куликов В. В., д. э. н.; Кузьминов Я. И., к. э. н. (ученый секретарь); Мау В. А., к. э. н. (ученый секретарь); Милейковский А. Г., академик; Мясоедов Б. А., к. э. н. (зам. председателя); Петраков Н. Я., член-корр. АН СССР.

² Абалкин Л. И. Россия: осмысление судьбы. М., 2012. С. 757–784; Служение. К 70-летию со дня рождения Н. А. Климова. С. 443–479.

Л. И. Абалкину Н. А. Климов подытоживал: «Логика развития любой науки сводится к постоянному, но периодическому выходу на более мощную систему как способ обобщения накопленного ранее и тем самым на преодоление исследовательских противоречий и тупиков. Для нас это значит преодоление так называемой марксистско-ленинской политэкономии и зарубежных экономий с ее чисто европейской индустриальной традицией». Леонид Иванович писал о своем заместителе: «Он до последнего дня жил заботой о судьбе страны, думал о науке и о возрождении величия России»³. И эти слова Леонида Ивановича о Н. А. Климове можно с полным правом отнести к нему самому и к его участию в каждой книге серии «Экономическое наследие». Под эгидой академика Л. И. Абалкина легче было привлечь и собирать пытливых, увлеченных наукой и идеей реабилитации экономистов исследователей, безошибочно формировать редакционные издания.

Работа над подготовкой серии шла энергично и открыто. Я дал интервью журналу⁴, в котором рассказал о плане изданий на 1988–1989 год и на последующий период, и написал статью на эту тему⁵. И в интервью, и в статье я размышлял о том, какие книги печатать, на концепции каких авторов ориентировать читателя? На излете СССР перестройка скрестила тенденции. Нам надо было определиться: в недавно созданной редакции по выпуску литературы по истории экономических учений и народного хозяйства, объединившей молодых образованных редакторов и привлекавшей таких же молодых перспективных авторов, продолжать по традиции «продвигать» тех, кто укладывался в прокрустово ложе марксизма-ленинизма, или обратиться к авторам «всех времен и народов», зарекомендовавшим себя в русской и мировой экономической мысли выдающимися научными трудами? В качестве главных достижений экономической науки снова публиковать только работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, что-то — из Г. В. Плеханова, Ф. Э. Дзержинского,

С. Г. Струмилина, В. В. Куйбышева, Г. К. Орджоникидзе, с осторожностью — Ю. Ларина, Л. Н. Крицмана, В. П. Ногина? Или все-таки начать с тех, кого 60 лет отвергала официальная советская экономическая и финансовая наука — с Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, Л. Н. Юровского, В. А. Базарова, Я. М. Букипина, Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, В. Г. Громана, С. А. Первушина, Г. Я. Сокольников, Е. А. Преображенского, И. И. Рубина, а из зарубежных — с Т. Мальтуса, Д. Кларка, Ж. — Б. Сэя, К. Родбертуса, Й. Шумпетера?

И тут получил неожиданный удар от публиковавшегося в нашем издательстве доктора наук, ветерана Великой Отечественной войны А. Залкинда. По сложившейся в стране традиции, письмо с самоговорящим названием «О грубых политических ошибках в издательстве «Экономика» было направлено в ЦК КПСС товарищу Е. К. Лигачеву⁶. «Грубые политические ошибки» автор письма увидел в самой идее ввести в научный оборот имена и произведения «запрещенных» экономистов. Я показал копию письма Николаю Андреевичу. Он внимательно прочитал, посмотрел на меня с участием и сочувствием, усмехнулся в своей климовской манере и сказал: «Крепись, это естественная реакция уходящих с арены людей. Я покажу письмо Леониду Ивановичу». Из ЦК КПСС оргвыводов в отношении меня не последовало...

У Л. И. Абалкина заботы в то время были государственные, но внимание, которое он уделял этой проблеме как подлинный ученый и патриот, было огромно. С Леонидом Ивановичем и Николаем Андреевичем нам удалось создать прочную базу серии. Благодаря нашим содержательным беседам по подбору книг в серию в числе первых попали самые достойные авторы — Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, А. А. Богданов, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, то есть те, кто и поныне составляют цвет науки и народнохозяйственной практики. С неизменным интересом Л. И. Абалкин и Н. А. Климов относились к каждому выходявшему изданию.

³ Служение. К 70-летию со дня рождения Н. А. Климова. М., 2002. С. 6, 7.

⁴ Экономические науки. 1987. № 9.

⁵ Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М., 1989. С. 364–367.

⁶ Копия письма в архиве автора. Опубликовано мною в книгах: Абалкин Л. И. Россия: осмысление судьбы. С. 768–772; Служение. К 70-летию со дня рождения Н. А. Климова. С. 449–452.

Как реализовывался проект по изданию серии «Экономическое наследие». Перспективный план выпуска «Экономического наследия» включал свыше 100 названий. В тематике серии было выделено четыре направления:

- история дореволюционной экономической мысли России;
- история советской экономической мысли;
- история зарубежной экономической мысли;
- история народного хозяйства.

В рамках каждого направления предполагалось выпускать монографии и сборники (избранные экономические работы и целостные произведения), а также тематические сборники (дискуссии, подборки документов, материалы архивов).

Главное внимание редколлегии серии сосредоточила на формировании научно-справочного аппарата по каждому изданию, который включал в себя биографию автора, предисловие издателя, обширную библиографию, комментарии, приложения.

В то время специалистов ни по Н. Д. Кондратьеву, ни по А. В. Чаянову, ни по А. А. Богданову, ни по многим другим попавшим в план выпуска персонажам еще не было. Для комментирования произведений и написания биографических очерков Л. И. Абалкин для начала посоветовал обратиться к А. А. Конюсу, в свое время бывшему сотрудником кондратьевского Конъюнктурного института, а попутно искать способную и прогрессивно мыслящую молодежь с тем, чтобы привлечь ее к этой работе. Леонид Иванович счел необходимым ввести родственников авторов в редакционные коллегии соответствующих томов серии. В поисках фотографий и с целью уточнить биографические и иные сведения я встретился с сыном А. А. Богданова доктором биологических наук А. А. Малиновским, с женой Н. И. Бухарина А. М. Лариной, с дочерью А. И. Рыкова Н. А. Рыковой-Перли, с дочерью Н. Д. Кондратьева членом-корреспондентом АН СССР, профессором МГУ Е. Н. Кондратьевой, с сыном А. В. Чаянова кандидатом технических наук В. А. Чаяновым, созванивался с сыном М. П. Томского Ю. М. Томским. Также я постоянно консультировался со специалистами из ЦК КПСС, Главлита, ведущих экономических институтов, в реакции которых

чувствовал интерес к нашей работе. Здесь не могу не вспомнить добрым словом В. И. Седова, В. А. Белянова, В. А. Солодина, К. И. Микульского, В. В. Куликова, В. А. Жамина.

В работе все было вновь. Новыми были и трудности, с которыми мы сталкивались в начале реализации проекта. Угроза со стороны бдительных читателей и борцов за чистоту рядов официально признанных историков-экономистов по-прежнему нависала над издательством. В упомянутом выше обращении в ЦК КПСС А. Залкинд писал: *«Особо следует сказать о Чаянове, Юровском, Кондратьеве. Недавно прокуратура СССР сняла с них обвинение в том, что они являлись вредителями, шпионами и т. д. Но от этого их антимарксистские, антиленинские взгляды не изменились ведь»*. Таким образом, перед редакционными коллежиями книг встала задача вслед за официальной реабилитацией репрессированных авторов реабилитировать их сочинения.

Мы, издательские работники, ощущали особую потребность в моральной поддержке со стороны научного сообщества. Так, довольно много препятствий пришлось одолеть по выпуску книги А. А. Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука»: автор не попал в число реабилитированных, «судоходность» издания была далеко неочевидна. Поэтому при утверждении плана по поводу этого произведения возникли существенные разногласия. Активно отстаивали его издание Л. И. Абалкин и Н. А. Климов, Г. Х. Попов и А. Л. Тахтаджян, и только после того как эти четыре академика вошли в редакционную коллегию книги, она смогла увидеть свет.

Авторам текстов для аппарата книги и редакционным работникам предстояло аннотациями, сопроводительными текстами от издателя, научными комментариями, статьями в специализированных изданиях обеспечить книжную реабилитацию и «Тектологии» А. А. Богданова, и «Проблем экономической динамики» Н. Д. Кондратьева, и «Крестьянского хозяйства» А. В. Чаянова. Как издатели, мы понимали, что комментирование призвано оосовременить выражение темы, заключенной в названии, приблизить тексты к нынешнему пониманию, защитить произведение от нападков

лиц, противившихся принятию ранее отвергаемого. Поэтому с особым тщанием мы подходили к подбору специалистов, участвовавших в создании научного аппарата каждой книги.

В ходе подготовки первых изданий серии выяснилось, что оригинальные тексты рассредоточены по библиотекам, журналам, газетам, а для изучения и введения в научный оборот эпистолярного наследия экономистов необходимо обращение к государственным и личным архивам. Это создавало дополнительные трудности. Но совместными усилиями ученых и издателей, архивистов и полиграфистов при поддержке общественности эти и другие проблемы успешно преодолевались.

Тематическим сборником «Об едином хозяйственном плане» издательство «Экономика» в сотрудничестве с Отделением экономики АН СССР и Институтом экономики АН СССР открыло серию «Экономическое наследие».

В 1989 г. вышли: «Проблемы экономической динамики» Н. Д. Кондратьева, «Крестьянское хозяйство» А. В. Чаянова, «Тектология. Всеобщая организационная наука» А. А. Богданова (в 2 книгах), «Социальные основы кооперации» М. И. Туган-Барановского.

В 1990 г. выпущены: «Избранные произведения» Н. И. Бухарина и «Избранные произведения» А. И. Рыкова, была начата работа над сборником «Русская трудовая артель».

Подводя итоги. Появление первых ласточек из серии «Экономическое наследие» не осталось незамеченным. Наибольший резонанс в академическом сообществе получил выход книги Н. Д. Кондратьева «Проблемы экономической динамики». Отголосками этого события можно считать создание Л. И. Абалкиным Международного фонда Н. Д. Кондратьева, образование Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева и проводимые ими мероприятия.

«Книжное обозрение» поддержало серию «Экономическое наследие» статьями о произведениях А. А. Богданова, Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова⁷. Книги по выходу заняли достойное место на полках библиотек, они были благожелательно встречены не только в СССР, но и за рубежом. Леонид Иванович Абалкин и Николай Андреевич Климов были в курсе переписки издательства «Экономика» с парижской газетой «Русская мысль» и всячески поощряли контакты с газетой, установившиеся по поводу публикации книги А. В. Чаянова⁸.

Выпуская книги серии «Экономическое наследие» мы стремились создать эталон научного издания. Строго была определена персональная ответственность за каждую операцию редакционно-издательского цикла. Работа над аппаратом книги — это по сути своей комментирование книги в целом и текста в отдельности (по меткому выражению Маргарет Тэтчер: «Красный цвет комментируют по-разному»⁹). Редакторы в свою очередь ориентировались на лучшие образцы отечественного и зарубежного книгоиздания, искали и находили такие детали, которые отличали бы тома «Экономического наследия» от бесконечного множества других книг. И сегодня, глядя на эту книжную серию, я с благодарностью вспоминаю тех, кто создавал их в издательстве или принимал участие в подготовке научного аппарата.

После моего ухода из издательства «Экономика» книги в серии «Экономическое наследие» выходили редко. Впрочем, для книги как таковой вообще наступают новые времена, ей приходится соперничать с разного рода электронными носителями информации, стремительно завладевающими симпатиями читателей. Однако книги, как и кино, как и театр ничто не сможет заменить, и они остаются судьбой тех, кто связал свою жизнь с их изданием.

⁷ Книжное обозрение. 1989. № 27; Книжное обозрение. 1989. № 11; Книжное обозрение. 1988. № 4.

⁸ Сотрудник газеты «Русская мысль» С. В. Дедюлин присылал в издательство «Экономика» материалы из своей газеты, что тогда было ново для нашей жизни. «Статья в «Книжном обозрении» об А. В. Чаянове показалась мне одним из самых интересных материалов в этой газете за последнее время. Кроме того, она написана удивительно живо, «лично и по-человечески», как мне представляется. Примите, пожалуйста, в связи с этим благодарность от Вашего читателя», — писал в одном из сопроводительных писем С. В. Дедюлин (это письмо также находится в архиве автора). Контакты, завязавшиеся по поводу нашей книжки, развивались и далее, так что через три года «Книжное обозрение» задалось вопросом: «Откроют ли Россию для «Русской мысли?» (Книжное обозрение. 1991. № 89).

⁹ TV Россия I. 12. IV. 2013 20:35.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 80-летию реформ Ф. Д. Рузвельта Многогранный гений

*М. М. Скибицкий**

Гений Франклина Делано Рузвельта, великого Президента, реализовался во всех сферах жизнедеятельности общества: социальной, экономической, политической, духовной, научной, военной. Тридцать второй президент США приступил к исполнению своих обязанностей в катастрофическое для страны время. После квазистационарной стадии наступила Великая депрессия 1929–1933 гг., развился режим с обострением, стадия сверхбыстрого нарастания разрушительных процессов, особенно в социальной и финансово-экономической сферах. Рухнул фондовый рынок, сократилось в два раза промышленное производство, разорялись банки, количество безработных составляло в октябре 1932 г 11 млн чел., одну десятую часть всего населения страны, 4 марта 1933 г. закрылись все кредитные организации. Именно в этот день состоялось торжественное введение Рузвельта в должность президента. К этому времени не было еще современной научной методологии исследования общества, особенно в кризисных ситуациях: системного подхода, синергетической парадигмы, формулировки первого закона Дж. Форрестера о функционировании сложных систем. Но гений Рузвельта интуитивно находил эффективные подходы к решению всех острейших проблем. Президент выдвинул свой «Новый курс», считая его творением народа.

Американское общество рассматривалось как сверхсложная система, целостность и функции которой необходимо было

восстановить. Исключительное бесстрашие, решимость Рузвельта вызвали доверие у измученного Великой депрессией народа. За короткий исторический период «ста дней», март-июнь 1933 г., были приняты почти одновременно важнейшие законы, охватившие все сферы жизнедеятельности общества. Большое значение имела выраженная социальная направленность реформ (борьба с безработицей, установление минимального размера заработной платы, сокращение продолжительности рабочего дня, допуск представителей рабочих к выработке законов о труде). Кооперативное, когерентное взаимодействие этих законов дало мощный синергетический эффект. Преодолевая жесточайшую оппозицию финансовых магнатов, Президент спас страну от социально-экономической катастрофы, тяжелых политических потрясений. К июню 1933 г. началась новая глава в истории Соединенных Штатов Америки. При проведении радикальных реформ Рузвельт придавал большое значение нравственному началу. Он считал, что президентство — это не только административная должность, а в первую очередь место, откуда проистекает моральное руководство. Президент установил постоянную связь с народом, проводил по радио семейные беседы «у камелька». Все американцы знали: Президент завтракает на девятнадцать центов.

Главнокомандующий вооруженными силами армии и флота Рузвельт стоял во главе неподготовленного к войне, демобилизованного общества. В стране очень сильны были

* *Скибицкий Марк Михайлович* — доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета.
E-mail: m1458254@yandex.ru

позиции сторонников изоляционизма. Президент считал: нельзя выжить, если начать готовиться к войне после нападения врага. Он прозорливо видел приближение новой мировой войны, усиление агрессивности фашистской Германии и милитаристской Японии. Президент добивался от Конгресса увеличения ассигнований на нужды армии и флота, считал Англию передним рубежом обороны Америки. Занимаясь все более активно организацией военной экономики, Рузвельт в начале 1937 г. дал секретное указание о накоплении стратегических материалов, военные заказы распределялись на частных заводах. После нападения фашистской Германии на Польшу Рузвельт настоял на объявлении Англией и Францией войны агрессору, пригрозив им в противном случае лишения американской помощи. Для поддержки борьбы Советского Союза против гитлеровской Германии Рузвельт добился распространения поставок по ленд-лизу на СССР. Рузвельт стоял у истоков антигитлеровской коалиции.

Рузвельт осознал предупреждения известных ученых и политиков об опасности успехов германских физиков Отто Ганна и Фрица Штрассмана в опытах по расщеплению атомов урана. Был учрежден Национальный комитет по научным исследованиям в области обороны, привлечены научные светила из Гарвардского университета и Института технологии в Массачусетсе. Создавались в инженерных войсках специальные подразделения по руководству строительством ядерных установок и секретных атомных городков. Началось в августе 1942 г. строительство

Манхэттенского инженерного округа для создания атомного оружия. Рузвельт торопился: по данным разведки немцы опережали Америку и Англию в создании атомной бомбы приблизительно на один год. Президент понимал огромное значение науки в жизни общества, особенно фундаментальной, которой в Америке не было до второй мировой войны.

В известном письме Ванневару Бушу от 17 ноября 1944 г. он поставил четыре задачи:

- 1) быстрое рассекречивание результатов военных ИР;
- 2) необходимость разработки программы поддержки исследований медицинской и здравоохранительной направленности;
- 3) условия, на которых правительство могло бы оказывать помощь исследовательской деятельности в общественных и частных учреждениях;
- 4) возможность создания специальной программы поиска научных талантов и обеспечения их развития.

Поразительно, как такой тяжелобольной человек, фактически инвалид, в течение длительного времени стоял у руля страны и мировой политики. Существует точка зрения, что в преодолении трудностей Рузвельт черпал вдохновение.

Фундаментальное наследие Президента, его личность изучаются учеными, политиками, писателями. Это наследие имеет огромное значение сейчас для нашего нестабильного, противоречивого, безумного мира. С полным правом можно сказать: ныне началась вторая жизнь великого Президента.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 80-летию реформ Ф. Д. Рузвельта Многогранный гений

*М. М. Скибицкий**

Гений Франклина Делано Рузвельта, великого Президента, реализовался во всех сферах жизнедеятельности общества: социальной, экономической, политической, духовной, научной, военной. Тридцать второй президент США приступил к исполнению своих обязанностей в катастрофическое для страны время. После квазистационарной стадии наступила Великая депрессия 1929–1933 гг., развился режим с обострением, стадия сверхбыстрого нарастания разрушительных процессов, особенно в социальной и финансово-экономической сферах. Рухнул фондовый рынок, сократилось в два раза промышленное производство, разорялись банки, количество безработных составляло в октябре 1932 г 11 млн чел., одну десятую часть всего населения страны, 4 марта 1933 г. закрылись все кредитные организации. Именно в этот день состоялось торжественное введение Рузвельта в должность президента. К этому времени не было еще современной научной методологии исследования общества, особенно в кризисных ситуациях: системного подхода, синергетической парадигмы, формулировки первого закона Дж. Форрестера о функционировании сложных систем. Но гений Рузвельта интуитивно находил эффективные подходы к решению всех острейших проблем. Президент выдвинул свой «Новый курс», считая его творением народа.

Американское общество рассматривалось как сверхсложная система, целостность и функции которой необходимо было

восстановить. Исключительное бесстрашие, решимость Рузвельта вызвали доверие у измученного Великой депрессией народа. За короткий исторический период «ста дней», март-июнь 1933 г., были приняты почти одновременно важнейшие законы, охватившие все сферы жизнедеятельности общества. Большое значение имела выраженная социальная направленность реформ (борьба с безработицей, установление минимального размера заработной платы, сокращение продолжительности рабочего дня, допуск представителей рабочих к выработке законов о труде). Кооперативное, когерентное взаимодействие этих законов дало мощный синергетический эффект. Преодолевая жесточайшую оппозицию финансовых магнатов, Президент спас страну от социально-экономической катастрофы, тяжелых политических потрясений. К июню 1933 г. началась новая глава в истории Соединенных Штатов Америки. При проведении радикальных реформ Рузвельт придавал большое значение нравственному началу. Он считал, что президентство — это не только административная должность, а в первую очередь место, откуда проистекает моральное руководство. Президент установил постоянную связь с народом, проводил по радио семейные беседы «у камелька». Все американцы знали: Президент завтракает на девятнадцать центов.

Главнокомандующий вооруженными силами армии и флота Рузвельт стоял во главе неподготовленного к войне, демобилизованного общества. В стране очень сильны были

* *Скибицкий Марк Михайлович* — доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета.
E-mail: m1458254@yandex.ru

позиции сторонников изоляционизма. Президент считал: нельзя выжить, если начать готовиться к войне после нападения врага. Он прозорливо видел приближение новой мировой войны, усиление агрессивности фашистской Германии и милитаристской Японии. Президент добивался от Конгресса увеличения ассигнований на нужды армии и флота, считал Англию передним рубежом обороны Америки. Занимаясь все более активно организацией военной экономики, Рузвельт в начале 1937 г. дал секретное указание о накоплении стратегических материалов, военные заказы распределялись на частных заводах. После нападения фашистской Германии на Польшу Рузвельт настоял на объявлении Англией и Францией войны агрессору, пригрозив им в противном случае лишения американской помощи. Для поддержки борьбы Советского Союза против гитлеровской Германии Рузвельт добился распространения поставок по ленд-лизу на СССР. Рузвельт стоял у истоков антигитлеровской коалиции.

Рузвельт осознал предупреждения известных ученых и политиков об опасности успехов германских физиков Отто Ганна и Фрица Штрассмана в опытах по расщеплению атомов урана. Был учрежден Национальный комитет по научным исследованиям в области обороны, привлечены научные светила из Гарвардского университета и Института технологии в Массачусетсе. Создавались в инженерных войсках специальные подразделения по руководству строительством ядерных установок и секретных атомных городков. Началось в августе 1942 г. строительство

Манхэттенского инженерного округа для создания атомного оружия. Рузвельт торопился: по данным разведки немцы опережали Америку и Англию в создании атомной бомбы приблизительно на один год. Президент понимал огромное значение науки в жизни общества, особенно фундаментальной, которой в Америке не было до второй мировой войны.

В известном письме Ванневару Бушу от 17 ноября 1944 г. он поставил четыре задачи:

- 1) быстрое рассекречивание результатов военных ИР;
- 2) необходимость разработки программы поддержки исследований медицинской и здравоохранительной направленности;
- 3) условия, на которых правительство могло бы оказывать помощь исследовательской деятельности в общественных и частных учреждениях;
- 4) возможность создания специальной программы поиска научных талантов и обеспечения их развития.

Поразительно, как такой тяжелобольной человек, фактически инвалид, в течение длительного времени стоял у руля страны и мировой политики. Существует точка зрения, что в преодолении трудностей Рузвельт черпал вдохновение.

Фундаментальное наследие Президента, его личность изучаются учеными, политиками, писателями. Это наследие имеет огромное значение сейчас для нашего нестабильного, противоречивого, безумного мира. С полным правом можно сказать: ныне началась вторая жизнь великого Президента.

Философия в глобальном мире*

(к итогам XXIII Всемирного философского конгресса)

А. Н. Чумаков, Д. А. Киселев**

4–10 августа 2013 г. в Афинах (Греция) состоялся XXIII Всемирный философский конгресс с основной темой «Философия как познание и образ жизни». Такие конгрессы проводятся один раз в пять лет с 1900 г. в различных точках планеты и собирают, как правило, философов со всего мира, доклады которых предварительно получают одобрение Оргкомитета и включаются в научную программу. Главными организаторами конгресса были Международная федерация философских обществ (МФФО) и Национальный греческий оргкомитет. Общее количество участников составило около 3000 человек из более 80 стран мира. Из России было порядка 300 человек, 62 из которых прибыли в Афины в составе делегации, организованной Президиумом РФО. Значительным было также представительство Китая, США, Германии, Франции, Англии, Испании и других стран.

Финансовый университет при Правительстве РФ на конгрессе был представлен заведующим

кафедрой философии, доктором философских наук, профессором А. Н. Чумаковым, который руководил секцией № 48 «Философия развития»¹ и выступил с докладом «Globalization: perspectives and realities of global Development»², а также аспирантом этой кафедры Д. А. Киселевым, представившим на упомянутой секции доклад «Philosophy of development as a starting point for development governance»³. Оба доклада были подготовлены на базе исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финуниверситета 2013 г.

Работа конгресса проходила по давно установившейся традиции, предусматривающей многообразие таких форм, как пленарные заседания, симпозиумы, специальные сессии, секции, круглые столы. Отдельные лекции, вызвавшие особый интерес, были представлены широко известным немецким философом Ю. Хабермасом (Jürgen Habermas)⁴ и не менее именитым итальянским философом Умберто Эко (Umberto Eco)⁵, текст которого

* Выступления на конгрессе и данная публикация подготовлены в рамках исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финуниверситета 2013 года.

** Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

Киселев Данила Алексеевич — аспирант кафедры «Философия» Финансового университета. E-mail: danilakiselev@ya.ru.

¹ См.: <http://www.wcp2013.gr/en/sections-contributed-papers/contributedpapers.html>.

² XXIII World Congress of Philosophy. Philosophy as Inquiry and Way of Life: Programme. [Электронный ресурс] URL: <http://www.wcp2013.gr/files/items/6/644/programmejuly29.pdf> P. 31. (дата обращения 20. 09. 2013).

³ XXIII World Congress of Philosophy. Philosophy as Inquiry and Way of Life: Programme. <http://www.wcp2013.gr/files/items/6/644/programmejuly29.pdf> P. 28. (дата обращения 20. 09. 2013).

⁴ Habermas Jürgen, Plea for a constitutionalization of international law [Электронный ресурс] <http://www.wcp2013.gr/files/items/6/649/habermas.pdf?rnd=1375884436> (дата обращения 20. 09. 2013).

⁵ Eco Umberto, Some remarks on a New Realism [Электронный ресурс] http://www.wcp2013.gr/files/items/6/649/eco_wcp.pdf?rnd=1375884459 (дата обращения 20. 09. 2013).

был зачитан по причине болезни последнего. Полную программу конгресса и материалы отдельных выступлений все интересующиеся могут найти на сайте конгресса⁶.

Конгресс — это своеобразный «пульс» мировой философии, который проявляется во множестве идущих одновременно мини-конференций (секций) и круглых столов, отдельных (самодостаточных) лекций и выступлений, встреч, бесед, дискуссий, побывать на которых не в состоянии ни один человек. Конгресс не только отражает текущие тренды и направления философской мысли, но и во многом формирует их, очерчивает перспективные поля и сферы исследований. И хотя слово «очерчивает» предполагает некоторые границы, у прошедшего конгресса, к счастью, каких-то сковывающих его границ не было, даже несмотря на все перипетии кризиса, обуравшего колыбель мировой философии. Множество профессионалов-энтузиастов со всего мира, среди которых, что отрадно, достойное место заняли и наши соотечественники, организовали работу секций по самым острым и злободневным проблемам современной философии. Совершенно невозможно было найти такую сферу и отрасль философии, которая не была бы сполна представлена на конгрессе. Участникам оставалось лишь сожалеть о том, что не было возможности принять участие во всех интересующих их дискуссиях, а работа многих секций, ввиду огромного числа их участников, шла параллельно сразу в нескольких аудиториях Университета Афин. Но это, пожалуй, единственный организационный «недостаток» прошедшего форума. В остальном же сложно представить более подходящую и более стимулирующую обстановку для творческой мысли и свободной коммуникации, где каждый участник на основе множества встреч, увиденного и услышанного формирует свое собственное видение даже одних и тех же событий, по-своему трактуя происходящее. Из полифонии таких взглядов только и можно составить более или менее целостное представление об итогах конгресса.

Иными словами, восстановить общую картину всего форума и передать творческую атмосферу, царившую там, тем более, рассказать о содержании прочитанных лекций и докладов, состоявшихся дискуссий и обсуждений можно лишь в отдаленном приближении, причем не с какой-то одной позиции, а с точек зрения как можно большего количества его участников. Именно поэтому Российское философское общество в своем основном журнале «Вестник РФО» всегда публикует итоги конгрессов, предоставляя слово его участникам, которые делятся своими впечатлениями, размышлениями и оценками происходившего⁷.

Среди различных заседаний, в которых удалось принять участие авторам данной заметки, хотелось бы немного уделить внимание работе секции «Философия развития», участниками которой были представители азиатских, европейских, американских и африканских стран. В ряду наиболее важных тем, обсуждавшихся на этой секции, оказались реалии и перспективы глобального развития в условиях глобализации. В частности подчеркивалось, что кардинальное и быстрое изменение архитектуры мирового устройства, а также планетарных связей и отношений сопровождается неспособностью мирового общества адекватно реагировать на подобные изменения. В итоге глобальный мир, оказавшийся перед лицом беспрецедентных вызовов и не имеющий при этом адекватной данным вызовам системы управления, все больше втягивается в ситуацию нарастания противоречий, острой борьбы и неопределенности. В этом, по общему согласию участников обсуждения, и заключается главная проблема современной эпохи.

Также было подчеркнuto, что общественное развитие — предельно сложный предмет для философского и научного познания. Понятие «развитие» используется в разнообразных контекстах и практически во всех сферах общественной жизни. В то же время, целостного понимания феномена развития

⁶ См.: www.wcp2013.gr

⁷ См.: К итогам XXIII Всемирного философского конгресса // Вестник РФО. 2013. № 3 (67).

не существует по настоящий момент, тогда как представления о развитии имплицитно встроены в ткань общества и в значительной мере детерминируют социальную, политическую, экономическую, финансовую и иную деятельность людей. Несмотря на то, что эти представления играют всё более важную роль в общественной практике, в деятельности конкретных институтов (в том числе международно-политических и финансовых), значимость идеи развития в науке и философии сегодня несправедливо занижена. Налицо несоответствие между колоссальным интересом философии к проблеме общественного развития и неформальностью, незрелостью философии развития как отрасли философии, дисциплины и сферы творческого поиска.

При этом современная философия развития сталкивается со всевозрастающей сложностью возникающих перед ней задач. Для современного мира критически важными являются не просто поддержка и стимулирование процессов развития по всему миру, но и целенаправленное и системное управление им. Это требует выхода на принципиально новый уровень понимания природы развития и роли управления в общественном развитии. В этой связи, как отмечалось, необходимо иметь в виду взаимосвязь и взаимообусловленность управления, развития и наших представлений о них: одно без другого оказывается просто бессмысленным. Управление без развития означает лишь властвование, распоряжение и контроль и по большому счёту управлением называться не может. Более того, если управление не решает задачи развития, то оно неизбежно становится фактором социальной дезинтеграции и ведёт к росту антагонизма, в том числе классового. Иными словами, речь идёт о развитии, которое должно стать подлинным содержанием управления. В то же время развитие без управления также не имеет смысла, так как неуправляемое и неосознаваемое, стихийное (стохастическое, случайное) «развитие» означает полную пассивность человека перед обстоятельствами, его неспособность реализовать свой творческий потенциал.

Особое внимание привлекла та мысль, что понятие «управление развитием» носит универсальный характер. Оно обозначает особого типа управленческие воздействия общественных субъектов на многообразные процессы развития и в природе, и в обществе, и в духовном мире человека. Такой универсализм понятия об управлении развитием основывается на универсальном характере самих задач управления развитием, которые объективно возникают перед современным обществом, в том числе и на глобальном уровне. Именно поэтому «управление развитием» — это прежде всего особый понятийный комплекс, связанный, в том числе, с формированием нового философского языка. Представление об «управлении развитием» является важнейшим элементом тезауруса философии будущего, контуры которой можно увидеть уже сейчас, но которую, тем не менее, ещё предстоит сознательно доконструировать. Совершенство представлений об «управлении развитием» должно подготовить, гармонизировать и конструктивно согласовать назревающую смену парадигм сразу в нескольких отраслях философии: философии управления, философии развития, философии техники, философии истории, философии образования, рефлексивной философии и т. д. Само оперирование представлениями об управлении развитием является необходимым для этого условием.

Было также отмечено, что в настоящее время в философии управления и развития складываются сразу несколько ключевых подходов и концепций, широко востребованных в контексте совершенствования практики управления и решения задач управления развитием. Одно из наиболее перспективных направлений исследования проблем управления связано сегодня с так называемой концепцией рефлексивного управления. Именно в этой области, по мнению участников обсуждения, следует ожидать прорыва в понимании природы и механизмов управления общественным развитием. Другие перспективные разработки связаны с концепцией устойчивого развития. Все они по-своему раскрывают природу и суть развития и управления. Однако ближайшая

задача философии развития — синтез и совершенствование этих подходов.

Возвращаясь к общим итогам конгресса, отметим, что важной его составляющей наряду с официальной частью, определенной научной программой, являются и многочисленные встречи коллег, объединенных в те или иные научные сообщества. Этому в значительной степени способствуют и предусмотренные программой специальные заседания различных организаций, входящих в МФФО. В частности, два таких заседания было проведено Российским философским обществом, на которых около 100 человек из многих стран мира обсуждали актуальные проблемы российской философии и международного сотрудничества прежде всего в рамках этой организации. Помимо философов из России значительный интерес вызвали выступления членов РФО из США, Китая, Мексики, Казахстана, Киргизии, Украины, Азербайджана и др.

В рамках конгресса, как это обычно и происходит, 9 августа состоялось заседание

Генеральной Ассамблеи Международной федерации философских обществ, в которой Россия представлена Российским философским обществом (*с 2 решающими голосами*) и Институтом философии РАН (*с 2 решающими голосами*). Ассамблея заслушала отчеты исполнительных структур МФФО и тайным голосованием избрала новый состав Исполкома МФФО в составе 39 человек. Новым президентом МФФО стал профессор Дермот Моран (Dermot Moran) (Дублин, Ирландия); Вице-президентами: Танелла Бони (Tanella Boni) (Абиджан, Республика Кот-д'Ивуар); Кен-ичи Сасаки (Ken-ichi Sasaki) (Токио, Япония); Лурдес Веласкес (Lourdes Velazquez) (Мехико, Мексика); Генеральным секретарем МФФО — Лука Мария Скарантино (Luca Maria Scarantino) (Милан, Италия).

На проведение очередного Всемирного философского конгресса было подано две заявки — от Китая и Бразилии. Путем тайного голосования было принято решение о проведении следующего Всемирного философского конгресса в Пекине (Китай) в 2018 г.

Проблема национальной идентичности в условиях глобализации

*Е. И. Замараева**

13–14 июня 2013 г. в Финансовом университете состоялась Международная научно-практическая конференция на тему «Проблема национальной идентичности в условиях глобализации». В работе конференции приняли участие представители профессорско-преподавательского состава Финуниверситета, видные ученые ведущих вузов Москвы и Российской Федерации, ученые зарубежных стран, а также студенты и аспиранты.

С приветственным словом к участникам конференции обратился И. Я. Лукасевич, доктор экономических наук, профессор, помощник проректора по научной работе Финуниверситета. Он сказал о необходимости философского осмысления проблем глобализации, и в частности проблем национальной идентичности и пожелал успеха участникам конференции.

Со вступительным словом выступил доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Финуниверситета А. Н. Чумаков, который сказал, что тема конференции предельно актуальна: это процессы глобализации, которые обостряют все противоречия нашего мира. Проблемы национальной идентичности — это проблемы всей истории человечества. Но сегодня эта проблема чрезвычайно обострилась, так как стираются экономические, культурные, цивилизационные границы. Мы вступаем в полосу противоречий, и нет однозначных ответов на существующие вопросы. То, что

годились для XX в., не годятся для XXI в. Глобализация — это объективный исторический процесс, в котором важнейшую роль играет субъективный фактор. Необходимо формирование гражданского общества, которое могло бы контролировать систему власти, так как демократия зависит от качества гражданского общества.

Конференцию открыл доктор философских наук, профессор МГУ им. Ломоносова И. А. Гобозов. В своем докладе «Глобализация или интернационализация» он приходит к выводу, что глобализация началась после распада СССР и была насильственно навязана Западом. В середине XX в. мир делился на три части: капиталистический, социалистический и страны третьего мира. До глобализации существовал процесс интернационализации, который базировался на многообразии исторических процессов, экономических, политических, духовных. В основе единства мира лежат труд, обмен материальными и духовными ценностями, политика невмешательства вот основа интернационализации. Глобализация имеет принципиально иной характер: общество состоит из субъекта и объекта, и субъект оказывает колоссальное влияние на ход объективного исторического процесса. Следствием глобализации является исчезновение национальной экономики, культуры, языка: две-три тысячи языков находятся на грани исчезновения. Пропагандируется космополитизм, слово «патриот»

* *Замараева Елена Ивановна* — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Финансового университета.
E-mail: zamaraeva_e@mail.ru

становится ругательным. Мы не можем избавиться от комплекса неполноценности, пытаясь догнать Запад. Запад навязывает нам свою систему ценностей, в частности, ювенальную юстицию или систему однополых браков. Происходит унификация всех сфер жизни, исчезает индивидуальность. За 20 лет глобализации не появилось выдающихся ученых, писателей, философов. Люди перестали думать. Глобализация породила иллюзию о Мировом Правительстве, между тем ООН давно превратилась в орудие политики Запада, прежде всего США. Мы наблюдаем крах политики мультикультурализма, резкий приток иммигрантов в страны Западной Европы, которые не хотят интегрироваться в систему западных ценностей, что приводит к потере национальной идентичности западных стран.

Докладчик выступает за сохранение национальной идентичности, которую необходимо фиксировать юридически. Национальная идентичность, по его мнению, не мешает культурному сотрудничеству, а наоборот, обогащает его.

Профессор, доктор философских наук, заведующий сектором истории антропологических учений Института философии РАН П. С. Гуревич в своем докладе «Феномен идентичности в трактовке П. Рикера», посвященном 100-летию со дня рождения выдающегося философа, отметил, что именно Рикер обеспечил прорыв в трактовке феномена идентичности. В его трудах выражена тревога по поводу процессов глобализации, по поводу сохранения мирового пространства как федерации культур. Докладчик отметил, что национальная идентичность — это относительно устойчивый фактор культуры, который выступает в двух видах: внутренняя и внешняя, социальная, являющаяся порождением внутренней. Необходимо соблюдать баланс внутренней и внешней идентификации. Соединение народов в единую цивилизацию, по мнению докладчика, является объективным процессом. Цивилизации, как известно, рождаются, живут и умирают. И будущая универсальная культура может быть федерацией

культур, которые сохраняют свою национальную идентичность.

Основополагающим тезисом выступления доктора экономики Блумсбургского университета США Селим Хана было положение об усилении и укреплении национальной идентичности. Как экономист, докладчик считает, что необходимо учитывать экономические и социальные факторы укрепления национальной идентичности. В условиях свободного рынка национальная идентичность сходит на нет, если не укрепляется специальными правительственными программами. Необходимы инвестиции в человеческие ресурсы, в культурные и образовательные программы, в программы по сокращению уровня бедности.

В докладе доктора философских наук, профессора кафедры философии Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина Н. Ф. Бучило «Светская и религиозная культура в перспективе глобализации» была отмечена взаимосвязь между светской и религиозной культурами и специфика проявления одних и тех же конфессий в разных странах и культурах. Отношения светской и религиозной культур осложняются тем, что происходит массовое переселение народов. По мнению докладчика, проблема диалога религий неразрешима, поэтому перспективным видится инициирование культурного диалога. Взаимное обогащение культур — это естественный процесс, национальные культуры, в частности культуры так называемых малых народов, должны стать общим достоянием. Не должно быть привилегий ни для одной культуры. Попытка внедрить преподавание православной культуры в школу — это разжигание национальной и конфессиональной вражды. Россия — светское государство, которое не должно погрязнуть в национальных и религиозных конфликтах.

Х. А. Барлыбаев, доктор философских наук, профессор РАНХиГС в своем докладе «Языкознание как фактор государственной безопасности» отметил, что тема конференции является сложной и архиважной. В ней соединяются три проблемы:

1) идентичность; 2) национальный вопрос; 3) глобализация. Проблемы языкознания приобретают острый характер и напрямую влияют на безопасность Российского государства. Достаточно вспомнить отношение к русскому языку в Грузии, Прибалтике, Украине. Чрезвычайно актуальными являются проблемы обучения русскому и национальным языкам. Наравне с русским языком необходимо обучение местным языкам народов России, что является гарантией стабильности многонационального государства.

О том, что глобализация является объективной реальностью, которая охватывает все сферы нашей жизни, заявил в своем выступлении Ариф Асалы Оглы, генеральный директор Российско-турецкого культурного центра (Турция). Он подчеркнул, что национальная культура и национальная идентификация — это основа жизни общества. Национальная культура имеет место во всех сферах жизни, начиная от национальной кухни и способа обработки огорода и кончая способом обучения и образом жизни. Под влиянием процессов глобализации современная молодежь перестает понимать ценности национальной культуры. В молодежной среде одинаковыми становятся питание, язык, образ жизни. Чтобы национальная культура осталась в образе жизни, нужна специальная работа со стороны Министерства образования и Министерства культуры. Если национальная культура сильна, то влияние глобализации смягчается, преодолеваются нищета, необразованность, экономические и политические проблемы. Достаточно вспомнить возрождение Германии после Второй Мировой войны, которое произошло именно благодаря сильному национальному духу и национальной культуре. Положительной стороной глобализации является проникновение и взаимодействие культур и языков. Диалог культур, правильное образование и воспитание молодого поколения помогут преодолеть негативные последствия глобализации.

Профессор МГУ им. Ломоносова, доктор философских наук н. Т. В. Кузнецова в своем докладе «Категориальная синхрония

народности в эпоху индустриальной модернизации» отметила, что ушедший век оставил нам ряд проблем. Развитие СМИ, урбанизация, информатизация общества становятся инструментами стирания национальных различий. Люди в условиях глобализации становятся носителями национальных особенностей. Для России это особенно важно, так как многонациональность нашей страны — это наше преимущество. В этих условиях современная русская культура приобретает более яркие черты национальной самоидентификации и включает в себя специфические особенности культур регионов. Национальные культуры регионов образуют матрицу современной культуры. СМИ используются различные формы народного творчества, и здесь важны вкус, талант, чувство меры, поскольку социальный запрос на национальную идентичность никогда не исчезнет. Следовательно, процессы глобализации ведут к сближению форм труда и быта, различных культурных форм.

Арансибия Алака Вальтер, кандидат экономических наук (Боливия) в докладе «Проблема идентичности коренных народов в условиях глобализации» также подчеркнул, что проблемы национальной идентичности являются очень актуальными. Национальная идентичность — это социальные, культурные и пространственные условия, которые ведут к объединению сообщества, и часто национальная идентичность пересекается с проблемами государственности. В частности, в Боливии существует более 37 народностей, которые испытывают влияние других языков и традиций. Один из угрожающих факторов для жизни малых народов — это глобализация. Общество становится более однообразным, межкультурные различия становятся мифом. Величайшим капиталом и ценностью остался национальный язык, и это богатство сейчас находится под угрозой вследствие современных либеральных идеологий, которые его игнорируют. В последнее время создается отрицательное представление о коренных языках, которые связываются с бедностью, недоразвитостью. Результатом стало

то, что носители отказываются от родного языка в пользу испанского или английского. Люди начинают воспринимать свою национальную идентичность негативно, и в этот момент начинается кризис идентичности. Благодаря миру общего языка, люди воспринимают себя как единую общность, хотя это привнесенное явление. Язык — это дух народа, и распространение языка всегда связано с властными структурами, с колонизацией других народов, интеграция в единое лингвистическое сообщество всегда инициируется властью. В этой связи владение несколькими языками должно стать необходимостью, так как это не барьер, а дополнительная возможность нашей идентичности.

В докладе доктора философских наук, профессора, заведующей кафедрой «Теоретическая социология» Финуниверситета Г. Г. Силласте «Национальная идентичность и космополитизм в мегаполисе» затрагиваются проблемы космополиса и мегаполиса. По данным социологических исследований, каждый пятый человек в России проживает в крупных городах, и эта тенденция усиливается. Космополисы стали аккумулировать крупные миграционные потоки, причем чем сильнее транзитный характер мегаполиса, тем чаще стоит вопрос двух идеологий: космополитизма и национализма. Очевидно, что проблемы национальной идентичности будут увеличиваться. Социологи отмечают, что для идентификации центральным является процесс самоотождествления, а важнейшим стереотипом национального поведения является привязанность к той или иной группе, что позволяет усвоить главные стереотипы национального поведения. Помимо этого, в большом городе проблема мигрантов носит поколенческий характер, это в первую очередь касается детей мигрантов. Поэтому можно говорить о «невольном меньшинстве» — это дети и «добровольном меньшинстве» — это родители. Социологов сейчас интересует мегаполис как культурное пространство и космополитизм как идеология мегаполиса. В крупных городах идет

отказ от национальных традиций, идей патриотизма и появляется идеология конвергенции.

А. В. Митрофанова, доктор политических наук, профессор кафедры «Общая политология» Финуниверситета в докладе «Пути формирования национальной идентичности в России» подчеркнула, что СССР распался по административным границам, которые не всегда соответствовали границам компактного проживания той или иной нации. В итоге в современной России наблюдается слабость национальной идентичности. Некоторые страны, например Эстония, Молдова, идут по пути создания этнического государства, в основе которого лежит титульная нация. По этому пути идет и Восточная Европа, но это архаичный путь, и он не может быть использован современной Россией. Россия должна идти по пути создания гражданской нации, которую принято называть «россияне». Но гражданскую нацию в России невозможно создать без наднациональной идентичности, идентичности Российской Федерации.

В своем выступлении «Культура идентичности Китая в контексте глобализации» кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия», зам. декана факультета «Социология и политология» Финуниверситета С. А. Просеков отметил сильное влияние Запада на культуры других народов, в частности Китая. Это влияние осуществляется через: 1) иностранные организации; 2) китайские государственные структуры; 3) китайскую интеллигенцию; 4) китайскую молодежь. Происходит размывание китайской идентичности, и наиболее сильное влияние оказывается через массовую культуру. Китайские власти противостоят этому, воспитывая в китайцах патриотизм, культивируя китайскую культуру и язык. С детства китайцам прививают любовь к родине, народу, труду, науке и социализму. Причем патриотизм порой переходит в национализм. Докладчик подчеркнул роль национальной культуры, традиций в формировании национальной идентичности и развитии национального духа.

Е. В. Бахревский, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ) в своем докладе «Концепция «геноцида» как средство этнической консолидации на примере народов Кавказа» подчеркнул, что Кавказ является регионом, в котором проживают десятки народов. В связи с этим перед национальными элитами стоит вопрос о национальной консолидации, который может быть решен двумя способами: 1) концепция древних предков; 2) наличие вековечного врага, то есть виктимизация истории. В 1948 г. была принята Конвенция о предотвращении геноцида, в которой геноцид трактуется как преднамеренное и спланированное уничтожение какого-либо народа. Поэтому дать юридически подтверждение геноциду довольно проблематично, даже известному геноциду армян турками в 1915 г. Однако в настоящее время Кавказ становится полем «тотального геноцида», сегодня говорят даже о «геноциде» казаков и русских на Кавказе. Можно даже проследить методологию становления этих концепций. В заключение своего выступления докладчик делает вывод о том, что выстраивание собственной национальной идентичности не может строиться на концепции геноцида.

Е. Ю. Орен, ученый секретарь Российско-турецкого научного центра отметила, что в настоящее время даются разные определения национальной идентичности. Психологи и социологи определяют национальную идентичность как психо-социальную особенность личности. Сохранение национальной идентичности и построение культурного диалога необходимо для преодоления культурных различий в условиях глобализации современного общества.

В докладе доктора философских наук, профессора кафедры философии РУДН С. А. Нижникова «Диалектика национального и общечеловеческого» прозвучала мысль о том, что общечеловеческое рождается из национального. Достижения национальных культур являются общемировым достоянием. Общечеловеческое существует так же

реально, как и индивидуальное. Не нужно отказываться от родного языка, от родной культуры, терять национальную идентификацию, чтобы приблизиться к общемировым ценностям. В эпоху глобализации общечеловеческие ценности не могут противоречить национальным.

М. М. Скибицкий, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финнуниверситета в своем выступлении «Почему Япония выстояла, а Россия — нет!?» отметил два качества, присущие японскому национальному характеру: верность и усердие. Японцы так говорят о Второй Мировой войне: «Мы проиграли войну, но не потеряли себя». Чтобы возродить страну после войны необходима была совершенная система управления, основным принципом которой был человекоцентризм. Японии свойственна национальная идентичность во всех сферах жизни. Путь развития этой страны характеризуется как постмодернизм: новейшие технологии и мобилизация всех сил на основе собственной национальной идентичности. Сохранение культурной идентичности и совершенная система управления — вот два принципа, на которых строится японское общество.

Лучио Джулиодори, доктор философии (Италия) в своем выступлении отметил, что так называемая «утечка мозгов» и потеря культурной идентификации очень связаны между собой. В глобализирующемся мире культурное разнообразие идет на убыль. Иностранцы часто видят только позитивное в той стране, по которой путешествуют. В частности, Италия — это далеко не идеальная картинка, которую видят туристы. В большинстве своем итальянцы вовсе не являются патриотами, так как осознают экономические и политические проблемы: рост уровня безработицы, существование мафиозных структур, коррупционность всех ветвей власти, провал политики мультикультурализма и огромный приток мигрантов, прежде всего арабов. Итальянцы понимают, что политики манипулируют общественным мнением, и это, по мнению докладчика, путь культурного самоубийства, путь регресса.

В своем докладе «Гражданская мораль как ключевой элемент патриотизма (на примере Республики Южная Осетия)» аспирант Дипломатической Академии МИД РФ, Третий секретарь Посольства Республики Южная Осетия в РФ З. Э. Валиева обратила внимание присутствующих на то, что Южная Осетия все чаще становится объектом агрессии со стороны Грузии: уничтожаются памятники культуры, проводятся этнические чистки, культивируются идеи богоизбранности грузинского народа и проводится политика «огрузинивания» осетинского народа. В этой ситуации необходимость сохранения нравственного достоинства нации, воспитание гражданской морали являются ключевыми моментами патриотического воспитания и сохранения культурной и национальной идентичности.

В. Л. Курабцев, доктор философских наук, профессор, член РФО в докладе «Идентичность российской русской души» отметил, что идентичность российско-русской души неотделима от веры, от конфессиональной принадлежности нашего народа. По данным последней переписи населения, русские составляют 70% населения нашей страны. Идентичность на основе православных ценностей включает в себя платоничность, «славянскость» и христианские ценности. Платоничность предполагает высокие моральные качества и максимализм. «Славянскость» — это, прежде всего, доброта, ласковость, этническое миролюбие, терпимость и терпеливость и бескорыстие. Таким образом, идентичность российско-русской души, по мнению докладчика, может строиться только на основе православной культуры.

14 июня состоялось секционное заседание конференции, которое открыл Д. А. Силичев, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финуниверситета. В своем выступлении «Глобализация и культурная идентичность» он выразил мысль, что национальная и культурная идентичность очень близкие понятия. По мнению докладчика, глобализация началась с экономики. Произошло смещение трех сфер: политики, культуры и экономики, где экономика заняла

ведущие позиции. 1946–1975 гг. — это «золотой век» капитализма, когда наблюдались самые высокие темпы развития. Затем произошла неолиберальная революция, и с 80-х годов все изменилось: экономика вышла на первый план, а культура начала терять свои позиции. Мы наблюдаем агрессивное влияние массовой культуры, в первую очередь американской, в которой важен прежде всего коммерческий успех. Единственная страна Западной Европы, которая пока этому противостоит, — это Франция, потому что культурную политику страны поддерживает правительство, и французский кинематограф, в частности, существует только за счет поддержки государства. Следовательно, пока не произойдет переосмысление всех этих процессов, ситуация не изменится. Культура требует поддержки со стороны государства, так как не все продукты культуры включаются в рыночную логику.

В докладе Б. Ф. Калачева, доктора философских наук, профессора, члена РФО «О путях гармонизации общежития этносов в многонациональной России» прозвучала мысль о необходимости тщательного анализа государственных программ, регулирующих межэтнические отношения, так как с 90-х годов государством тратятся на это огромные средства. Виден ли результат? Увы, нет. Социологи и политологи сходятся во мнении, что в современной России неизбежно осуществляются центробежные процессы, которые необходимо остановить. Предлагаются различные рецепты, вплоть до возвращения к язычеству или создания новой религии (типа дианетики). Докладчик категорически против таких решений и считает, что в межконфессиональных и межнациональных отношениях нужно придерживаться Конституции, в которой говорится о том, что в нашей стране государство и церковь отделены друг от друга. Россия является светским государством, поэтому необходимо создавать институт гражданского общества, так как этнические институты являются прикладными.

Т. П. Чернобаева, кандидат исторических наук, профессор кафедры «Философия»

Финуниверситета в своем выступлении «Учет национальных особенностей в процессе преподавания курса «Культурология»» отметила, что национальный вопрос всегда являлся очень сложным и требовал бережного обращения. Важную воспитательную задачу в этом смысле решает университетский курс «Культурология», в процессе которого студенты знакомятся с национальными и культурными особенностями различных регионов, из которых приехали их однокурсники. Студенты лучше узнают собственную национальную культуру, кроме того, это способствует снятию межнациональной нетерпимости и напряженности. Важную роль в этом играет работа кружка «Московская старина», в котором студенты, как москвичи, так и немосквичи, лучше узнают историю нашей древней столицы.

В выступлении кандидата исторических наук, профессора кафедры «Философия» Финуниверситета В. В. Викторова «Быть или ощущать себя русским» было отмечено, что каждая идентичность имеет ядро, которое необходимо сохранять. Мы не должны допустить исчезновения национальной русской культуры, так как это повлечет за собой исчезновение культур малых народов России. Для сохранения национальной культуры и национальной идентичности нужно максимально сохранить гуманитарную составляющую учебного процесса.

Основным тезисом выступления В. Ш. Сургуладзе, кандидата философских наук, научного сотрудника Российского института стратегических исследований (РИСИ) «Проблема национальной идентичности в конституционном праве» было положение о том, что действующие конституции разных стран дают нам возможность осмысления многих существующих проблем национальной идентичности. В частности, в конституциях Китая, Лаоса, Камбоджи в преамбуле с чувством собственного достоинства прописано великое прошлое и светлое будущее этих стран. Интересны в этом смысле конституции многих Арабских государств, в которых говорится об общей арабской исламской цивилизации и культивируется чувство общей арабской

идентичности. К сожалению, культурный код, связанный с традиционными ценностями, который был заложен в конституции многих европейских государств, сейчас меняется в угоду так называемой политкорректности. Вопросы национальной идентичности, прав наций на самоопределение, сохранения территориальной целостности имеются во многих странах, и действующее конституционное право дает нам возможность переосмысления многих проблем.

Многие выступления вызвали интересную и плодотворную дискуссию. Так, обсуждение проблемы национальной идентичности в современных условиях неоднократно возвращало ее участников к понятию патриотизма, необходимости совершенствования методов и форм патриотического воспитания, в том числе и в рамках изучения тем ряда вузовских учебных курсов. Профессор кафедры «Философия» Финуниверситета, доктор философских наук К. А. Зуев отметил сложность категории патриотизма, проанализировал некоторые важные, с его точки зрения, характеристики этого понятия. Он подчеркнул, что следует стремиться к формированию патриотизма деятельного, активного, а не декларативного, чуждого чувству национального превосходства над другими, сочетающего любовь к своему этносу и стране с уважением иных народов и культур, интересом к их истории. Иначе говоря, подлинный патриотизм должен находиться в диалектическом единстве с интернациональной солидарностью. По мнению К. А. Зуева, чувство гордости за достижения своего народа и государства не только не должно исключать, но быть неотделимым от чувства вины за черные страницы в его истории. Патриотизм направлен на укрепление социальной солидарности и жизнеспособности государства, тем не менее он не должен требовать единомыслия и полного мировоззренческого и аксиологического единства. Реальный патриотизм неотделим от толерантного и уважительного обсуждения путей и способов будущего развития, степени важности и первоочередности конкретных задач

и проблем, стоящих перед народом и государством.

Профессор кафедры «Философия» Финуниверситета, кандидат философских наук Н. М. Кишлакова в своем выступлении акцентировала внимание участников конференции на патриотизме как ядре национальной идентичности. Она отметила, что целостное, философское исследование патриотизма предполагает его рассмотрение как некой идентичности данной социокультурной реальности. Идентичность патриотизма, считает она, по сути тождественна идентичности человека, а подход к пониманию сущности патриотизма как феномена существования свидетельствует об объективности и необходимости его сохранения и в условиях глобального мира.

Аспирант философского факультета МГУ им. Ломоносова Д. Г. Круглых в своем докладе «Парадигмы японской и азербайджанской народностей в контексте синтеза искусств» отметил, что танец является синтетическим искусством, в котором соединены музыка,

пластика, костюм, аксессуары. Докладчик отметил самобытность азербайджанского и японского танцев, которые выражают народный дух и являются воплощением национальной идентификации, и подчеркнул, что в условиях глобализации народное искусство становится индексом культурной и национальной идентичности.

В заключительном слове доктор философских наук, профессор, зам. заведующего кафедрой «Философия» Т. М. Махаматов говорил об онтологических основах идентичности. Он отметил, что идентичность имеет различные аспекты: государственно-политические, социальные, личностные. Самая чувствительная — это этническая идентичность, которая осознается тогда, когда одна этническая группа противопоставлена другой. Очень часто национальная и религиозная идентичность соединяются. Разделение идентичности идет только тогда, когда в рамках одного государства проживают представители разных конфессий. И это различие преодолевается воспитанием чувства патриотизма.

SUMMARY

PHILOSOPHY

Page 4

Konstantin A. Zuev
Ph. D. (Philos.), Prof.,
Department of Philosophy,
Financial University.
E-mail: konstanzuev@yandex.ru

Evgeny A. Krotkov
Ph. D. (Philos.), Prof.,
Belgorod State National
Research University.
E-mail: krotkov_ea@mail.ru

World Outlook, Philosophy, Science: The Problem of Their Correlation and Interaction

Abstract. The article considers some aspects of the relation between science, religion and philosophy, the problem of the place of philosophy in the structure of world outlook. The authors emphasize the value of philosophy as a method of critical research and analysis of world outlook grounds, as well as the importance of ideological tolerance as a prerequisite to the survival and further development of modern civilization.

Keywords: world outlook; science; cognition; religion; tolerance; philosophy.

Page 11

Elena I. Zamaraeva
Ph. D. (Philos.), associate Prof.,
Department of Philosophy,
Financial University.
E-mail: zamaraeva_e@mail.ru

The Concept of the State and Public Administration in the Eurasian Doctrine

Abstract. The article presents the concept of the state and public administration in the doctrine of Eurasianism, one of the philosophical and socio-political movements of the first wave of Russian emigration. The author analyzes the key ideas of the Eurasian concept of the state structure, including the concept of ideocracy, idea-ruler, ruling selection. **Keywords:** public administration; Eurasianism; Eurasia; ideocracy; idea-ruler; the ruling selection.

POLITICAL SCIENCE

Page 17

Sergey G. Kara-Murza
Ph. D. (Chemistry), Professor, Director General, Center for
Problem Analysis and the Governance, Chief Researcher,
Institute of Social and Political Studies.
E-mail: frpc@cea.py

Medium-Term Development Strategy of Russia: The Conditions of Success

Page 29

Victor A. Kulinchenko
Ph. D. (Philos.), Prof.
Department of Politology and Political Management,
Russian Academy of National Economy and State Service
under the President of the Russian Federation
E-mail: ku107@rambler.ru

Alexander V. Kulinchenko
Ph. D. (Philos.), associate Prof., Department of General
Politology Finance University.
E-mail: ku107@rambler.ru

Renewal of the Elite is an Important Task of the Russian Society

Abstract. The state and results of activity of the Russian elite cause dissatisfaction in society. The acuteness of unresolved social problems creates the requirement of the change of the elite. However, its solution by a "revolutionary way" or through "selection and placement of personnel" under conditions of a serious degradation of society itself and the state seem unacceptable. A spiritual and moral renewal of the whole society is needed, which supposes a personal effort of every member. A special role should be played by socio-political leaders, who deeply understand the historical traditions of the people and their responsibility for their fate.

Keywords: power; government; civil society; spiritually-moral renewal; leader; policy; the modern Russian elite; the elite.

SOCIOLOGY

Page 36

Tatiana I. Zaslavskaya
Ph. D. (Econ),

Sociologist, Economist, Political Scientist,
Academician of the Russian Academy of Sciences

“Since childhood, I knew that the most interesting and worthy employment — the science”

HISTORY

Page 58

Sergey E. Tsvetkov

Professor, International University in Moscow, the Author of the Book “Russian history” in 4 Volumes and a Number of Biographical Research Works.
E-mail: cer6042@yandex.ru.

Great intercessor for the Motherland. Patriarch Hermogen

Abstract. The article considers the life and activity of Patriarch Hermogen (about 1530–1612), who played a key role in the events of the time of Troubles as a mastermind of the national resistance to the Polish-Lithuanian invaders.

Keywords: the Romanovs dynasty; the Polish-Lithuanian intervention; the Russian Orthodox Church; Rurikovichi; the time of Troubles.

Page 70

Elena A. Ageeva

Ph. D (History), associate Prof.,
Department of Economic History and History of Economic Studies, Finance University.
E-mail: Ageeva_Elena_Andreevna@mail.ru

The Moscow Periodical Press in the Years 1917–1918: the Problem of Cooperation with the New Government

Abstract. The article on the basis of periodicals, archival documents and statistical materials considers the development of the press in the conditions of revolutionary transformations (1917–1918). It focuses on issues of governance of the periodic press, its role in the establishment of Bolshevik power. The author analyzes new forms of the organization of the printing business, the influence of the printers' Union on the functioning of the press, shows the inconsistency of

actions of the Bolsheviks in the establishment of the socialist press, particularities of the implementation of the press decrees in Moscow.

Keywords: freedom of the press; the opposition press; material resources of the printing business; nationalization of property; the distribution of material resources; the state monopoly on ads; distribution of printed production; the printers' Union.

Page 83

Ekaterina A. Kozlova

associate Prof., Department of Economic History and History of Economic Studies, Finance University.
E-mail: maneitch.vitaly@yandex.ru

Theoretical Heritage of the Economist M. I. Tugan-Baranovsky

Abstract. The article is devoted to the creative heritage of the classic of Russian economic thought M. I. Tugan-Baranovsky. The author considers his merits: a new interpretation of the markets, a creative explanation of the periodicity of crises, their role in the development of the national economy. The author stresses that M. I. Tugan-Baranovsky is highly appreciated by contemporaries as the creator of the modern investment cycle theory. His merit also lies in the fact that he investigated the general trends of the development of capitalism in Russia, was one of the first to conduct a comparative analysis of Russian and Western economies, paid attention to the role of the middle class. The author comes to the conclusion that the heritage of the prominent economist M. I. Tugan-Baranovsky, as a popularizer of Russian economic thought in the West, is of particular importance.

Keywords: urban economy; capital; market situation; hired labor; forecasting; industrial crises; the theory of markets; factory.

PSYCHOLOGY

Page 87

Zhanna V. Korobanova
Ph. D. (Psychol.),

Deputy head of the Department of Applied psychology,
Finance University.
E-mail: korobanova_j@mail.ru

Yulia E. Muzhichkova
Ph. D. (Psychol.)

Deputy head of the Department of Applied psychology,
Finance University.
E-mail: borjulia@mail.ru

Ideas About the Personality of Russian Businessmen

Abstract. The article analyzes the views about the personality of businessmen. Basing on a review of scientific literature, the authors identify the main psychological characteristics of an individual entrepreneur, separately considering the personality of a big businessman. The authors present the results of their own study on identifying ideas about the psychological qualities of famous businessmen, comparing them with the qualities of an “ideal businessman”.

Keywords: business leaders; personal qualities of a businessman; ethical aspects; social responsibility.

LINGUODIDACTICS

Page 94

Elena A. Fedorova

Ph. D. (Philolog.), associate Prof.,
Department of the Russian language
Finance University.
E-mail: ea.fedorova@gmail.com

Elena N. Nesterova

Associate Prof.,
Department of the Russian language
Finance University.
E-mail: nesten77@mail.ru

An Innovative Society and Active Processes in the Russian-Language Communication

Abstract. The question of the preservation, promotion and dissemination of the national language is now paramount,

determining the purpose and content of the language policy of the state. The system of state measures is constructed taking into account the development trends of society in the sphere of language-building. The article analyzes active processes in the Russian-language communication, whose participants and creators are both linguists- normalizers and native speakers, and who determine the structural features of the society of a new type — innovative society.

Keywords: active processes; innovative society; vocabulary; the Russian language communication; the language of network communication; language policy; language changes.

THE PROBLEMS OF EDUCATION

Page 99

Nina A. Prokhorova

Ph. D. (Philolog.), Professor, Department of the German language All-Russian foreign trade Academy.
E-mail: nina-prokhorova@yandex.ru

The use of interactive technologies in the final control in the study of foreign languages

Abstract. The article is devoted to the topical issue of modern theory and practice of teaching foreign languages —

the use of interactive technologies. The author emphasizes that interactive methods have a great potential for development and use and suggests the use of the project “Economic conference” as a way of implementing a comprehensive final control once the module “Language of speciality” is over.

Keywords: interactive control; interactive technologies; concept of learning; methodological tools; training; capacity; economic conference; the language of speciality.

PUBLICATIONS OF FOREIGN AUTHORS

Page 103

Chzhao Yanj

Ph. D. (Philos.), associate Prof.,
People's University of China
E-mail: rangnazhao@mail.ru

The Soviet and Chinese Models Socialism: an Analysis Based on Research by Chinese Scientists

Abstract. The article gives the comparative analysis of Soviet and Chinese models of socialism on the basis of research by Chinese scientists. The author concludes that the

way of socialism with Chinese characteristics is the path of scientific socialism, corresponding to the existing national conditions and realities of the development and progress of modern China. The article reveals the joint struggle of the party and people for integration of scientific socialism with the Chinese reality in the context of the requirements of the modern era.

Keywords: harmonious socialist society; the Chinese model of socialism; the Chinese specificity; Marxism; political progress; development of society; Soviet model of socialism; socialism; economic prosperity.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
«**Вестник Финансового
университета**»

Международный
научно-практический журнал
«**Гуманитарные науки.
Вестник Финансового
университета**»

Международный
научно-практический журнал
«**Управленческие науки**»

Подписные индексы в каталоге «Пресса России»

82140

44090

44108

Тематические направления

- Финансы, денежное обращение и кредит
- Экономика и управление народным хозяйством
- Мировая экономика
- Бухучет и статистика
- Матметоды в экономике
- Экономическая теория
- Право
- Философия
- Культурология
- История
- Социология
- Психология
- Русский язык
- Иностранные языки
- Политология
- Образование
- Государственное и муниципальное управление
- Корпоративное управление
- Маркетинг
- Менеджмент
- Корпоративная социальная ответственность
- Региональная экономика и управление

Наши авторы

Ведущие российские и зарубежные ученые, а также эксперты-практики

Электронные версии журналов находятся в свободном доступе
на www.fa.ru и elibrary.ru

Подписку также можно оформить в Издательстве Финансового университета:
125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-т, 53, к. 3, ком. 105

Тел.: **8 (499) 943-99-29**

E-mail: iri-ratnikova@yandex.ru

Ратникова Ирина Юрьевна